

2024

Том 15. № 2

2024. Vol. 15. No. 2

DOI: [10.19181/vis.2024.15.2](https://doi.org/10.19181/vis.2024.15.2)

ISSN 2221-1616 (online)

ВЕСТНИК *Института*
СОЦИОЛОГИИ

VESTNIK INSTITUTA SOTZIOLOGII

С Е Т Е В О Й
Ж У Р Н А Л

www.vestnik-isras.ru

Тема номера:

Социология религии

/ Религия
в контексте секуляризации

/ Субъектность
в высшем образовании

/ Потенциал мягкой силы

/ Традиционные практики эвенков

Вестник Института социологии Vestnik instituta sotziologii 2'2024

Рецензируемый сетевой научный журнал
Издается с 2010 г.
Выходит 4 раза в год

2024. Том 15. № 2
DOI: 10.19181/vis.2024.15.2

Учредитель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
Издатель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
Главный редактор: М. К. Горшков
Заместители главного редактора: П. М. Козырева, О. В. Аксенова
Ответственный секретарь: К. В. Подъячев

Журнал включен в Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science.
Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Журнал открытого доступа.

Доступ к контенту журнала бесплатный. Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе на официальном сайте журнала с момента публикации: <https://www.vestnik-isras.ru>

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77 - 73108:
Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Год регистрации: 2018 г.

© Вестник Института социологии, 2024
© Vestnik instituta sotziologii, 2024

Состав Редколлегии

Главный редактор

ГОРШКОВ Михаил Константинович – академик РАН,
Научный руководитель ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: director@isras.ru

Заместители главного редактора

КОЗЫРЕВА Полина Михайловна – доктор социологических наук, первый заместитель директора Института социологии ФНИСЦ РАН, начальник Управления координации Программы развития ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: pkozyreva@isras.ru

АКСЕНОВА Ольга Владимировна – доктор социологических наук, руководитель Центра изучения регионов России Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: illaio@yandex.ru

Ответственный секретарь

ПОДЪЯЧЕВ Кирилл Викторович – кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН; доцент социологического факультета ГАУГН (Москва, Россия)

E-mail: vestnik@isras.ru

Члены редколлегии

БАДАРАЕВ Дамдин Доржиевич – доктор социологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия)

E-mail: damdin80@mail.ru

БАТАНИНА Ирина Александровна – доктор политических наук, профессор, директор Института гуманитарных и социальных наук Тульского государственного университета (Тула, Россия)

E-mail: batanina@mail.ru

ДУКА Александр Владимирович – кандидат политических наук, заведующий сектором Социологического института – филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: a_duka@mail.ru

ЗАБОРОВА Елена Николаевна – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург, Россия)

E-mail: ezaborova@yandex.ru

КИВИНЕН Маркку – профессор, директор по исследованиям Алексантери института Университета Хельсинки (Хельсинки, Финляндия)

E-mail: Markku.kivinen@helsinki.fi

КУЧЕНКОВА Анна Владимировна – кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра методологии социологических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: a.v.kuchenkova@gmail.com

МИХАЙЛЕНКО Олег Михайлович – доктор политических наук, профессор, руководитель Отдела исследований социально-политических отношений Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: m-oleg-m@yandex.ru

ПАТЕЛЬ Сажата – профессор социологии, научный сотрудник Индийского института перспективных исследований (Шимла, Индия)

E-mail: patel.sujata09@gmail.com

ПАТРУШЕВ Сергей Викторович – кандидат исторических наук, доцент, руководитель Отдела сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: servpatrushev@gmail.com

ПОКРОВСКИЙ Никита Евгеньевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

E-mail: nikita1951@yahoo.com

ПРОКАЗИНА Наталья Васильевна – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии и социальных технологий Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС (Орел, Россия)

E-mail: nvprokazina@mail.ru

ЦЭЦЭНБИЛЭГ Цэвээний – Ph.D., ассоциативный профессор, главный научный сотрудник Отдела социологии Института философии АН Монголии (Улан-Батор, Монголия)

E-mail: tsetsenbilegts@gmail.com

ЧОЙ Ву Ик – профессор Института российских исследований Университета иностранных языков Ханкук (Сеул, Республика Корея)

E-mail: wooikchoi@yahoo.co.kr

Editorial Board

Editor in Chief

Mikhail K. GORSHKOV, Academician, Academic Coordinator of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: director@isras.ru

Deputy Chief Editors

Polina M. KOZYREVA, Doctor of Sociological Sciences, First Deputy Director of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: pkozyreva@isras.ru

Olga V. AKSENOVA, Doctor of Sociological Sciences, Head of the Center for the Study of Russian Regions of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: illai@yandex.ru

Executive secretary

Kirill V. PODYACHEV, Candidate of Political Sciences, Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: vestnik@isras.ru

Members of the Editorial Board

Damdin D. BADARAEV, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Senior researcher of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of SB RAS (Ulan-Ude, Russia)

E-mail: damdin80@mail.ru

Irina A. BATANINA, Doctor of Political Sciences, Professor, Director of the Institute of Humanitarian and Social Sciences, Tula State University (Tula, Russia)

E-mail: batanina@mail.ru

Wooik CHOI, Professor, The Institute of Russian Studies, Hankuk University of Foreign Studies (Seoul, Republic of Korea)

E-mail: wooikchoi@yahoo.co.kr

Aleksander V. DUKA, Candidate of Political Sciences, Head of the Department of the Sociological Institute – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia)

E-mail: a_duka@mail.ru

Markku KIVINEN, Professor of Sociology, Research Director of the Aleksanteri Institute of the University of Helsinki (Helsinki, Finland)

E-mail: Markku.kivinen@helsinki.fi

Anna V. KUCHENKOVA, Candidate of Sociological Science, Senior Researcher, Center for Sociological Research Methodology, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: a.v.kuchenkova@gmail.com

Oleg M. MIKHAILENOK, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department for Research of Social and Political Relations of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: m-oleg-m@yandex.ru

Sergei V. PATRUSHEV, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Comparative Political Researches of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: servpatrushev@gmail.com

Nikita E. POKROVSKY, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of General Sociology of the Faculty of Social Sciences, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow, Russia)

E-mail: nikita1951@yahoo.com

Natalya V. PROKAZINA, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Russian Academy of National Economy and Public Administration Under the President of the Russian Federation, Altai Branch, Central Russian Institute of Management (Barnaul, Russia)

E-mail: nvprokazina@mail.ru

Sujata PATEL, Professor of Sociology, National Fellow at the Indian Institute of Advanced Studies (Shimla, India)

E-mail: patel.sujata09@gmail.com

Tseveen TSETSENBILEG, Ph.D., Associate Professor, Principal Researcher of the Department of Sociology of the Institute of Philosophy of the Academy of Sciences of Mongolia (Ulaanbaatar, Mongolia)

E-mail: tsetsenbilegts@gmail.com

Elena N. ZABOROVA, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Applied Sociology, Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russia)

E-mail: ezaborova@yandex.ru

Содержание

EDN: LUIHPF

О Выпуске	8
<i>Аксенова О. В.</i> Традиция в российской современности.....	8
Тема номера:	
Социология религии.....	13
<i>Смирнов М. Ю.</i> Исследование религии в контексте современной секуляризации: поиск подхода	13
<i>Балабейкина О. А.</i> Проблема оценки конфессионального состава и уровня религиозности населения стран и регионов	28
<i>Широкалова Г. С., Дулина Н. В., Пронина Е. И.</i> Особенности религиозного сознания нижегородского студенчества	46
<i>Скорик А. П., Шадрин А. В.</i> Социовитальный характер религиозности в повседневности донского казачества	61
Патриотизм и мягкая сила России	81
<i>Ивченкова М. С., Буханский И. И.</i> Теоретические конструкты и опыт эмпирического анализа патриотизма в современной российской социологии	81
<i>Андреев А. Л., Андреев И. А.</i> Россия в современном мире: потенциал мягкой силы.....	98
Проблемы образования и воспитания в современной России	115
<i>Дорофеева З. Е., Козырева П. М.</i> Вовлеченность современных родителей в практики, связанные с детьми.....	115
<i>Фатенков А. Н., Ситникова И. В.</i> Профессионально-образовательные ориентации студентов как индикатор субъектности в сфере высшего образования (на примере вузов Нижнего Новгорода).....	132
Трансформации социокультурной традиции в российских регионах.....	151
<i>Селиверстова Н. А., Сорокин О. В., Ооржак С. У.</i> Жизненные позиции тувинской молодежи: вариативность социокультурной субъектности	151
<i>Круглик П. А., Кобзева А. С., Кашпур В. В.</i> Репрезентация традиционных повседневных практик коренного малочисленного народа эвенков в социальной сети «ВКонтакте»	174
Размышляя над прочитанным.....	190
<i>Андреев А. Ю., Григорьева Е. А.</i> Опыт музейной социологии: музеи и общество.....	190

Contents

About the Issue	8
<i>Aksenova O.V.</i> Tradition in Russian Modernity	8
Topic of the Issue: Sociology of Religion	13
<i>Smirnov M. Yu.</i> Research of Religion in the Context of Modern Secularisation: Search for an Approach	13
<i>Balabeikina O. A.</i> The Problem of Assessing the Religious Composition and Level of Religiosity of the Population of Countries and Regions.....	28
<i>Shirokalova G. S., Dulina N. V., Pronina E. I.</i> Features of the Religious Consciousness of Nizhny Novgorod Students	46
<i>Skorik A. P., Shadrina A. V.</i> The Sociovital Nature of Religiosity in the Everyday Life of the Don Cossacks	61
Patriotism and Russian Soft Power	81
<i>Ivchenkova M. S., Bukhanskii I. I.</i> Theoretical Constructs and Experience of Empirical Analysis of Patriotism in Modern Russian Sociology	81
<i>Andreev A. L., Andreev I. A.</i> Russia in the Modern World: The Potential of Soft Power.....	98
Problems of Education and Upbringing in Modern Russia	115
<i>Dorofeeva Z. Y., Kozyreva P. M.</i> Involvement of Modern Parents in Practices Related to Children	115
<i>Fatenkov A. N., Sitnikova I. V.</i> Professional and Educational Orientations of Students as an Indicator of Subjectivity in the Field of Higher Education (On the Example of Universities in Nizhny Novgorod)	132
Transformation of Socio-Cultural Tradition in Russian Regions	151
<i>Seliverstova N. A., Sorokin O. V., Oorzhak S. U.</i> Life Positions of Tuvan Youth: Variability of Sociocultural Subjectivity.....	151
<i>Kruglik P. A., Kobzeva A. S., Kashpur V. V.</i> Representation of Traditional Everyday Practices of the Small Indigenous Evenki People in the Social Network “VKontakte”	174
Reflecting on the Readings	190
<i>Andreev A. Yu., Grigoreva E. A.</i> Experience of Museum Sociology: Museums and Society	190

О ВЫПУСКЕ

DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.1

EDN: XFJQHK

Традиция в российской современности

Ссылка для цитирования: Аксенова О. В. Традиция в российской современности // Вестник Института социологии. 2024. Том 15. № 2. С. 8–12. DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.1; EDN: XFJQHK.

For citation: Aksenova O. V. Tradition in Russian modernity. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 2. P. 8–12. DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.1; EDN: XFJQHK.

Тема текущего выпуска – социология религии, одна из наиболее сложных и многомерных отраслей социологической науки. Главные ее трудности, с нашей точки зрения, связаны с изменчивостью современного мира и с трансформациями самой религии, несмотря на кажущуюся ее константность в веках и тысячелетиях. Религия во всех ее аспектах и ипостасях, от институциональных до глубоко личностных, связана с социумом, включая его светскую часть. Ее внутренние изменения во многом обусловлены современными социально-экономическими и социокультурными тенденциями, стремительно сменяющимися друг друга и влияющими на все общество.

Религия, как и отечественная традиция в целом, вот уже третье столетие (если отсчет вести от русской социальной мысли XIX века) остается предметом рефлексии, анализа и дискуссий философов и социологов. В настоящее время ее исследования приобрели особую актуальность в связи с начавшимся разрушением глобального миропорядка, поиском страной социокультурных оснований собственного развития и поиском ее гражданами своей идентификации, своей устойчивой позиции среди бурных перемен. В социологии возникает необходимость в новых интерпретациях, концептах, подходах и методах изучения религии в постоянно меняющейся современности.

Выпуск и тему номера открывает статья [М. Ю. Смирнова](#) (Санкт-Петербург) «[Исследование религии в контексте современной секуляризации: поиск подхода](#)». Автор рассматривает проблемы, связанные с необходимостью пересмотра трактовок религии и методологии ее исследования, приведения их в соответствие реальному состоянию религиозных сообществ в современном мире. По его мнению, значимым для изучения религии является, во-первых, влияние на религиозные организации современного секулярного государства, во-вторых, маргинализация доктринального содержания религий, выраженная в его заметном замещении внешней конфессиональной маркировкой как знаком гражданской идентичности при диффузии вероучительных и теологических оснований. Религия в условиях секуляризации все больше осваивает языки светской культуры и политики,

становясь при этом более понятной и для самой себя. Поэтому социологическое исследование религий может и должно осуществляться с позиции их секулярного существования.

Статья [О. А. Балабейкиной](#) (Санкт-Петербург) [«Проблема оценки конфессионального состава и уровня религиозности населения стран и регионов»](#) также посвящена методологическим проблемам изучения религии, в данном случае, проблемам теории и практики сбора эмпирических данных, необходимых для определения уровня религиозности населения. Автор использует как пример Евангелическую лютеранскую церковь Дании (ЕЛЦД) как религиозную организацию, данные о численности и активности адептов которой можно отследить за несколько десятилетий. На основании полученных результатов фиксируются различия в уровне религиозности жителей разных регионов Дании. Официальные статистические базы в данном случае содержат информацию не только о членстве, но и об участии в религиозных обрядах. Однако подобная модель сбора информации эффективна лишь в том случае, если устройство религиозно-государственных взаимоотношений предполагает сбор и агрегацию таких данных.

Две следующие статьи содержат результаты исследования религиозного сознания студентов Нижнего Новгорода и ретроспективный анализ особенностей религиозности донского казачества. Историческая ретроспектива в данном случае дополняет исследования современной ситуации, позволяя избежать мифологизированных сравнений с прошлым.

В статье [Г. С. Широкаловой](#) (Нижний Новгород), [Н. В. Дулиной](#) (Волгоград), [Е. И. Прониной](#) (Москва) [«Особенности религиозного сознания нижегородского студенчества»](#) анализируется структура религиозности студенческой молодежи Нижнего Новгорода, среди которой представлены все основные конфессии России. Целью исследования было выявление значимости для молодежи регулирующей функции традиционных религий. Авторы приходят к выводу, что мировоззрение студентов обусловлено современным технологическим укладом. Их значительная часть критична по отношению к религии, склонна к вере в непознанное сверхъестественное, индифферентна или атеистична. При этом большинство студентов осознает важность традиционных ценностей, включая религию, для культуры. Авторский вопрос: «Наши страны многоконфессиональны. Разделяете ли Вы мнение: «Бог один, а религии разные»?» позволил измерить не только глубину веры в истинность религии, с которой идентифицирует себя респондент, но и подсознательную готовность к межконфессиональному диалогу. Также исследование подтвердило уменьшение значения религии в вопросе выбора спутника жизни и обеспечения крепости семьи. Параллельно падает значимость религиозных обрядов, знаменующих различные жизненные этапы. Главный вывод, который делают авторы, таков: сохраняется уважительно-индифферентное отношение к традиционным религиям на фоне снижения личностной значимости религии как социального института.

В работе [А. П. Скорика](#) (Новочеркасск) и [А. В. Шадринной](#) (Ростов-на-Дону) [«Социовитальный характер религиозности в повседневности донского казачества»](#) представлен анализ трансформаций религиозной веры

донских казаков, которая изначально много шире религиозного чувства как такового. Православие на Дону было и остается основной конфессией, но также присутствуют и иные верования. Так, казаки-калмыки и в наши дни сохраняют буддистское (ламаистское) вероисповедание. Есть казаки-старообрядцы, исторически среди казачества присутствовали различные сектантские течения. Особенность религиозности казачества, по мнению авторов, заключается в рационалистическом отношении к вере. Казачий прагматизм обусловлен изначально воинским типом религиозности, сформировавшейся на фронтальной территории Дикого Поля.¹ При этом значение религии в жизни казаков всегда было велико, соответственным было и отношение к ее институтам. Так, Вознесенский войсковой кафедральный собор в Новочеркасске является исторически вторым из трех Патриарших соборов в современной России.

Рубрика «Патриотизм и мягкая сила России» представлена двумя статьями, которые объединяет взаимная связь их предметов. В статье [М. С. Ивченковой и И. И. Буханского](#) (Москва) «[Теоретические конструкты и опыт эмпирического анализа патриотизма в современной российской социологии](#)» рассматриваются теоретические подходы к анализу патриотизма и их применение в интерпретации эмпирических данных. Целью работы является создание методологического аппарата для изучения патриотизма как социокультурного феномена. Авторы проанализировали различные определения категории патриотизма, пришли к выводу о методологической значимости деятельно-активистской концептуализации феномена, предложенной И. А. Халий. В итоге они сформулировали собственное определение патриотизма, которое включает в себя вхождение в некое надындивидуальное пространство, его эмоциональные, ценностные и деятельностные аспекты. В статье также показана сложность операционализации данной категории, обусловленная тем, что она имеет не только весьма различные научные трактовки, но и разное понимание современными россиянами. Перспективным, по мнению авторов, может быть и аксиологический подход, дополненный идентификационной и социокультурной составляющими.

Статья [А. Л. Андреева и И. А. Андреева](#) (Москва) «[Россия в современном мире: потенциал мягкой силы](#)» посвящена комплексной характеристике российской стратегии наращивания и использования так называемой мягкой силы (a soft power). Авторы исходят из того, что будущее России как мировой державы существенным образом зависит от ее способности генерировать и наращивать импульсы мягкой силы. В состав российской мягкой силы входят унаследованный от СССР авторитет в сфере науки и культуры, статус одного из основателей ООН, разветвленная сеть связей в интеллектуальных и политических элитах различных стран. Влияние России снизилось за 1990-е годы до исторического минимума и стало усиливаться лишь с укреплением политических основ российской государственности, начавшимся приблизительно с 2004 г. Однако достижений прошлого для

¹ В исторической литературе так называется территория от нижнего Днестра до Каспия со времен Древней Руси и до XVI в.

результативности стратегии мягкой силы недостаточно. Авторы показывают также необходимость всесторонней проработки образов будущего и концептуальных основ теории социально-исторического развития для успеха российской мягкой силы на мировой арене.

В рубрике [«Проблемы образования и воспитания в современной России»](#) две статьи. В обеих представлены исследования, имеющие важное значение для понимания процессов становления личности на разных жизненных этапах. В статье [З. Е. Дорофеевой](#) и [П. М. Козыревой](#) (Москва) [«Вовлеченность современных родителей в практики, связанные с детьми»](#) анализируются практики вовлеченности современных родителей в воспитание детей. Они включают в себя ряд совместных занятий от чтения до проведения отпуска, практики получения информации и обучения воспитанию уже самих родителей. В работе выявлены корреляции и связи вовлеченности родителей с рядом индивидуальных показателей для родителей и для детей. Обнаружен дополнительный характер вовлеченности отцов. Выявлена разная степень участия родителей в воспитании детей разного возраста. Авторы делают ряд весьма значимых для последующих исследований социализации выводов. Уровень образования родителей ожидаемо связан с уровнем вовлеченности, но довольно неожиданной оказалась положительная связь с ним числа рабочих часов отцов. Вовлеченность материнская является при этом более стабильной и устойчивой.

Статья [А. Н. Фатенкова, И. В. Ситниковой](#) (Нижний Новгород) [«Профессионально-образовательные ориентации студентов как индикатор субъектности в сфере высшего образования \(на примере вузов Нижнего Новгорода\)»](#) посвящена другой стадии социализации и весьма сложному предмету субъектности, которая рассматривается в связи с профессионально-субъектными ориентациями студентов. Авторы полагают, что данные ориентации студентов могут рассматриваться как ее надежный индикатор в этой социальной группе. В результате анализа были выделены пять групп студентов с различными мотивационными ориентирами. Три группы с четкой, вполне осознаваемой профессионально-образовательной стратегией, а две группы – с размытой, не вполне осознанно выстраиваемой профессионально-образовательной траекторией. В итоге зафиксировано снижение уровня студенческой субъектности ниже традиционно ожидаемой. По этой причине необходимо отслеживать динамику колебаний уровней субъектности обучающихся в вузах. Разработанный авторами и проверенный на практике инструментарий позволяет это осуществлять регулярно. Также важно исследовать и уровень субъектности профессорско-преподавательского состава вузов и других учебных заведений.

Статьи, представленные в рубрике [«Трансформации социокультурной традиции в российских регионах»](#), демонстрируют роль и место традиционного и современного в социокультурных установках и практиках народов России, жизнедеятельность которых ранее была тесно связана с традицией. В статье [Н. А. Селиверстовой](#) (Москва), [О. В. Сорокина](#) (Москва), [С. У. Ооржак](#) (Кызыл) [«Жизненные позиции тувинской молодежи: вариативность социокультурной субъектности»](#) представлены резуль-

таты исследования жизненных позиций студентов-тувинцев в сферах родственных и правовых отношений. Выявлено противоречивое сочетание их традиционных и современных установок. Так, для большинства сохраняют значимость родственные связи. Авторы делают вывод о неоднозначности обнаруженных установок, которые представляют собой комбинацию традиционных, современных и гибридных позиций. В гибридных позициях установка на профессионализм сочетается с идеализированными ожиданиями от родственных связей. Может допускаться и жизнь за счет богатого, успешного родственника. В то же время выявлено, что жизненные позиции тувинской молодежи в сфере права отражают общероссийские тенденции. Законопослушная молодежь ориентирована на обеспечение порядка и неизбежность наказания, а незаконопослушная демонстрирует неуважение к закону и инфантилизм. Последнее указывает на необходимость правового воспитания и реального обеспечения законности.

[П. А. Круглик, А. С. Кобзева, В. В. Кашпур](#) (Томск) в своей работе [«Репрезентация традиционных повседневных практик коренного малочисленного народа эвенков в социальной сети “ВКонтакте”»](#) анализируют представленность повседневных практик одного из коренных малочисленных народов Сибири – эвенков в обозначенной в названии социальной сети. В статье показано, что повседневные практики современных эвенков, связанные с бытом, досугом и трудом, репрезентированы в сети. При этом локальные составляют примерно половину из них (47%), соответственно 53% интерпретируются как глобальные. По мнению авторов, эвенки не теряют связи со своей культурой и идентичностью, причем делают это посредством реконструкции в сети. Это свидетельствует о наличии запроса на сохранение эвенками самобытности и традиционного образа жизни, при их очевидной включенности в практики современного глобального, индустриально-урбанистического мира (добавим, в их российской версии).

Завершает выпуск рубрика [«Размышляя над прочитанным»](#), представленная статьей [А. Ю. Андреева, Е. А. Григорьевой](#) (Москва) [«Опыт музейной социологии: музеи и общество»](#), которая содержит краткое изложение содержания и анализ монографии Козиева В. Н., Потюковой Е. В. «Музей и общество» и основанные на ее тексте размышления авторов о музее как социальном институте в социологической и исторической перспективе.

Аксенова О. В. – зам. главного редактора

ТЕМА НОМЕРА

СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ

DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.2

EDN: WHXFZF

Исследование религии в контексте современной секуляризации: поиск подхода¹

Ссылка для цитирования: Смирнов М. Ю. Исследование религии в контексте современной секуляризации: поиск подхода // Вестник Института социологии. 2024. Том 15. № 2. С. 13–27. DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.2; EDN: WHXFZF.

For citation: Smirnov M. Yu. Research of religion in the context of modern secularisation: search for an approach. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 2. P. 13–27. DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.2; EDN: WHXFZF.

Смирнов Михаил Юрьевич^{1,2}

¹Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Пушкин, Россия;

²Русская христианская гуманитарная академия имени Ф. М. Достоевского, Санкт-Петербург, Россия
mirsnov@yandex.ru

SPIN-код: 5092-9240

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые вопросы проблематики научной дискуссии о современной секуляризации и постсекулярности, которая ведется в последнее время среди российских исследователей религии. Как участник этой дискуссии, автор принимает обсуждавшийся в ее ходе тезис о необходимости пересмотра некоторых прежних трактовок религии и формирования новых методологических установок, соответствующих реальному состоянию религиозных сообществ в современном мире. В то же время, в статье высказана критика в адрес использования ссылок на суждения авторитетных зарубежных исследователей как на убедительный аргумент для доказательства реальности так называемого постсекулярного общества. Автор признает, что идея постсекулярности может быть одним из элементов научного дискурса о современной трансформации религий. Но эта идея не убедительна при ее сравнении с уточненными теориями секуляризации, которые и в наши дни имеют достаточно эмпирических подтверждений. Обращаясь к методологической проблематике, автор предлагает ряд гипотетических положений в отношении исследовательского подхода к современному состоянию религии. Особое внимание уделяется двум ситуациям. Первая из них состоит, по мнению автора, в определяющем влиянии на религиозные организации современного секулярного государства – в этих условиях религиозная жизнь общества с необходимостью интегрируется в политику государства, подчиняясь основным целям этой политики. Поэтому исследование должно учитывать прежде всего секулярный контекст существования религиозных объединений. Вторая ситуация сопряжена с первой,

¹ Статья подготовлена в рамках гранта РНФ № 24-28-00272.

она заключается в маргинализации доктринального содержания религий и в его заметном замещении внешней конфессиональной маркировкой как знаком гражданской идентичности, при диффузии вероучительных основ религиозных традиций. Автор делает вывод, что благодаря секуляризации религиозная среда, либо вынужденно, либо охотно, осваивает языки светской культуры и политики, говорит на этих языках и потому становится более понятной – причем не только для исследователей, но и для себя самой. Для научного подхода это открывает перспективу осмысления секулярного существования религий.

Ключевые слова: государство и религиозные организации, научное исследование религий, постсекулярность, постсекулярное общество, секуляризация

Поводом для написания данной статьи стало участие автора в научной дискуссии о современной секуляризации и постсекулярности, которая ведется в последнее время среди российских исследователей религии [1; 2; 4; 8; 9]. Среди возникших по ходу этой дискуссии теоретико-методологических задач появилась необходимость определения существующего на данный момент состояния религий, в котором обнаруживаются одновременно модернизм и консерватизм, экуменические и фундаменталистские тенденции. Иными словами, научное значение имеет точное установление социокультурного и мировоззренческого контекста, в котором ныне пребывают, эволюционируют, претерпевают трансформации, стремятся к экуменическому расширению или же препятствуют ему на основе фундаменталистских настроений современные религиозные сообщества.

В этой связи принципиально важной представляется научная полемика, идущая в профессиональной среде отечественных исследователей религии, о **секуляризации** в современном мире. В последнее время активно велись и, по всей видимости, будут продолжаться дискуссии по таким темам как реальные или воображаемые перспективы секуляризации, достоверность или фиктивность постсекулярного общества, секуляризм и постсекуляризм, десекуляризация и контрсекуляризация, гибридизация и бриколажи в современной религиозности, публичность и приватность религий – тематический ряд можно продолжить.

Своего рода контрапунктом таких дискуссий стала, на мой взгляд, тема **постсекулярности**. В дебатах на эту тему происходит одновременное сочетание разных по смыслу объяснений, которые претендуют на самостоятельное значение, но не могут быть представлены без соотнесения друг с другом. Из всего спектра оттенков в трактовках постсекулярности выделяются три наиболее заметных: (1) это – новое отношение к религии в обществе, возникающее взамен секулярного отношения и наступающее как следующая стадия (поэтому оно – *пост*) в силу завершения секуляризации; (2) это – противостояние продолжающейся секуляризации и активное противодействие ей в форматах десекуляризации и контрсекуляризации; (3) это – смена стратегий осмысления религии, поскольку в современном

мире оппозиция «религиозное vs светское» перестает быть функциональным инструментом объяснения мировоззренческих и социокультурных трансформаций.

Ознакомление с проблематикой постсекулярности зачастую начинается с отсылки к суждениям трех заслуженно авторитетных зарубежных исследователей. Одному из них, Питеру Бергеру, почившему в 2017 г. и уже признанному классическим автором, принадлежит широко тиражируемый тезис в публикации 1999 г. о том, что «сегодня мир, за некоторыми исключениями ... столь же яростно религиозен, как и был всегда» [15, р. 2]. Ссылка на этот тезис как бы подчеркивает, что даже сам Бергер, некогда известный как ведущий теоретик секуляризации (со времен труда 1967 г. «Священная завеса»¹), признал переход общества к *десекуляризации*. В пандан этой позиции приводятся ссылки на труды другого, здравствующего ныне, научного авторитета – Юргена Хабермаса, предложившего для публичного дискурса о религии концепт *постсекулярного общества* [19²]. Научная известность Хабермаса незримо влияет даже на тех, кто не готов безоговорочно признать постсекулярное общество как реальность. При этом сам он предварил изложение указанного концепта существенными уточнениями, как раз не обязывающими к такому признанию [18]. Наконец, следует назвать Хосе Казанову, указание которого на «возвращение» религии в публичное пространство современного мира [16], хотя и не отменяет, но как бы снижает социальное значение прежде установленных теоретиками секуляризации феноменов «приватизации религии» и «приватизации веры».

И Бергер, и Хабермас, и Казанова, конечно, проницательнее многих, кто цитирует их труды, и взгляды этих авторов не столь просты, как хотелось бы для привлечения их суждений на свою сторону в качестве *ultima ratio*. Секуляризацию они никогда не сбрасывали с «корабля современности» (см.: [5; 14; 17]). Но именно поэтому – напряженно искали (то в резко политизирующемся исламе, то в усилении религиозного фундаментализма, то в глобально распространяющемся пятидесятничестве и евангелизме, то в упадке «воинствующего атеизма» на постсоветском пространстве) эмпирическую реальность, которая бы позволила приблизиться к пониманию того, что же происходит с религией в современном мире.

Думаю, что пример их исканий побуждает исследователей религии не хвататься за то, что видится на поверхности (в информационном потоке «презентаций» на тему религии), а стремиться обнаружить и исследовать имплицитные процессы. Очевидно, нужны новые теоретико-методологические подходы к трудным ситуациям религии в условиях современности.

¹ Berger P. The Sacred Canopy. Elements of a Sociological Theory of Religion. N. Y.: Doubleday & Company, 1967; русский перевод: Бергер П. Священная завеса. Элементы социологической теории религии / Пер. с англ. Р. Сафронова. М.: НЛЮ, 2019. 208 с.

² Русские переводы см.: Хабермас Ю. «Постсекулярное общество» – что это? / Пер. с нем. М. Кронауэр // Российская философская газета. 2008. № 4(18), апрель; Хабермас Ю. Против «воинствующего атеизма». «Постсекулярное общество» – что это такое? / Пер. с нем. И. Фридмана // Русский журнал. 23.07.2008. URL: <http://www.russ.ru/pole/Protiv-voinstvuyuschego-ateizma>

Проблемное поле отечественных дискуссий

Теоретизирование на тему секуляризации, ее мотивов, содержания и последствий сопутствует отечественным исследованиям религии второй половины XX – начала XXI вв. В советский период эти вопросы рассматривались в контексте политико-идеологической установки на «преодоление» и «отмирание» религии по мере развития социализма (об этом см.: [7; 13]). В постсоветское время происходила ревизия «истматовских» теоретических позиций и их маргинализация в научном дискурсе, стимулированная идеологическим тезисом о так называемом «возрождении религии» в Российской Федерации¹, вроде бы опровергавшим результаты секуляризации. Дополнительную аргументацию критической трактовке секуляризации российские авторы черпают в разработках зарубежных исследователей, предлагавших пересмотр теорий секуляризации, и если не полный отказ от этих теорий, то выстраивание альтернативных им моделей десекуляризации, публичности религий, в конце концов – постсекулярности и постсекулярного общества (обзор современных концепций см.: [6; 10; 12]).

Однако ситуация с религией в современном мире последних трех десятилетий – и в региональных, и в собственно российском масштабах – не дает убедительных оснований для категорического вывода о завершении секуляризационных процессов и возвращении религии на роль ведущего мировоззренческого фактора развития общества. Поэтому и противоречивое теоретизирование по всему спектру проблем под рубрикой «секуляризация/десекуляризация/постсекулярность» продолжается, уже все чаще – с указанием на неоднозначность конкретных процессов и явлений, равно как и соответствующих трактовок и выводов. На эту неоднозначность обращают внимание и зарубежные, и российские исследователи [2; 20; 21]. По существу, одни и те же явления в религиозной жизни современного общества, рассматриваемые в разных системах теоретических координат, зачастую объясняются противоположным образом [5].

Можно, конечно, полагать, что такая «гетеродоксия» полезна для научной мысли, побуждает к исследовательскому поиску и выработке более убедительной аргументации. Однако расхождения в «прочитывании» изучаемых явлений и их толковании не носят исключительно академический характер. Неявным образом они могут интегрироваться в политическое мышление, проявляться в публичной идеологической полемике, отражаться на направленности правовых установлений, влиять на общественные устроения. Если это действительно так, то преодоление теоретической невнятности в интерпретациях современного состояния религий приобретает не только научное, но и социальное значение.

Недавний виток отечественных дискуссий был инициирован в ноябре 2022 г. редколлекцией научного журнала «Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1. Богословие. Фило-

¹ 1 Путин связал возрождение религии в РФ с отказом от коммунистической идеологии // Интерфакс. 2017. 14 июня. URL: <https://www.interfax.ru/russia/566495> (дата обращения: 07.11.2023).

софия. Религиоведение». Своего рода триггером выступило обсуждение рядом участников редколлегии одной из статей¹, посвященной «феноменам постсекулярного бриколажа». Результатом активного обмена мнениями стала постановка трех основных вопросов, требующих концептуального осмысления: (1) Являются ли *теории секуляризации* (с учетом их известных корректировок) адекватными современному состоянию религий? (2) Насколько понятие *постсекулярное общество* отражает эмпирическую реальность религии в современном мире? (3) Что дает для научного понимания религий концепт *постсекулярного* и чем такое понимание будет различаться с трактовками в рамках теорий секуляризации? [1, с. 138].

Публикация материалов этой дискуссии не прошла незамеченной в профессиональной среде исследователей религии. На Всероссийской конференции с международным участием «Религиозные и секуляризационные процессы в интеграции современных обществ»² тематика постсекулярного обсуждалась весьма активно. Наиболее обстоятельными в этом плане представляются доклады Л. В. Денисовой и А. А. Морозова «Постсекуляризм в современной России: опасности и перспективы» [4] и Е. Д. Руткевич «О современном мире, (не) религиозном разнообразии и постсекулярной перспективе» [9]. Оба доклада, среди прочего, содержат развернутую реакцию их авторов на дискуссию, начатую в редколлегии Вестника ПСТГУ, и, по сути, продолжают ее. Автору данной статьи также довелось выступить с докладом под названием «Концепт постсекулярности как симулякр». Уже сами названия докладов указывают на полемический характер обсуждения.

Почти синхронно с мероприятием в ИДИ ФНИСЦ РАН состоялась ежегодная конференция в Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете «Исследования религии: прошлое, настоящее, будущее», в рамках которой был проведен круглый стол «Оправдалась ли концепция постсекулярного?», приуроченный к 15-летию стамбульского доклада Юргена Хабермаса «Против воинствующего атеизма». Это обсуждение было еще более полемичным, обозначив расхождение научных позиций³.

С одной стороны, была представлена концептуализация идеи постсекулярности как необходимой новой эпистемологической установки для понимания места и роли религии в трансформирующемся социуме; по мнению сторонников, идея эта имеет несколько вариантов «генеалогии», а ее соотнесение с социальной реальностью находит подтверждение в различных гибридах религиозного и светского, причем гибридизацию предлагалось рассматривать и как постсекулярность, и как пострелигиозность.

С другой стороны, указывалось на отсутствие той эмпирической реальности, которая убедительно свидетельствовала бы об исчерпанности именно секуляризационных процессов и о становлении постсекулярного

¹ 1 См.: Гишп К. С. Реконструкция и реинтерпретация как феномены постсекулярного бриколажа // Вестник ПСТГУ. Сер. I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2023. Вып. 105. С. 117–134.

² Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, 18 апреля 2023.

³ Проводилась 22 апреля 2023 г. на базе редколлегии журнала «Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение», при участии кафедры философии и религиоведения ПСТГУ и сектора философии религии ИФ РАН. Подробнее см.: [8].

общества; при этом подчеркивалось, что секуляризация выступает как неизбежная реструктуризация религиозной жизни в условиях ее дискретной адаптации к перманентным социокультурным изменениям, отчего носит нелинейный характер.

Между этими крайними точками зрения обозначился широкий диапазон трактовок конкретных явлений религиозного и светского, которые трудно редуцировать к крайним точкам обозначенной поляризации. Пожалуй, в чем участники дискуссии были близки, так это в признании проблемности соотнесения реальности с описывающими ее концептами. Очевидным результатом стало согласие относительно методологической необходимости развивать язык научного описания обнаруженных явлений.

Не преувеличивая значения состоявшихся обсуждений, можно, тем не менее, утверждать, что это – фактически одна из немногих профессиональных дискуссий в среде исследователей религии за последнее десятилетие, получивших относительно широкую известность¹. А если иметь в виду полемический характер этой дискуссии, где участники порой непосредственно спорили друг с другом (от чего многие, прямо скажем, отвыкли), то она заметно отличается от привычного формата зачитывания почти не обсуждаемых докладов, нейтрального обмена мнениями и информирующих выступлений, в котором проходит большинство научных конференций.

Для автора эта длящаяся дискуссия стала поводом уточнить и обобщить собственные размышления над темой, что отражено в статье «Перманентная секуляризация или постсекулярное общество? Современные трансформации религии в ракурсе исследовательской рефлексии» [11]. Среди выводов в этой статье – согласие с точкой зрения, согласно которой требуется пересмотр некоторых прежних трактовок и формирование новых методологических установок, соответствующих реальному состоянию религии в современном мире. В этом ракурсе концепция постсекулярности вполне уместна как рабочая гипотеза. Тем не менее, эта концепция, по мнению автора, не находит эмпирического подтверждения и остается сродни симулякру. Реальные процессы трансформации религий отражает понятие *секуляризации*, которое должно оставаться, при внесении ряда уточнений, инструментом в исследованиях современного состояния религиозных сообществ. Смысл современной секуляризации видится в реструктуризации религиозной сферы общества: это – не «упадок религиозности» или исчезновение веры в Бога (которые по-прежнему находят место в частной жизни), но функциональное изменение религиозных институтов, которые встраиваются в светские системы внутренней и внешней политики, социальных отношений, образования и воспитания, и адаптируются к этим системам.

Тема эта столь пространная, что по ходу ее осмысления неизбежно возникают дополнительные вопросы, требующие обсуждения. Позволю себе предложить вниманию коллег размышление над двумя из таких вопросов – о влиянии на религиозные организации современ-

¹ В социальной сети ВКонтакте видеозапись этого круглого стола со времени ее появления 20 мая по конец декабря 2023 г. набрала свыше 2500 просмотров.

ного секулярного государства, и о возможном исследовательском подходе к религии в секулярном обществе, обладающим наибольшим эвристическим потенциалом.

Государственное и религиозное в контексте секулярного общества

В дискурсе о религии в современном секулярном обществе тема «государство и религиозные организации» является одной из ведущих. В отечественных публикациях применяется термин «государственно-церковные отношения»¹. В зарубежной литературе этот термин также принят, хотя указываемые им субъекты взаимодействия чаще располагаются в другом порядке – Church-State Relations, Kirche-Staat Beziehungen. При этом под «церковью» подразумевается не конкретный конфессиональный институт в христианстве, а некий обобщающий образ религиозных организаций, вне их привязки к определенным вероисповедным традициям. Детализация этого образа как «буддийской церкви», «исламской церкви», «иудаистской церкви» и т. п. звучала бы явно нелепо в силу ее несоответствия организационному устройству нехристианских исповеданий веры. Поэтому понятие «церковь» наделяется условным светским значением, как синонимичное понятию «религиозные организации».

В связке «государство и церковь»: *государство* – это инстанция, которая разрешает или запрещает, отнимает или предоставляет ... короче говоря, регламентирует положение религиозных организаций; а *церковь* – это не экклезиологическое понятие, но обозначение религиозной организации, что отделена от государства или интегрирована с ним, сопротивляется или сотрудничает, претендует на особое положение или держит нейтралитет в отношении к государству.

То есть, за обоими понятиями подразумеваются два функционально разновеликих субъекта, находящихся друг с другом в каких-то отношениях (дружественных, враждебных или нейтральных – зависит от конкретных обстоятельств). Для их классификации обычно используются концепты интегративной, сепарационной, кооперационной, или же каких-то гибридных моделей государственно-церковных отношений.

Между тем, этот образ взаимоотношений государства и религиозных организаций не отменяет того обстоятельства, что и государство, и эти организации – это *два способа существования одного и того же социального целого*, причем – конечно же, вовсе не исчерпывающие весь спектр способов этого существования. Многомерность социального целого обуславливает

¹ Впрочем, чаще употребляется формулировка «государственно-конфессиональные отношения», которая звучит, по мнению автора, не вполне корректно, поскольку *государство* – это способ организации публичной власти посредством легитимного аппарата управления и принуждения, а *конфессию* принято понимать как исповедание веры, то есть прежде всего мировоззренческое состояние людей вне зависимости от их государственной принадлежности. Фразеологизм «государственно-конфессиональные отношения» может быть оправдан, если государство стремится управлять религиозным мировоззрением населения.

его, так сказать, самоосуществление еще многими иными способами – от экономики и политики до культуры и образования, находящимися в динамике сложных взаимоотношений.

Отвлекаясь от конкретных форм предметной явленности государства и религиозных объединений в современности, полагаю возможным утверждать, что то и другое – это нетождественные аспекты единого сложноустроенного комплекса стратегий массового сознания и поведения, вырабатываемых для организации и осуществления своего жизненного процесса.

Применительно к современности назову этого совокупного субъекта **обществом**, хотя отдаю себе отчет в том, что определить общество еще труднее, чем определить, что такое государство. Отсутствие жестко закрепленного понятия позволяет сформулировать то значение, которое представляется наиболее соответствующим пониманию общества автором статьи. В этом плане под обществом подразумевается совокупность исторически меняющихся способов взаимодействия и форм объединения индивидов, устойчивая в своем качественном отличии от природной среды¹. Такая характеристика не является строгим определением, но позволяет пояснить смысл, вкладываемый в употребляемое понятие.

Повторю, что сочетание «государство и религиозные организации» – это не про *сосуществование* двух разных субъектов, волею судеб столкнувшихся в социальном пространстве, а про *одного* субъекта, по имени *общество*, в разных его состояниях – светском (секулярном) и религиозном, причем в каких-то обстоятельствах это – совмещающиеся состояния. Другими словами, имеют место две стратегии общественного сознания и поведения, институциональным выражением которых выступают светское государство и религиозные организации. Эти стратегии действуют в режиме, говоря языком православной теологии, *неслиянности* и *нераздельности*² друг с другом.

¹ Это представление близко к трактовке *общества* в «Новой философской энциклопедии» (2-е изд., испр. и доп. 2010) – «в широком смысле: совокупность всех способов взаимодействия и форм объединения людей, в которой выражается их всесторонняя зависимость друг от друга; в узком смысле: генетически и/или структурно определенный тип – род, вид, подвид и т. п. *общения*, предстающий как исторически определенная целостность либо как относительно самостоятельный элемент подобной целостности» (Давыдов Ю. Н. Общество // Электронная библиотека ИФ РАН. Новая философская энциклопедия). URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH985c392099c0406b945098> (дата обращения: 01.12.2023).

² Имея богословское происхождение, это словосочетание применяется и к религиозно осмысливаемому взаимоотношению Церкви и государства. Как заявил современный церковный деятель, о. Максим Козлов (со ссылкой на суждения А. В. Карташева): «Антиномия сочетания “Царства от мира сего”, государства с Царством Божиим “не от мира сего” переживается в религиозном опыте Православия не как абсурд и парадокс, а как последовательный постулат веры в Боговоплощение: “неслиянное и нераздельное”, то есть иррациональное, но в высшей степени реальное сочетание полюсов бытия... Эта формула разрешает для нас и норму соотношений Церкви и государства, Церкви и общественных структур» (Козлов М., протоиерей. Церковь и государство: историческая ретроспектива и современная ситуация. Доклад на торжественном акте Московской духовной академии 14 октября 2013 года // Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского Патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/930676.html> (дата обращения: 01.12.2023).

Неслиянность государственной и религиозной институциональностей определяется спецификой мировосприятия. Отвлекаясь от множества теорий религии и теорий государства, позволю себе утверждать, что в «сухом остатке»:

- в фундаменте любой религиозной стратегии – устремленность к так называемым предельным смыслам бытия, которые при этом «размещаются» в чем-то запредельном, сверхъестественном и трансцендентном;
- в фундаменте любой государственной стратегии – упорядочение и организация повседневного жизненного мира людей, регламентация их социального поведения.

Дальше на этих фундаментах нарастает множество всякого, необходимого и случайного, полезного и вредного, привлекательного и отвратительного. История любого государства и любой церкви убедительно подтверждает, банально говоря, неоднозначность их функционирования.

Но для философского умозрения уместно обращение к фундаментальным основаниям. То есть, *религия* дает условную вертикаль; *государство* дает условную горизонталь. В образующейся системе координат и можно рассматривать метаморфозы, происходящие с их взаимоотношениями.

А вот **нераздельность** государственного и религиозного явлена в том, что в обоих этих состояниях совокупный субъект (общество) вырабатывает и использует одно и то же средство для их легитимации и принятия как само собой разумеющихся – это **сакрализация**, наделение сверхобычным и жизненно необходимым значением соответствующих институций и процедур, государственных и религиозных.

Рискну утверждать, что жизнеспособность как государства, так и религиозных организаций, в качестве форм социального целого, зависит от устойчивости их сакральных образов. А устойчивость, в свою очередь, зависит от функционального соответствия этих форм вызвавшим их к жизни социальным, мировоззренческим и психологическим потребностям. Очевидно, что расхождение ожиданий с реальными возможностями влечет не только разочарование и девальвацию, но также ревизию и переустройство. Для государственности десакрализация может обернуться политическим переворотом или даже социальной революцией, меняющими прежний уклад жизни общества. В религиозной сфере риск утраты сакральности касается прежде всего организационных институтов.

Последствием трансформирующейся государственности становится изменение режима существования религиозных организаций, обязывающее их к новым правилам взаимоотношений с государством. Вероучительные формулировки при этом могут оставаться прежними. Но последователи той или иной религии живут уже в других обстоятельствах, что неизбежно побуждает их адаптировать свою веру к новым реалиям. Эта адаптация и влечет за собой реструктуризацию религиозной жизни, от боязливого обновления до секулярности, но может также побудить приверженцев религии к радикальному фундаментализму и отвержению любой религиозной модернизации как ведущей к потере основополагающих начал спасающей веры.

Как ни категорично это прозвучит, можно утверждать, что в конечном итоге религиозная стратегия всегда подстраивается под государственную стратегию. Это, разумеется, нелинейный процесс – многим памятен знаменитый «тезис Вебера» о рождении «духа капитализма» (с соответствующими институтами государства и права) из протестантской этики. Но практически никогда и нигде государство как социальный институт не уступало религиозным организациям тех сфер, в которых оно (государство) конституируется как таковое. А это – ключевые сферы социального бытия (экономика, политика).

Другое дело, что государственность для своей устойчивости обязательно предполагает сакрализацию. А сакральности государства всегда сопутствует оперирование религиозными или же квазирелигиозными символами и образами. То есть, государственный способ существования социального субъекта находит оправдание и востребован не в последнюю очередь как выразитель тех самых «предельных смыслов», которые по-своему присутствуют и в религиозных упованиях. Форма презентации этих смыслов зависит от задач, решаемых посредством государственнической, этатистской стратегии. Например, в виде деклараций о «традиционных духовно-нравственных ценностях» или чего-то подобного по значению.

О возможном исследовательском подходе

Высказанное выше рассуждение необходимо, чтобы пояснить следующую гипотезу о возможном исследовательском подходе к религии в секулярном обществе. Я полагаю, что именно через анализ сопряжения государственных стратегий политики в отношении к последователям религий (множественное число не случайно, политики всегда разные, а религиозные объединения далеко не все вызывают к себе одинаковое отношение государства) со стратегиями религиозных реакций на социокультурные процессы в современном обществе возможно приблизиться к адекватному пониманию состояния и перспектив религии в современном мире.

Масштаб и характер присутствия тематики, адресующей к религии в современной государственной повестке, длительность (или краткосрочность) внимания государства к конкретным сюжетам, степень остроты реакции государства (или отсутствия таковой) на явления религиозного характера – это своего рода *индикаторы*, показывающие – что именно и у *кого* именно в религиозном сегменте современного общества вызывает или не вызывает публичный интерес, влечет озабоченность или безразличие, рождает намерение разобраться или желание отмахнуться как от бессмысленной траты сил, в конце концов – востребуется или, вопреки пропагандистскому навязыванию, отторгается.

Современный мир многообразен, исполнен мировоззренческого плюрализма, и при этом (ответствуя Питеру Бергеру) *яростно секулярен* – в том значении секуляризации, которое указывает на снижение мировоззренческой функции религии, на сведение компенсаторной функции

религии к приватно-значимой ритуалистике, на востребованность религиозной маркировки для самоидентификации без усвоения вероучительных смыслов религиозной традиции.

Зримое публичное присутствие религиозных маркеров не опирается на то, что является ядром любой религии – вероучительные концепции и конфессиональные картины мира. Так происходит, с моей точки зрения, именно потому, что исторически сложившиеся изоцированные религиозные доктрины мало что объясняют современному последователю религии про его нынешнюю собственную жизнь.

Современный запрос на институционализированные религии, со ссылками на их историческую укорененность в поколениях и бывшее влияние, оказывается преимущественно инструментальным и исходит прежде всего от инстанций секулярного государства, вменяющих религии функции социально-нравственного регулятора, социального интегратора и стимулятора общественных процессов. В то же время, что действительно ожидается людьми при обращении к религии, так это вспомоществование на трудных путях повседневного бытия. При неоправданности такого ожидания возникает периодическое «переформатирование» настроений по поводу возможностей религиозных организаций (так называемая «бедная религия» по принципу «вера – это одно, а церковь – совсем другое»).

Для исследователей религии, с моей точки зрения, возникает вопрос: помогает ли что-то понять про текущую актуальную религиозную ситуацию погружение в доктринальный контент религий, в увлекательные глубины религиозной мысли и историю религиозных организаций?

Ответ не очевиден. Отрицательное «не помогает» побуждает к подозрению в профессиональной некомпетентности (дескать, что это за исследователи религии, если не видят существенного в вышперечисленном). Но положительное «да, помогает, это необходимо» не защищает исследователя «сакральных глубин» от прозаической реальности, в которой массы приверженцев религии в лучшем случае довольствуются минимумом упрощенных знаний о своей традиции, и не всегда это адекватные знания.

Возвращаясь к заявленной гипотезе, в исследовательских целях предлагается основное внимание уделить изучению тех отношений по поводу религии, которые система современного светского государства допускает как приемлемые, а в каких-то случаях даже стимулирует. Государственные стратегии вполне можно рассматривать не как что-то внешнее для религии, а как более емкое явление, которое включает в себя стратегии религиозные, благодаря чему светское государство способно устанавливать относительно непротиворечивое рамочное пространство для одного из своих сегментов (то есть для религиозной части общества).

Аналитика религиозной современности, изучая эту замысловатую сферу, не обязана принимать тонкости конфессиональных доктрин, их вероучительную догматику за реальное состояние умонастроений верующих. Существенно более продуктивным может стать раскрытие секулярного

существования религий в современном обществе, где вероучительное не доминирует над светским, а в каких-то случаях и уступает мирским интересам.

Благодаря секуляризации религиозная среда, либо вынужденно, либо охотно, осваивает языки светской культуры и политики, говорит на этих языках и потому становится более понятной – причем не только для исследователей, но и для себя самой. Религии в современном мире доступны научному исследованию и пониманию именно благодаря продолжающейся секуляризации. Данный тезис на нынешнем этапе разработки указанного в начале статьи проекта является одним из теоретических оснований авторского подхода к исследуемой проблематике.

Библиографический список

1. Антонов К. М., Польсков К. О., Смирнов М. Ю. Секуляризация и постсекулярность (к дискуссии о современном научном аппарате исследования религий) // Вестник ПСТГУ. Сер. I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2023. Вып. 105. С. 138–154. DOI: 10.15382/sturI2023105.138-154; EDN: NAKDIA.

2. Апполонов А. В. Критические замечания о «постсекулярности» и «постсекулярном» // Религиоведческий альманах. М.: Изд. Воробьев А. В., 2016. № 1. С. 4–36. EDN: WZSZMR.

3. Водоразделы секуляризации: западный цивилизационный проект и глобальные альтернативы / Под ред А. Белокобыльского, В. Левицкого. СПб.: ЛИТЕО, 2017. 288 с.

4. Денисова Л. В., Морозов А. А. Постсекуляризм в современной России: опасности и перспективы // Научный результат. Социология и управление. 2023. Т. 9. № 2. С. 100–109. DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-2-0-8; EDN: OKWNQO.

5. Казанова Х. Размышляя о постсекулярном: три значения «секулярного» и три возможности выхода за его пределы / Пер. с англ. А. И. Кырлежева // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. № 4 (36). С. 143–174. DOI: 10.22394/2073-7203-2018-36-4-143-174; EDN: YVFMCT.

6. Каргина И. Г. Качественные изменения дискурса секуляризации в конце XX – начале XXI в. // Теория и практика общественного развития. 2014. № 1. С. 109–114. EDN: RVQDST.

7. Курилов В. А. Советская модель секуляризации: политическое и правовое регулирование свободы совести в СССР (вторая половина XX века). СПб.: РХГА, 2022. 344 с. EDN: DGGGLQ.

8. Оправдалась ли концепция постсекулярного? К 15-летию стамбульского доклада Ю. Хабермаса «Против воинствующего атеизма» // Вестник ПСТГУ. Сер. I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2023. Вып. 108. С. 115–152. DOI: 10.15382/sturI2023108.115-152; EDN: VGHWNK.

9. Руткевич Е. Д. О современном мире, (не) религиозном разнообразии и пост-секулярной перспективе // Научный результат. Социология и управление. 2023. Т. 9. № 2. С. 58–76. DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-2-0-5; EDN: PFIPEY.
10. Синелина Ю. Ю. Концепции секуляризации в социологической теории. М.: ИСПИ РАН, 2009. 120 с. EDN: QOKKKJ.
11. Смирнов М. Ю. Перманентная секуляризация или постсекулярное общество? Современные трансформации религии в ракурсе исследовательской рефлексии // Вестник ЛГУ имени А. С. Пушкина. 2023. № 3. С. 134–152. DOI: 10.35231/18186653_2023_3_134; EDN: URLONB.
12. Узланер Д. А. Постсекулярный поворот: как мыслить о религии в XXI веке. М.: Ин-т Гайдара, 2020. 416 с.
13. Узланер Д. А. Советская модель секуляризации // Социологические исследования. 2010. № 6. С. 62–69. EDN: MNKOAP.
14. Хабермас Ю. Религиозное сознание постсекулярного социума / Пер. с нем. В. Витковский // Религиозное сознание в постсекулярном обществе / Под. ред. А. Бодрова, М. Толстолуженко. М.: ББИ, 2020. С. 1–5.
15. Berger P. Desecularization of the World: A Global Overview // The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics / Ed. Peter L. Berger. Grand Rapids: William B. Eerdmans Publishing Company, 1999. P. 1–18.
16. Casanova J. Public Religions in the Modern World. Chicago: University of Chicago Press, 1994. 330 p.
17. Casanova J. Rethinking Secularization: A Global Comparative Perspective // The Hedgehog Review. 2006. Vol. 8. No. 1/2. P. 7–22. DOI: 10.1163/EJ.9789004154070.I-608.39.
18. Habermas J. Religion in the Public Sphere // European Journal of Philosophy. 2006. Vol. 14. No. 1. P. 1–25. DOI: 10.1111/j.1468-0378.2006.00241.x
19. Habermas J. A “post-secular” society – what does that mean? 2008. September, 16. URL: <https://www.resetdoc.org/story/a-post-secular-society-what-does-that-mean/> (дата обращения: 24.06.2023).
20. Inglehart R. The Secularization Debate // Religion’s Sudden Decline: What’s Causing It, and What Comes Next? N. Y.: Oxford University Press, 2021. P. 37–45. DOI: 10.1093/oso/9780197547045.001.0001.
21. Stolz J. Secularization Theories in the 21st Century: Ideas, Evidence, Problems. Presidential Address // Social Compass. 2020. Vol. 67. No. 2. P. 282–308. DOI: 10.1177/0037768620917320.

Получено редакцией: 22.12.23

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Смирнов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой философии; профессор кафедры философии, религиоведения и педагогики

DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.2

Research of Religion in the Context of Modern Secularisation: Search for an Approach¹

Mikhail Yu. Smirnov

Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Pushkin, Russia;

Russian Christian Academy for the Humanities named after Fyodor Dostoevsky, St. Petersburg, Russia

mirsnov@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-1749-3003

For citation: Smirnov M. Yu. Research of religion in the context of modern secularisation: search for an approach. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 2. P. 13–27. DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.2; EDN: WHXFZF.

Abstract. The article examines some issues in the scientific debate about modern secularisation and post-secularity, which has been going on recently among Russian researchers of religion. As a participant in this discussion, the author accepts the discussed thesis about the need to revise some previous interpretations of religion and form new methodological guidelines that correspond to the real state of religious communities in the modern world. At the same time, the article criticises the use of references to the judgments of authoritative foreign researchers as a convincing argument to prove the reality of the so-called post-secular society. The author acknowledges that the idea of postsecularity can be one of the elements of scientific discourse about the modern transformation of religions. But this idea is not convincing when compared with refined theories of secularisation, that even today have sufficient empirical evidence. Turning to methodological issues, the author proposes a number of hypothetical provisions regarding the research approach to the modern state of religion. Particular attention is paid to two situations. The first of them, according to the author, is the determining influence on religious organisations of a modern secular state – in these conditions, the religious life of society is forced to integrate into state policy, becoming subordinate to the main goals of this policy. Therefore, the study must take into account, first of all, the secular context of the existence of religious associations. The second situation is related to the first; it consists in the marginalisation of the doctrinal content of religions and its noticeable replacement by external confessional markings as a sign of civic identity, with the diffusion of the doctrinal foundations of religious traditions. The author concludes that due to secularisation, the religious environment, either forced or willing, masters the languages of secular culture and politics, speaks these languages and therefore becomes more understandable – not only for researchers, but also for itself. For a scientific approach, this opens up the prospect of understanding the secular existence of religions.

Keywords: state and religious organisations, scientific research of religions, postsecularity, postsecular society, secularisation

References

1. Antonov K., Pol'skov K., Smirnov M. Secularisation and post-secularity (on the discussion about the modern conceptual framework of religious studies). *Vestnik PSTGU. Ser. I: Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie*, 2023: 105: 138–154 (in Russ.). DOI: 10.15382/sturI2023105.138-154; EDN: NAKDIA.
2. Appolonov A. V. Critical remarks on “post-secularity” and “post-secular”. *Religiovedcheskij al'manakh*, 2016: 1: 4–3 (in Russ.). EDN: WZSZMR.
3. Watersheds of secularization: the Western civilization project and global alternatives. Ed by A. Belokobyl'skij, V. Levitskij. St. Petersburg, LITEO, 2017: 288 (in Russ.).
4. Denisova L. V., Morozov A. A. Post-Secularism in modern Russia: Dangers and prospects. *Nauchnyj rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie*, 2023: 9: 2: 100–109 (in Russ.). DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-2-0-8; EDN: OKWNQO.
5. Casanova J. Thinking about the post-secular: three meanings of the “secular” and three possibilities of going beyond it. Transl. from Eng. by A. I. Kyrlezhev. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, 2018: 36: 4: 143–174 (in Russ.). DOI: 10.22394/2073-7203-2018-36-4-143-174; EDN: YVFMCT.
6. Kargina I. G. Qualitative changes of secularization discourse at the turn of the 21st century. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2014: 1: 109–114 (in Russ.). EDN: RVQDST.

¹ This research was funded by RSF, project no. 24-28-00272.

7. Kurilov V. A. The Soviet Secularization model: freedom of conscience political and legal regulation in the USSR (the second half of the 20th century). St. Petersburg, RKhGA, 2022: 344 (in Russ.). EDN: DGGGLQ.
8. Is the concept of the post-secular justified? On the 15th anniversary of J. Habermas' Istanbul report "Against military atheism". *Vestnik PSTGU. Ser. I: Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie*, 2023: 108: 115–152 (in Russ.). DOI: 10.15382/sturI2023108.115-152; EDN: VGHWNK.
9. Rutkevitch E. D. On current world, (non-) religious diversity and a post-secular perspective. *Nauchnyj rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie*, 2023: 9: 2: 58–76 (in Russ.). DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-2-0-5; EDN: PFIPEY.
10. Sinelina Yu. Yu. Kontseptsii sekulyarizatsii v sotsiologicheskoy teorii [Secularization concepts in sociological theory]. Moscow, ISPI RAN, 2009: 120 (in Russ.). EDN: QOKKKJ.
11. Smirnov M. Yu. Permanent secularization or post-secular society? Modern transformations of religion in the perspective of research reflection. *Vestnik LGU imeni A. S. Pushkina*, 2023: 3: 134–152 (in Russ.). DOI: 10.35231/18186653_2023_3_134; EDN: URLOHB.
12. Uzlaner D. A. The post-secular turn: how to think about religion in the 21st century. Moscow, In-t Gajdara, 2020: 416 (in Russ.).
13. Uzlaner D. A. Sovetskaya model' sekulyarizatsii [Soviet secularization model]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2010: 6: 62–69 (in Russ.). EDN: MNKOAP.
14. Habermas J. The religious consciousness of a post-secular society. Transl. from Germ. by V. Vitkovskij. In *Religious consciousness in a post-secular society*. Ed. by A. Bodrov, M. Tolstoluzhenko. Moscow, BBI, 2020: 1–5 (in Russ.).
15. Berger P. Desecularization of the World: A Global Overview. In *The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics*. Ed. by Peter L. Berger. Grand Rapids, William B. Eerdmans Publishing Company, 1999: 1–18.
16. Casanova J. *Public Religions in the Modern World*. Chicago, University of Chicago Press, 1994: 330.
17. Casanova J. Rethinking Secularization: A Global Comparative Perspective. *The Hedgehog Review*, 2006: 8: 1/2: 7–22. DOI: 10.1163/EJ.9789004154070.I-608.39.
18. Habermas J. Religion in the Public Sphere. *European Journal of Philosophy*, 2006: 14: 1: 1–25. DOI: 10.1111/j.1468-0378.2006.00241.x
19. Habermas J. A 'post-secular' society – what does that mean? (16 September 2008). Accessed 24.06.2023. URL: <https://www.resetdoc.org/story/a-post-secular-society-what-does-that-mean/>
20. Inglehart R. *The Secularization Debate*. In *Religion's Sudden Decline: What's Causing It, and What Comes Next?* New York, Oxford University Press, 2021: 37–45. DOI: 10.1093/oso/9780197547045.001.0001.
21. Stolz J. *Secularization Theories in the 21st Century: Ideas, Evidence, Problems*. Presidential Address. *Social Compass*, 2020: 67: 2: 282–308. DOI: 10.1177/0037768620917320.

The article was submitted on: December 22, 2023

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhail Yu. Smirnov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of philosophy department; of the Department of Philosophy, Religious Studies and Pedagogy

ТЕМА НОМЕРА

СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ

DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.3

EDN: UVGNHC

Проблема оценки конфессионального состава и уровня религиозности населения стран и регионов

Ссылка для цитирования: Балабейкина О. А. Проблема оценки конфессионального состава и уровня религиозности населения стран и регионов // Вестник Института социологии. 2024. Том 15. № 2. С. 28–45. DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.3; EDN: UVGNHC.

For citation: Balabeikina O. A. The problem of assessing the religious composition and level of religiosity of the population of countries and regions. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 2. P. 28–45. DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.3; EDN: UVGNHC.

Балабейкина Ольга Александровна¹

¹Санкт-Петербургский государственный
экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия

olga8011@yandex.ru

SPIN-код: 4227-4627

Аннотация. В статье обозначены основные проблемы теории и практики сбора эмпирических данных, на основании которых можно выстраивать объективные суждения об уровне религиозности населения и его конфессиональном составе. Рассмотрены преимущества и недостатки социологического опроса, данных переписей населения, официальных данных, предоставляемых религиозными организациями, как источников такого рода сведений.

В качестве примера выбрана Евангелическая лютеранская церковь Дании (ЕЛЦД). Она рассматривается автором как конструктивный пример мажоритарной религиозной организации, отражающей в динамике нескольких десятилетий количественные данные о численности адептов и степени активности их религиозно обусловленного поведения, в региональном аспекте – количественные данные об абсолютной и относительной численности участников религиозных обрядов, о регистрации рождения, брака и смерти и т. п. Сведения о количестве крещений, конфирмаций, венчаний, отпеваний приводятся на уровне отдельных диоцезов церковно-административных единиц районного уровня. На основании полученных результатов фиксируются территориальные различия в уровне религиозности жителей Дании. Минимальные показатели характеризуют столичный регион с высокой долей мигрантов – представителей нетрадиционных культур в структуре населения. Одновременно с этим, высокая степень религиозной активности адептов ЕЛЦД отличает удаленные от административного центра территории материковой Дании (Виборг, Ольборг, Риббе).

Результаты анализа исходных данных, касающихся общего числа и доли крещений, конфирмаций, церковных браков и погребальных обрядов, совершенных в ЕЛЦД в динамике последних лет, подтверждают общие секулярные тенденции, характерные для населения западноевропейских и североевропейских, в первую очередь традиционно протестантских стран. Официальные статистические базы религиозных организаций, фиксирующих как членство в них, так и факты участия в религиозных таинствах и обрядах, позиционируются как наиболее репрезентативный источник исходной информации для решения проблемы выявления конфессиональной структуры населения и определения уровня его религиозности. Рассмотренный пример сбора и обработки информации эффективен, но на национальном и региональном уровнях реализуется лишь в случаях, когда модель религиозно-государственных взаимоотношений предоставляет соответствующие инструменты.

Ключевые слова: уровень религиозности, население, конфессиональная структура, регион

Постановка проблемы

Наряду с количественными показателями, отражающими характер процессов естественного и механического движения населения, его конфессиональная структура выступает как одна из важных составляющих общей демографической картины в стране или регионе. Еще более детально такую могут отражать качественные характеристики, свидетельствующие об уровне религиозности. Серьезной и до конца не решенной научной проблемой остается поиск способов оценки уровня религиозности населения той или иной страны и его конфессионального состава.

Несмотря на охватившую современное общество секуляризацию, особенно ярко проявляющуюся в государствах Западной Европы и Скандинавии, доминирующие религии сохраняют цивилизационно-образующую роль. Посредством распространения основ вероучительной доктрины, а также благодаря культово-культурной, социальной деятельности религиозных общин и иных организаций, они оказывают влияние на ментальные и поведенческие установки в обществе, во многом формируя материальную и духовную культуру его представителей. Не стоит забывать и о том, что конфессиональная принадлежность населения выступает составляющей региональной характеристики и составляющей понятия «регион» [12].

Кроме того, существенно проявляется роль социальной деятельности религиозных организаций, которые частично дублируют функции государственных органов власти. В контексте заявленной темы особенно важно отметить, что в некоторых странах последнее касается не только оказания материальной и иных видов помощи нуждающимся категориям граждан, проведения культурно-просветительских мероприятий и т. д. Речь идет также о ведении учета статистических данных, касающихся демографических событий, регистрации актов гражданского состояния мажоритарными

религиозными организациями. На данный момент такая практика распространена в таких государствах, как Великобритания, Дания, Финляндия, Филиппины и др. [3].

Обосновывая актуальность и практическую значимость реализации исследований, в которых рассматриваются теоретические и организационные проблемы, связанные с выявлением конфессионального состава населения, следует обозначить социальные и экономические стороны жизнедеятельности, на которые религиозные организации и институты оказывают непосредственное влияние. Ведь степень этого влияния во многом зависит от количества и доли адептов религии в общей численности населения страны или региона.

Специалистами, проводившими исследования на основе российских данных, представлены результаты, подтверждающие гипотезу о том, что даже в светском государстве вероучительная доктрина оказывает воздействие на репродуктивное поведение населения и суммарный коэффициент рождаемости, а значит, на количественные показатели социального капитала страны или региона [15, с. 113]. Нюансы государственно-религиозных отношений, закрепленные в нормативно-правовых актах и фиксирующие право конфессиональных организаций на легитимацию брака, служат усилению этого влияния. Так, на Филиппинах имеет юридическую силу брак, венчанный в национальной Римско-католической Церкви, канонические правила которой не допускают его расторжения. В случае таковой необходимости, остается только возможность установления судом режима раздельного проживания супругов или признание брака недействительным. Эти обстоятельства, безусловно, отражаются на показателях разводимости в стране.

Религия через систему запретов, ограничений и рекомендаций, связанных с ритуализированным потреблением, может также регламентировать потребительское поведение населения [6; 9]. Аналогично в экономическом аспекте рассматривается развитие паломнического и познавательного туризма религиозной направленности, где спрос на маршруты предъясняется преимущественно представителями контингента в той или иной степени религиозных людей [4; 7]. Зарубежными и российскими специалистами доказана также роль религиозных институтов в политических процессах [11; 17; 18].

Приведенные выше примеры иллюстрируют необходимость учета числа религиозных адептов, мониторинга изменений конфессиональной структуры населения и уровня религиозности его представителей в процессе оценки степени воздействия церковных институций на сознание и повседневную жизнь людей, избрание верной стратегии развития общества и экономики стран и регионов, если это касается ниши соприкосновения интересов религиозно-государственных отношений.

В современных реалиях, когда большинством стран принят закон о свободе совести, получение репрезентативных результатов по всем перечисленным показателям становится очень трудно выполнимой задачей. А по отношению к последнему из перечисленных пунктов объективность

данных ставится под сомнение даже при условии обязательного членства в государственной религиозной организации, выдвигаемого правовой основой клерикальных государств.

Тем не менее, во многих странах и регионах по-разному реализуются попытки представить сведения, отражающие количественные показатели, выступающие индикаторами для получения выводов о степени выраженности приверженности людей религии и конфессиональном составе в целом. Основой для этого служат данные социологических опросов, результаты переписей населения, официальных отчетных данных религиозных организаций. Недостаток первых видится в невозможности всеобщего и даже высокого охвата населения, поэтому наше внимание будет сосредоточено на примерах, связанных с двумя прочими источниками информации.

Материалы и методы

Основные исходные данные, ставшие эмпирической базой настоящего исследования, содержатся на официальных электронных ресурсах религиозных организаций, их региональных подразделений (в синонимичном употреблении: епархий, диоцезов, епископий), церковно-административных единиц районного (благочиния, пробства) и местного уровней (приходы, религиозные общины), а также справочных информационных приложений официальных интернет-ресурсов. Количественные данные открытого доступа были обработаны с помощью методов системного анализа данных открытого доступа.

Теоретическая база исследования

Методика оценки уровня религиозности населения попала в фокус внимания отечественных ученых в постсоветский период. Одним из первых исследователей в России, пристально рассматривавшим эту тему и внесшим существенный теоретико-методологический вклад в ее становление, была Ю. Ю. Синелина [14]. Высоко оценивая ее заслуги, следует отметить, что полигон исследования в трудах, имеющимся в отечественном научном обороте благодаря авторству исследователя, ограничивается территорией РФ и освещением отдельных узких вопросов. В рамках науки об обществе развитие обозначенной тематики получило также в работах Н. С. Бабича и В. И. Хоменко [1], считавших приоритетными задачами создание расчетного инструментария для получения показателей, связанных с уровнем религиозности. В перечне отечественных трудов, посвященных данной проблематике, следует также отметить монографию Х. В. Дзуцева и А. П. Дибировой [8]. Авторы реализовали опыт выявления степени приверженности религиозному вероучению путем этносоциологического анализа на примере населения конкретного региона РФ – республик Северного Кавказа.

Высокий интерес представляют также труды зарубежных и российских ученых, выполненные с привлечением Q-методологии [18; 13]. Но они охватывают не всю совокупность населения, а только участвовавшую в опросе часть его. Представляется, что наиболее эффективна эта методология, когда целью ставится выяснение религиозных предпочтений какой-либо социальной группы (студенты, пенсионеры и т. д.). Аппроксимация в данном случае может привести к весьма существенному искажению реальной картины.

Вопрос о разработке и применении научного инструментария, позволяющего использовать результативные данные о конфессиональной принадлежности населения в пространственных исследованиях, поднимали С. А. Горохов и М. М. Агафшин [5]. Отдельно в работе исследователей говорится о сложности выявления критериев оценки уровня религиозности граждан, необходимых для получения и обработки данных с целью последующего отражения на национальном и региональном уровнях.

Можно констатировать наличие в научном обороте трудов, авторы которых фиксируют отдельные аспекты, связанные с такой предметной областью, как конфессиональный состав населения и выявление уровня религиозности его представителей. Но работ, где данный вопрос ставился бы с акцентом на содержание исходных статистических баз, данные которых позволяют сделать такую оценку репрезентативной на национальном и региональном уровнях, почти не встречается. Существуют примеры, когда такие сведения успешно использованы в научных публикациях, отражающих роль и место религиозных организаций в социально-экономическом развитии государств и регионов. Также следует учесть опыт участия первых в решении актуальных социально значимых задач, требующих оперативного реагирования [2]. Представляется, что аналитический обзор официальных источников исходной информации, содержащей количественные данные о конфессиональном составе населения и степени его религиозной активности, послужит новым результативным исследованиям в разных областях – социологии, экономике, регионалистике, культурологии.

Переписи населения как источник количественных данных о религиозном составе населения

В перечне источников официальных статистических данных, на государственном и региональном уровне отражающих сведения о религиозной принадлежности населения, как один из основных рассматриваются результаты всеобщих и локальных переписей населения. Отечественная практика такой опыт относит к дореволюционному периоду и первым советским десятилетиям.

Первая централизованная перепись населения, состоявшаяся в 1897 г., включала вопрос о религиозной принадлежности. Второй раз за всю историю переписного учета в России эти данные фиксировались только в 1937 г. Существенную помощь современным исследователям, обращающимся к религиозному составу населения страны в ретроспек-

тиве, оказывает справочное приложение, разработанное сотрудниками Института демографии им. А. Г. Вишневого. Оно представляет собой интерактивную базу, где в табличной форме представители разных религий дифференцированы по половой принадлежности, регионам проживания и типу расселения¹.

Поскольку Российская империя была государством, где Церковь подчинялась светскому органу управления – Священному Синоду, содержание вопросов о религиозной принадлежности, зафиксированных в централизованной переписи 1897 г., не предполагало ответа, который позволил бы респонденту остаться вне религии (конфессии) и образуемой ею организации («неверующий», «атеист»). Выявлялась не степень религиозности населения, а формальная принадлежность к конфессии или конфессиональной деноминации (т. е. религиозной институции). Рождение, брак, и смерть легитимировались исключительно путем совершения сопровождающих их религиозных обрядов и фиксировались документацией религиозных организаций. К таковой относятся метрические книги православных приходов, содержащие также данные о регулярности участия приписных членов (прихожан) в таинствах исповеди и причащения (Евхаристии), а также подробности, свидетельствующие о причинах смерти, матримониальном статусе, количестве внебрачных рождений и т. д. Сведения метрических книг могут послужить оценке уровня религиозности населения, но проблема в том, что сохранились они до наших дней лишь фрагментарно, в разрозненном по периодам и регионам состоянии, поэтому послужить решению задачи определения уровня религиозности населения в ретроспективе могут только на локальных кейсах.

По результатам централизованной переписи 1897 г., подданные Российской империи в зависимости от религиозной принадлежности ранжированы на 15 групп. К самой крупной (69,4% от общей численности населения) отнесены лица православного вероисповедания [10].

В переписном листе 1937 г. вопросы о религиозной принадлежности несколько усложнены и адресованы исключительно респондентам, достигшим 16-летнего возраста. Относившиеся к выделенной группе опрашиваемые должны были указать, являются ли они религиозно верующими и в случае положительного ответа указать соответствующую религию (конфессию). Несмотря на атеистическую пропаганду и усиленный идеологический контроль в СССР 1930-х гг., 56% населения декларировали свою принадлежность к той или иной религии, при этом большая часть (42,3%) – к православию [10].

В постсоветский период вопрос о религиозной принадлежности в содержании переписей населения России отсутствует, хотя целесообразность его включения туда дискутировалась в научных кругах. Причем, в качестве обратной аргументации чаще всего апеллируют именно к сложности определения религиозной принадлежности и идентификации уровня религиозности, что вполне объективно.

¹ Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Распределение населения по вероисповеданиям и регионам // Демоскоп-weekly- URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_rel_97.php (дата обращения: 26.09. 2023).

Тем не менее, опыт зарубежных государств подтверждает такую возможность. Примерами в данном отношении выступают Германия, Швейцария, Канада, Австралия, Новая Зеландия. В процессе централизованной переписи, проводимой в перечисленных выше странах, имеется опыт, когда фиксируется исключительно религиозная принадлежность респондентов с опорой на их самоидентификацию, или дополнительно уточняется конфессия (деноминация). Но позиций, ответы на которые дали бы возможность определить степень активности религиозно обусловленного поведения, в опросных листах официальных переписей населения не содержится.

Наиболее популярным способом определения вероисповедания респондента с целью получения количественных данных при применении опросных методов исследования является самоидентификация, а в случае с практикой фиксированного членства адептов в религиозной организации – консолидированные в документации официальные статистические сведения.

Для придания объективности рассматриваемому показателю стоит учитывать его многокомпонентность. Базисная составляющая определяет отношение респондента к религии в рамках ответа на вопрос с выбором варианта из предложенных: «адепт религии – колеблющийся – вне религии». Для опрашиваемых, которые самоидентифицировались как принадлежащие к любой из первых двух групп, существенным является конкретизирующий признак религиозной (конфессиональной) принадлежности (в зависимости от структуры самой религии).

Критерии оценки уровня религиозности населения

Разработка критериев, являющихся основанием для выявления уровня религиозности населения, представляет собой сложную теоретико-методологическую задачу. Поиск путей ее решения необходим уже потому, что эти критерии являются основанием для количественной оценки религиозно верующих и ранжирования их на группы в зависимости от степени приверженности доктринальным установкам вероучения.

Уровень религиозности индивида отражается в его мировоззренческих представлениях, которые должны находить выражение в следующих составляющих: вера в Бога или сверхъестественные реалии, а также знание и признание истинными основных догматических положений вероучения, которого он придерживается.

Степень приверженности вероучительным установкам находит отражение в повседневной жизни в форме совершения культовых и духовных практик, совокупность которых для контингента с высоким уровнем религиозности, т. е. «воцерковленных» или «практикующих верующих» очень широка. Например, применительно к православной традиции, это регулярное участие в богослужениях, обрядах и таинствах (в первую очередь, причащения); соблюдение индивидуального молитвенного правила; пищевых и иных ограничений, запретов, предписанных церковным уставом (соблюдение многодневных постов и постных дней); чтение вероучи-

тельной литературы и т. д. Дополнительными поведенческими индикаторами степени приверженности конфессии служат участие в паломнических поездках и событийных мероприятиях, организованных структурами РПЦ МП, выбор способов проведения досуга и окружения для близкого общения и т. д. Приведенный перечень уже свидетельствует о сложности определения уровня религиозности населения в региональном и национальном разрезе.

Следует отметить, что некоторые специалисты, например, В. Ф. Чеснокова [16], считают ключевым признаком, отражающим степень религиозности индивида, его религиозную самоидентификацию. Если принять такое мнение за основу, то исследовательская задача, заключающаяся в попытке выявления степени приверженности населения вероучительной доктрине на национальном и региональном уровнях, заметно упрощается. Особенно это касается случаев, когда данные о членстве в религиозной организации фиксируются официально в силу ее правового статуса (Народная Церковь Дании, Евангелическо-лютеранская церковь Финляндии и т. д.). Но объективность результатов снижается из-за того, что при использовании данного подхода практически игнорируется многоаспектность понятия «религиозность».

Данные, которые касаются проявлений религиозного сознания в повседневно-бытовом поведении, невозможно получить централизованно. Они выявляются исключительно методами опроса или интервьюирования, и, составляя тайну личной жизни индивида, не всегда охотно декларируются даже при соблюдении принципа анонимности в процессе сбора эмпирической информации.

Но остается целесообразной опора на абсолютные и относительные количественные данные, отражающие степень религиозной активности адептов, проявляющуюся участием в религиозных обрядах и таинствах. Это возможно лишь в случаях, когда такого рода сведения предоставляются религиозными организациями. Следует отметить, что указанный опыт широко применяется христианскими церквями европейских стран.

Официальная отчетность религиозных организаций как источник данных о конфессиональном составе и уровне религиозности населения

Сбор, статистическая обработка и публикация сведений, отражающих конфессиональный состав и степень активности поведения, обусловленного религиозной ментальностью, методично осуществляется в странах и регионах, где действует или до недавнего времени был закреплен особый государственно-правовой статус отдельных, чаще всего мажоритарных религиозных организаций.

В зарубежной Европе яркими образцами успешной реализации такого опыта являются Римско-католическая Церковь Австрии, несколько религиозных организаций Германии, Государственная христианская Церковь Англии, национальные Евангелическо-лютеранские церкви Дании Швеции, Финляндии, Эстонии, Римско-католическая Церковь Франции и др.

Формат статьи позволяет подробно сосредоточиться только на одном конструктивном примере религиозной организации, отражающей в отчетной документации детализированные сведения о количестве адептов и степени активности их религиозно обусловленного поведения, проявляющегося участием в религиозных обрядах. Таковым послужила Folkekirken (дат.), в переводе на русский язык именуемая Народной Церковью или Евангелическо-лютеранской Церковью Дании (ЕЛЦД). К сбору и опубликованию в открытом доступе данных эту религиозную организацию обязывает конституционно закрепленный государственный статус. Упрощению процесса статистического учета данных служит обязательное задокументированное подтверждение членства в ЕЛЦД, фиксируемое на церковных приходах по месту проживания. Расчеты осуществляются национальным Статистическим управлением на основании данных Государственного реестра подданных Королевства Дания.

Доля адептов Народной Церкви в структуре населения представлена на официальном сайте религиозной организации в динамике последних 33 лет (1990-2023 гг.). Причем, не только на уровне всей страны, но и по отдельным диоцезам – единицам церковно-административного деления регионального уровня. Сведения исключают Фарерские острова и Гренландию, поскольку Евангелическо-лютеранские церкви этих территорий получили автономию в конце 2000-х гг. Данные диоцезов материковой Дании по 10-летним периодам с 1990 г. по январь 2023 г. представлены в табл. 1.

Таблица 1 (Table 1)

Доля членов Народной Церкви в численности населения диоцезов
(1990, 2000 г. 2010, 2020, 2023 гг.), %¹

*Share of members of the People's Church in the population of dioceses
(1990, 2000, 2010, 2020, 2023), %*

Диоцез	1990	2000	2010	2020	2023
Виборг	95,0	92,4	89,2	83,9	82,0
Копенгаген	80,3	71,8	64,1	56,4	54,4
Лолланн-Фальстер	92,1	88,0	85,3	80,6	78,8
Ольборг	93,5	90,8	88,0	82,7	81,1
Орхус	90,6	86,7	88,7	77,0	75,0
Риббе	94,3	91,6	83,0	83,1	80,9
Роскилле	90,4	87,0	83,7	78,1	75,8
Фюн	91,7	88,1	84,7	79,0	77,3
Хадерслев	93,1	89,7	85,8	79,7	77,1
Хельсингер	83,6	79,3	74,7	67,1	64,2

¹ Источник: Церковь в цифрах // Официальный сайт Народной Церкви. URL: <https://www.folkekirken.dk/om-folkekirken/folkekirken-i-tal/medlemmer> (дата обращения: 26.09.2023).

Обращение к отраженным в табл. 1 сведениям приводит к констатации количественных потерь членов ЕЛЦД за последние 33 года. Таковые в целом составили 17,2% при значениях 89,3 и 72,1% в 1990 и 2023 гг. соответственно. К такой ситуации привели естественные причины – смертность состоявших в Народной Церкви, а также одновременное снижение числа лиц, принимающих крещение ради членства в этой религиозной организации. Тенденции, выраженные в отрицательной динамике числа адептов, характерны для всех христианских Церквей зарубежной Европы и свидетельствуют о снижении уровня религиозности населения в странах региона.

Применительно к Дании фиксируются территориальные диспропорции в показателях, отражающих долю членов ЕЛЦД в структуре населения. Первые позиции сохраняются за северными епархиями материковой части страны – Выборгом и Ольборгом (82 и 81,1% в 2023 г.). В числе лидеров также островной диоцез Рибе (80,9%). Можно предположить обусловленность такой конфессиональной структуры преобладанием коренного населения в удаленных от центра Дании регионах, наименее привлекательных для мигрантов – носителей нетрадиционных для страны религий. Имеет значение высокий уровень реализации социальной ответственности Церкви, разнообразная деятельность, в рамках которой осуществляют руководство и сотрудники названных епархий.

Антилидером по относительному количественному показателю представителей мажоритарной религиозной организации выступает столичный диоцез Народной Церкви. Доля приверженцев ЕЛЦД в Копенгагене за весь рассматриваемый период была наименьшей на фоне остальных епархий, в 1990 г. составляя 80,3%, но к 2023 г. она стремительно снизилась до 54,4%. Одна из основных причин кроется в том, что в административном центре сосредоточено большое число иммигрантов, представителей иных религиозных культур.

В контексте оценки уровня религиозности населения интерес представляют данные о лицах, добровольно присоединившихся к ЕЛЦД, или, наоборот, оставивших членство в ней. В числе первых официальной статистикой в мажоритарной религиозной организации Дании не учитываются дети возрастом до 1 года. По данным 2022 г. личным заявлением оформили добровольный выход из ЕЛЦД 12751 чел., а число присоединившихся к ней составило 11124 чел., что не возмещает численные потери. Хотя абсолютное число вышедших из Церкви незначительно сократилось (против 12097 в 2021 г.), а присоединившихся более заметно увеличилось, т. к. в 2021 г. таковых было 8961, свидетельствовать о повышении уровня религиозности населения не приходится.

Официальный интернет-портал Народной Церкви представляет данные, отражающие колебание количества адептов мажоритарной религиозной организации в графическом выражении за период с 2007 по 2022 гг. Отдельно за последние 10 лет покинувшие ЕЛЦД или вошедшие в состав ее членов ранжированы по возрастным группам. В первом случае пик приходится на лиц в возрасте 25-34 года. Отрицательная динамика волно-

образна и максимальные количественные значения фиксируются в 2009, 2012, 2016 гг¹. Это может быть связано с коренными преобразованиями либерального характера, которые идут вразрез с вероучительной доктриной христианства (венчание однополых браков и т. д.). Фиксируется и подъем числа присоединившихся к ЕЛЦД в 2020–2021 гг. – период, который совпадает с пандемией COVID-19, в устранении и смягчении социально-экономических последствий которой церковные структуры принимали активное участие, оказывая материальную, психологическую и иную помощь нуждающимся лицам [3].

В целом же на основании анализа исходных данных можно констатировать, что Народная Церковь теряет своих приверженцев, хотя численность и доля таковых в конфессиональной структуре Датского Королевства остаются подавляющими.

Количественные сведения о формальной принадлежности населения к религиозной организации важны, но таковые не могут в полной мере свидетельствовать об уровне религиозности его представителей. Более объективным выводам служат сведения, отражающие участие адептов вероучения в культово-культурной жизни.

Прежде всего, это касается церковных священнодействий, совершение которых дублирует регистрацию актов гражданского состояния и легитимирует факты рождения, брака и смерти. Члены ЕЛЦД обладают правом альтернативного выбора осуществить их регистрацию посредством таинства крещения, а также церковных обрядов, сопровождающих вступление в брак или погребение соответственно.

Практика ведения статистического учета числа крещений новорожденных ведется в Народной Церкви с середины 1970-х гг. Законом требуется присвоение имени новорожденному в первый год жизни, поэтому сведения декларируются с запозданием на календарный год. Согласно приведенным данным, в 2022 г. крещение было совершено над 56,2%, т. е. чуть более половины от общего числа детей, родившихся в Дании в указанном году. В абсолютном выражении это 40849 человек в возрасте до 1 года. Церковная статистика ранжируется по епархиям и в относительных показателях отражена с 1990 по 2021 г. Данные о доле крещеных среди родившихся в конкретный год коррелируют с количественными показателями о доле адептов ЕЛЦД в структуре населения регионов. Наименьшие значения по имеющимся актуальным сведениям, представленным в региональном разрезе, фиксируются в диоцезе Копенгагена (31,9%), а максимальные – Выборгом (69,9%), Ольборгом (67,1%), и Рибе (65,4%). В целом же наблюдается сокращение числа крещеных в ЕЛЦД младенцев и по стране, и в пределах отдельных регионов, что подтверждает секулярные тенденции и снижение уровня религиозности населения.

Если крещение детей в ЕЛЦД можно рассматривать как родительскую дань соблюдению традиций и приверженности национальным культурным образцам поведения, распространенным в социуме, то уча-

¹ Регистрация вступления в члены Церкви и выхода из ее состава // Официальный сайт Народной Церкви. URL: <https://www.folkekirken.dk/om-folkekirken/folkekirken-i-tal/medlemmer/ind-og-udmeldelser> (дата обращения: 26.09.2023).

стие в конфирмации подростков в значительной мере предполагает волеизъявление последних. Обрядовая практика лютеранства конфирмацию (миропомазание) позиционирует как ритуализированное действие, сопровождающее осознанное исповедание вероучения членом Церкви. В нем могут участвовать лица, достигшие возраста не менее 14-15 лет. По данным 2022 г. 45671 учащихся 7-8 классов школ Дании (66,5% от их общего числа) подтвердили свое членство в Народной Церкви через конфирмацию¹. На фоне общих секулярных тенденций можно считать этот показатель высоким и косвенно свидетельствующим о том, что приверженность религиозным традициям остается значимой для большей части населения Дании. Интересно, что по сравнению с двумя предыдущими годами фиксируется рост его значения на 0,5%, в то время как по всем приведенным в статистическом ряду сведениям, начиная с 2007 г. наблюдается обратная динамика. В региональном разрезе, опять же, лидерство сохраняют диоцезы Виборг, Ольборг и Риббе, а меньше всего подростковых конфирмаций состоялось в епископии Копенгагена.

Данные, свидетельствующие о количестве зарегистрированных в ЕЛЦД браков, приводятся на официальном интернет-портале рассматриваемой религиозной организации в абсолютных величинах начиная с 2006 г. Тогда их значилось 15212 (41,2% от общего числа). Для сравнения, в 2022 г. Народная Церковь легитимировала 10310 брачных союзов (31,1%), что, как и сокращение числа крещений, подтверждает снижение уровня религиозности населения.

Суммарное количество венчаний распределено по диоцезам ЕЛЦД и в данном случае уже не фиксируется зависимость от доли адептов в структуре населения диоцеза. Лидерами становятся Роскильде, Орхус, Хельсингер, где в 2022 было легитимировано через венчание 1545, 1536, 1449 браков соответственно, а меньше всего венчанных брачных союзов в Лолланн-Фальстере (233). Абсолютные показатели в этом случае связаны с численностью и половозрастной структурой населения региона. Большая репрезентативность была бы представлена данными о доле церковных браков в общей численности всех зарегистрированных супружеских союзов по епархиям, но таковые отсутствуют². Следует отметить, что у членов ЕЛЦД существует и возможность обвенчаться при выборе гражданской церемонии заключения брака с целью придания ему юридического статуса. В 2022 г. супружеских пар, получивших церковное благословение, но при этом зарегистрировавших брак в государственных органах, было 2024. Это значительно больше, чем по данным предыдущих 2020 и 2021 гг., что объясняется ограничениями, наложенными пандемией COVID-19 на публичное проведение церковных обрядов.

Можно констатировать, что число ритуализированных церемоний, сопровождающих рождение и брак, сокращается, но остается существенным, хоть и не всегда превалирующим.

¹ Конфирмации // Официальный сайт Народной Церкви. URL: <https://www.folkekirken.dk/om-folkekirken/folkekirken-i-tal/konfirmation> (дата обращения: 27.09.2023).

² Брак // Официальный сайт Народной Церкви. URL: <https://www.folkekirken.dk/om-folkekirken/folkekirken-i-tal/vielse> (дата обращения: 27.09.2023).

Погребальные церковные обряды в 2022 г. были совершены над телами 80,7% умерших (в 2020 – над 81%). Столь высокие значения объясняются тем, что преимущественно обозначенные ритуализированные действия предназначены для лиц пожилого возраста, для которых в большей степени характерна приверженность религиозной культуре, а также с возросшей смертностью, обусловленной половозрастной структурой населения Дании. Прямо свидетельствовать о высоком уровне религиозности населения такие данные не могут.

Пример ЕЛЦЦ, как религиозной организации, членство в которой фиксировано, а учет статистических данных осуществляется на официальном уровне, служит возможности определения конфессиональной структуры населения и выявлению уровня религиозности его представителей с опорой на сведения, отражающие степень причастности адептов к культурно-культурной обрядности. Но такой опыт применим лишь в случаях, касающихся соответствующей модели государственно-религиозных взаимоотношений. В современных российских условиях на данном этапе он неосуществим.

Выводы

На современном этапе решение проблемы определения конфессиональной структуры населения стран и регионов, а также уровня религиозности его представителей упирается в несовершенство сбора и обработки исходных данных. Количественные сведения о религиозной принадлежности на национальном и региональном уровнях можно получить по результатам переписи населения путем включения соответствующих вопросов, но, будучи основанными на религиозной самоидентификации, ответы в совокупности не будут отражать объективную картину.

Имевшийся дважды в истории России опыт это подтверждает. Модель государственно-религиозных отношений периода, когда проводилась первая всеобщая перепись населения, в принципе предполагала обязательную принадлежность подданных Российской империи к одной из религиозных организаций. Однако спустя несколько десятилетий массового сопротивления ликвидация приходских общин не встретила. Соответственно, религиозность была большей частью формальной.

Информативными можно назвать и результаты переписи 1937 г.: высокая доля православных в структуре населения на фоне массово закрытых для проведения богослужений храмов, а значит, невозможности регулярно участвовать в обрядах и таинствах, свидетельствует о том, что, декларируя свое вероисповедание, респонденты не осознавали обязательств, которые оно накладывает на адепта.

В современных российских условиях включение вопроса о религиозной принадлежности в анкету для переписи населения может обернуться еще большими сложностями. Опираясь на самоидентификацию респон-

дента в условиях низкого уровня религиозного просвещения и культуры, а также распространения негативных стереотипов, сложившихся о Церкви и духовенстве в обществе, приведут к получению искаженных данных.

А результаты подробного опроса с детально разработанными критериями уровня религиозности, наоборот, послужат его определению, но не смогут обеспечить охват существенной доли населения. Еще одна сложность видится в том, что такого рода вопросы носят слишком личный характер и воспринимаются многими как нарушение границ частной жизни.

Статистическая база, содержащая официальные данные учета членов религиозной организации и количественные сведения о доле адептов, участвующих в культовых обрядах, сопровождающих демографические события, в большей мере служит оценке уровня религиозности населения и выявлению конфессионального состава страны или региона. Подтверждением служит подробно рассмотренный в данной статье более подробно кейс датской Народной Церкви. Но данная модель применима только к сравнительно редким в современных реалиях случаям, когда религиозная организация располагает соответствующими административными ресурсами, как правило, обусловленными ее государственно-правовым статусом. Следует учитывать, что такие конструктивные примеры ведения статистического учета данных, позволяющих делать выводы о степени религиозно обусловленного поведения населения, в отдельных странах преимущественно касаются мажоритарных Церквей, а малочисленные и нетрадиционные религиозные организации ресурсами и возможностями для этого не обладают.

К тому же, сведения о количестве крещений, конфирмаций, церковных браков и погребений, свидетельствуя о степени религиозно обусловленного поведения на момент времени и в динамике, основой для абсолютно фундированных выводов выступать не могут. Большей репрезентативностью характеризуются относительные показатели, отражающие долю населения, участвующую в этих церковных обрядах. Подтверждением служит то обстоятельство, что данные коррелируют с долей адептов религии в региональном разрезе.

Правовая регламентация государственно-религиозных отношений в России делает ведение строгого учета числа крещений, венчаний, отпеваний, а также количества лиц, регулярно или по наиболее значимым религиозным праздникам участвующих в богослужениях, невозможным. По отношению к первому это могло бы измениться лишь в случае, если религиозные организации получили бы право регистрации актов гражданского состояния и выдачи подтверждающих их документов государственного образца. Однако таких перспектив и тенденций в обозримой перспективе не наблюдается.

Официальная отчетность религиозных структур – важное информационное звено в процессе сбора сведений об уровне религиозности населения. Заимствование конструктивного опыта государственных религиозных организаций зарубежной Европы в условиях современной России невозможно, но сама модель заслуживает внимания как конструктивная.

Библиографический список

1. Бабич Н. С., Хоменко В. И. Шкала «предрасположенность к религиозности»: эмпирическая апробация и повышение уровня формализации модели // Социологические исследования. 2018. № 1(405). С. 94–104. DOI: 10.7868/S0132162518010105; EDN: YMAEVK.
2. Балабейкина О. А., Гаврилова К. С. и др. Роль церкви Дании в борьбе с пандемией COVID-19 и значение этого опыта для Российской Федерации // Управленческое консультирование. 2023. № 3(171). С. 73–85. DOI: 10.22394/1726-1139-2023-3-73-85; EDN: JFULOL.
3. Балабейкина О. А., Кузнецов Л. М., Янковская А. А. Филиппины. Экономическая и социальная деятельность религиозного института на примере епархии Бутуан // Азия и Африка сегодня. 2023. № 1. С. 74–80. DOI: 10.31857/S032150750020434-9; EDN: ZAXHUK.
4. Борисенко И. В. Специфика организации религиозных и паломнических поездок // Сервис plus. 2019. № 3. С. 3–9. DOI: 10.24411/2413-693X-2019-1030; EDN: NWIHUP.
5. Горохов С. А., Агафшин М. М. Подходы к оценке религиозной принадлежности населения в географических исследованиях // Географическая среда и живые системы. 2020. № 2. С. 52–64. DOI: 10.18384/2712-7621-2020-2-52-64; EDN: BNONHG.
6. Гравчикова А. А. Влияние религиозного разнообразия населения на социально-экономические показатели регионов Российской Федерации // Регионоведение. 2022. № 1. С. 55–75. DOI: 10.15507/2413-1407.118.030.202201.055-075; EDN: MFSIQK.
7. Григоренко Т. Н. Проблемы и перспективы развития религиозного туризма в Ростовской области // Сервис в России и за рубежом. 2021. № 3(95). С. 156–164. DOI: 10.24412/1995-042X-2021-3-156-164; EDN: WTWIWY.
8. Дзущев Х. В., Дибирова А. П. Уровень религиозности населения республик Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации: этносоциологический анализ. М.: ИСПИ РАН; Владикавказ: ИПЦ СОГУ, 2019. 231 с.
9. Ермолаев В. А. Протестантизм – регулирование потребления // Russian Studies in Culture and Society. 2022. Т. 6. № 3. С. 68–87. DOI: 10.12731/2576-9782-2022-3-68-87; EDN: RFVIKK.
10. Казьмина О. Е. Вопрос о религиозной принадлежности в переписях населения России и СССР // Этнографическое обозрение. 1997. № 5. С. 156–161.
11. Лункин Р. Н., Филатов С. Б. Христианские церкви и антиидентистская революция // Мировая экономика и международные отношения. 2021. № 8. С. 97–108. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-8-97-108; EDN: SVFDRH.

12. Максимцев И. А., Межевич Н. М., Разумовский В. М. Зарубежное регионоведение: вопросы теории и информационного обеспечения // Известия СПбГЭУ. 2019. № 5-1(119). С. 7–14. EDN: EGUHJA.
13. Пруцкова Е. В., Маркин К. В., Врублевская П. В. Q-методология в изучении «слабой религиозности» // Научный результат. Социология и управление. 2020. № 3. С. 184–202. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-3-0-11; EDN: QBYCFI.
14. Синелина Ю. Ю. О динамике религиозности россиян и некоторых методологических проблемах его изучения (религиозное сознание и поведение православных и мусульман) // Социологические исследования. 2013. № 10(354). С. 104–115. EDN: RDRNXB.
15. Сигарева Е. П. Рождаемость и религиозность в России: оценка взаимосвязи // Logos et Praxis. 2019. № 1. С. 104–115. DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2019.1.10; EDN: VMPRMR.
16. Чеснокова В. Ф. Воцерковленность: феномен и способы его изучения // Десять лет социологических наблюдений. М.: ФОМ, 2003. С. 112–145.
17. Batalla E. V., Baring R. Church-State Separation and Challenging Issues Concerning Religion // Religions. 2019. No. 10(3). P. 197. DOI: 10.3390/rel10030197.
18. Nynäs P. Putting a Q into the Study of Religions: Observations from a Global Study with the Faith Q-Sort // Nordic journal of comparative religion. 2022. Vol. 58. No. 1. P. 7–40. DOI: 10.33356/temenos.116001.

Получено редакцией: 03.11.23

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Балабейкина Ольга Александровна, кандидат географических наук, доцент кафедры региональной экономики и природопользования

DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.3

The Problem of Assessing the Religious Composition and Level of Religiosity of the Population of Countries and Regions

Olga A. Balabeikina

St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

olga8011@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-9520-8880

For citation: Balabeikina O. A. The problem of assessing the religious composition and level of religiosity of the population of countries and regions. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 2. P. 28–45. DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.3; EDN: UVGNHC.

Abstract. The article identifies the main problems of the theory and practice of collecting empirical data, on the basis of which one can build objective judgments about the level of religiosity of the population and its religious composition. The advantages and disadvantages of a sociological survey, population census data, and official data provided by religious organisations as sources of this type of information are considered.

The Evangelical Lutheran Church of Denmark (ELCD) is chosen as an example. It is considered by the author as a constructive example of a majoritarian religious organisation, reflecting over the dynamics of several decades quantitative data on the number of adherents and the degree of activity of their religiously determined behaviour. In the regional aspect quantitative data on the absolute and relative number of participants in religious ceremonies, on the registration of births, marriages and deaths, etc. are reflected. Information on the number of baptisms, confirmations, weddings, funeral services is provided at the level of individual dioceses of church-administrative units at the regional level. Based on the obtained results, territorial differences in the level of religiosity of Danish residents are recorded. The minimum indicators characterise the capital region with a high share of migrants – representatives of non-traditional cultures in the population structure. At the same time, the high degree of religious activity of ELCD adherents distinguishes the territories of mainland Denmark remote from the administrative center (Viborg, Aalborg, Ribe).

The results of the analysis of initial data concerning the total number and share of baptisms, confirmations, church marriages and funeral rites performed in the ELCD in recent years confirm the general secular trends characteristic of the population of Western and Northern European, primarily traditionally Protestant countries. Official statistical databases of religious organisations, recording both membership in them and participation in religious sacraments and rituals, are positioned as the most representative source of initial information for solving the problem of identifying the religious structure of the population and determining the level of its religiosity. The considered example of collecting and processing information is effective, but at the national and regional levels it is implemented only in cases where the model of religious-state relations provides the appropriate tools.

Keywords: level of religiosity, population, confessional structure, region

References

1. Babich N. S., Homenko V. I. Scale “predisposition to religiosity”: empirical validation and developing a more formalized measurement model. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2018: 1(405): 94–104 (in Russ.). DOI: 10.7868/S0132162518010105; EDN: YMAEVK.
2. Balabeikina O. A., Gavrilova K. S. et al. The role of the Danish Church in the fight against the COVID-19 pandemic and the significance of this experience for the Russian Federation. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, 2023: 3: 73–85 (in Russ.). DOI: 10.22394/1726-1139-2023-3-73-85; EDN: JFULOL.
3. Balabejkina O. A., Kuznecov L. M., Yankovskaya A. A. Philippines. Economic and social activities of a religious institute: the example of the diocese of Butuan. *Aziya i Afrika segodnya*, 2023: 1: 74–80 (in Russ.). DOI: 10.31857/S032150750020434-9; EDN: ZAXHUK.
4. Borisenko I. V. Specificity of organising religious and pilgrim trips. *Servis plus*, 2019: 3: 3–9 (in Russ.). DOI: 10.24411/2413-693X-2019-1030; EDN: NWIHUP.
5. Gorohov S. A., Agafoshin M. M. Approaches to assessment the religious affiliation of the population in geographical studies. *Geograficheskaya sreda i zhivye sistemy*, 2020: 2: 52–64 (in Russ.). DOI: 10.18384/2712-7621-2020-2-52-64; EDN: BNONHG.
6. Grigorenko T. N. Religious tourism in Rostov region: the problems and development prospects. *Servis v Rossii i za rubezhom*, 2021: 3: 156–164 (in Russ.). DOI: 10.15507/2413-1407.118.030.202201.055-075; EDN: WTWIWY.
7. Gravchikova A. A. Influence of the Population Religious Diversity on the Socio-Economic Indicators of the Russian Federation Regions. *Regionologiya*, 2022: 1: 55–75 (in Russ.). DOI: 10.24412/1995-042X-2021-3-156-164; EDN: MFSIQK.
8. Dzucev H. V., Dibirova A. P. The level of religiosity of the population of the Republics of the North Caucasus Federal District of the Russian Federation: ethnosociological analysis. Moscow, ISPI RAN; Vladikavkaz: IPC SOGU, 2019: 231 (in Russ.).
9. Ermolaev V. A. Protestantism – regulation of consumption. *Russian Studies in Culture and Society*, 2022: 3: 68–87 (in Russ.). DOI: 10.12731/2576-9782-2022-3-68-87; EDN: RFVIKK.
10. Kaz'mina O. E. Vopros o religioznoj prinadlezhnosti v perepisyah naseleniya Rossii i SSSR [The question of religious affiliation in the population censuses of Russia and the USSR]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 1997: 5: 156–161 (in Russ.).
11. Lunkin R. N., Filatov S. B. Christian churches and the antiidentist revolution. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2021: 8: 97–108 (in Russ.). DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-8-97-108; EDN: SVFDRH.
12. Maksimtsev I. A. Mezhevich N. M., Razumovsky V. M. Foreign Regional Studies: Questions of Theory and Communication Strategy. *Izvestiya SPbGEU*, 2019: 5: 7–14 (in Russ.). EDN: EGUHJA.

13. Pruckova E. V., Markin K. V., Vrublevskaya P. V. Q-methodology in the study of “weak” religiosity”. *Nauchnyj rezul'tat. Sociologiya i upravlenie*, 2020: 3: 184–202 (in Russ.). DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-3-0-11; EDN: QBYCFI.
14. Sigareva E. P., Sivoplyasova S. Yu. Fertility and religiosity in Russia: assessing interaction. *Logos et Praxis*, 2019: 1: 104–115 (in Russ.). EDN: VMPRMR.
15. Sinelina Yu. Yu. O dinamike religioznosti rossiyan i nekotoryh metodologicheskikh problemah ego izucheniya (religioznoe soznanie i povedenie pravoslavnyh i musul'man) [Dynamics of russians' religiousness and issues of its research methodology. Religious thinking and behavior of russian orthodox' and muslims]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2013: 10(354): 104–115 (in Russ.).
16. Chesnokova V. F. Vocerkovlennost': fenomen i sposoby ego izucheniya [Churching: the phenomenon and methods of its study]. In *Desyat' let sociologicheskikh nablyudenij* [Ten years of sociological observations]. Moscow, FOM, 2003: 112–145 (in Russ.).
17. Batalla E. V., Baring R. Church-State Separation and Challenging Issues Concerning Religion. *Religions*, 2019:10:197. DOI: 10.3390/rel10030197.
18. Nynäs P. Putting a Q into the Study of Religions: Observations from a Global Study with the Faith Q-Sort. *Nordic journal of comparative religion*, 2022: 1: 7–40. DOI: 10.33356/temenos.116001.

The article was submitted on: November 3, 2023

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga A. Balabeikina, Candidate of Geographic Sciences, Associate professor of Regional Economy and Environmental Management Department

ТЕМА НОМЕРА

СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ

DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.4

EDN: ZDBXUY

**Особенности религиозного сознания
нижегородского студенчества**

Ссылка для цитирования: Широкалова Г. С., Дулина Н. В., Пронина Е. И. Особенности религиозного сознания нижегородского студенчества // Вестник Института социологии. 2024. Том 15. № 2. С. 46–60. DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.4; EDN: ZDBXUY.

For citation: Shirokalova G. S., Dulina N. V., Pronina E. I. Features of the religious consciousness of Nizhny Novgorod students. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 2. P. 46–60. DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.4; EDN: ZDBXUY.

SPIN-код: 8292-5157

**Широкалова
Галина Сергеевна¹**

¹Приволжский филиал ФНИСЦ РАН,
Нижний Новгород, Россия

shirokalova@list.ru

SPIN-код: 9115-9416

**Дулина
Надежда Васильевна¹**

¹Центр социологических и маркетинговых исследований
«Аналитик», Волгоград, Россия

nv-dulina@yandex.ru

SPIN-код: 8052-9017

**Пронина
Елена Ивановна¹**

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

eipronina@yandex.ru

Аннотация. В представленной статье анализируется структура религиозности студенческой молодежи. Эмпирической базой послужило онлайн исследование Российского общества социологов 2022 г. «Культурное наследие и связь поколений (опрошено 9751 студентов вузов, граждан России, проживающих в различных регионах). Многонациональность и поликонфессиональность российского народа нашла отражение в распределении ответов респондентов, проживающих в разных регионах России. Поэтому из общей совокупности опрошенных нами выделено 1699 (или 17,4% от общего числа), являющихся студентами в вузах города Нижнего Новгорода. Целью данной работы было выявление значимости для молодежи регулирующей функции традиционных религий. Обоснован вывод, что мировоззренческие поиски студентов формируются соответствующим XXI в. технологическим укладом: значительная часть респондентов критически относится к содержанию традиционных религиозных учений, не имея сформировавшихся убеждений в этом направлении. Отсюда либо вера в непознанное сверхъестественное, либо индифферентизм в тех или иных формах, либо идентификация себя как атеиста при отсутствии для этого достаточных оснований в виде религиозоведческих знаний. Не замыкаясь в рамках традиционных для России религий, большинство студентов осознает культурологическую важность традиционных ценностей, знаковым элементом которых остается религия. Авторский вопрос: «Наши страны многоконфессиональны. Разделяете ли Вы мнение: «Бог один, а религии разные»?» позволяет измерить не только глубину веры в истинность религии, с которой идентифицирует себя респондент, но и подсознательную готовность к межконфессиональному диалогу. Для респондентов важна самоидентификация среди разделяющих их ценности и образ жизни. По этим принципам и формируется «социальный круг», пространство которого «задается» такими координатами, как уровень образования, материального достатка, возраст, национальность, принадлежность к конфессии. Выявлено снижение значения религии как фактора обеспечения крепости семейных уз и выбора спутника жизни. Параллельно падает значимость религиозных обрядов, знаменующих этапы жизни человека. Для сравнения и обоснования выводов привлекаются результаты социологических исследований, сходных по тематике или эмпирическому объекту исследования. Эмпирические данные позволяют авторам сделать вывод: среди нижегородских студентов сохраняется уважительно-индифферентное отношение к традиционным религиям на фоне снижения личностной значимости религии как социального института.

Ключевые слова: Россия, религия, православие, нижегородские студенты, традиции, социологическое исследование

В условиях технологического и идеологического плюрализма неизбежно многообразие оценок происходящего и образов будущего. Стремление к единой системе «общечеловеческих ценностей» на наших глазах терпит крах, поскольку их наполнение определяется объективными факторами повседневного существования, сравниваемого с предшествующими периодами, а не абстрактным «бриллиантовым дымом под потолком»¹. Относительное равновесие влияния материального и идеального факторов не может быть бесконечно долгим, по крайней мере, на данном уровне развития технологий управления общественным мнением: удов-

¹ Двенадцать стульев (Ильф и Петров). Гл. VI // Викитека. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Двенадцать_стульев_\(Ильф_и_Петров\)/Глава_VI](https://ru.wikisource.org/wiki/Двенадцать_стульев_(Ильф_и_Петров)/Глава_VI) (дата обращения: 15.11.2022).

летворение витальных потребностей для большинства населения первично и оценка условий и качества их удовлетворения – та движущая сила, которая лежит в основе крушения не одного варианта мироустройства.

Этот вывод подтверждает опыт СССР: советский патриотизм в годы Великой Отечественной войны определялся не столько картиной будущего, которая была в силу земных причин весьма размыта, сколько возможностью реального вертикального восхождения массовых социальных групп за довоенный период. Это не отрицает необходимости пусть детально неотработанного, но земного «эскиза будущего» подкрепленного одобряемыми изменениями.

Сегодня отказ от «эскиза» закреплен в «неприкасаемой» ст. 13 Конституции РФ 1993 года, признающей идеологическое многообразие и не допускающей установление в качестве государственной или обязательной какой-либо идеологии¹. Статья 13 входит в главу 1, изменение которой предусматривается лишь через механизм Всенародного голосования на основе решения Конституционного Собрания (статья 135), законопроект о котором принципиально не допускается в Госдуме даже к обсуждению.

Поэтому статья 13 статусно приоритетна по сравнению с внесенной в 2020 г. статьей 67.1, исходя из текста которой «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство», ... «читит память защитников Отечества и обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается»². Ориентация на прошлое очевидна, тогда как движущей силой, обеспечивающей суверенитет государства/страны/народа, может быть только устремленность в будущее, подкрепленная практикой последних лет.

В конце 1980-х гг. в рамках подготовки к 1000-летию принятия христианства на Руси в СССР изменились взаимоотношения государства и конфессий. Новая политика была выстроена в соответствии с общей целью изменения общественно-политического строя в СССР, но большинство населения не осознавало данной взаимосвязи. При характеристике того времени нами отмечалось, что «традиционная мифологизация “заслуг юбиляра” и замалчивание негативной информации не могли не сформировать благосклонного отношения общества к религии в целом, и в соответствии с российским менталитетом, пробуждения чувства вины за жесткую политику по отношению к РПЦ после революции» [10, с. 304]. Игнорирование того факта, что «революция – часть церковной истории и во многом закономерный результат ее развития и кризиса» [7, с. 1040], привело РПЦ к повторению дореволюционных ошибок, а именно утрате ею независимости от государственных структур, в результате чего критическое отношение к политике государства автоматически распространялось на

¹ Конституция Российской Федерации от 01.07.2020 г. URL: <http://duma.gov.ru/news/48953/> (дата обращения: 13.09.2022).

² Там же.

нее, что вело, в свою очередь, к утрате морального авторитета. По оценке руководителя ВЦИОМ В. Федорова, данной им в 2021 г., «пик доверия к церковным институтам, как и пик внимания к ним пройден»¹.

Лишь в немногих публикациях 1990-х – начала 2000-х гг. предсказывалось угасание интереса / потребности в традиционных религиях в условиях глобализации, хотя пример Запада был очевиден. Но именно этот прогноз оказался самосбывающимся. Уже к 2010 г. настроение в обществе, особенно среди интеллигенции, изменилось. В декабре 2010 г. Патриарх Кирилл вынужден был отметить, что Церковь «стоит перед лицом очень больших трудностей и, я бы даже сказал, опасностей, лежащих в сфере церковно-общественных отношений», противопоставив им церковно-государственные отношения, в которых «не осталось ни одного принципиального вопроса, который бы содержал некий конфликт»².

После подписания Президентом России Д. А. Медведевым в 2010 г. ФЗ № 327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности»³, ФЗ № 105-ФЗ «О внесении изменения в статью 1.1 Федерального закона Российской Федерации от 13 марта 1995 г. № 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России»⁴, согласно которому в России установлена новая памятная дата – 28 июля – «День крещения Руси» и ряда других законодательных актов раскол по поводу роли РПЦ в обществе усилился и стал приобретать межконфессиональные черты⁵.

Так формировалась «симфония» РПЦ и государства, но не РПЦ и значительной части общества, о чем свидетельствовали протесты против передачи конфессиям зданий, в которых были музеи, планетарии, учебные заведения, введения религиозных предметов в светских школах, строительства храмов и т. д. Подытоживая результаты религиозной политики трети века, Е. А. Кублицкая и И. В. Лютенко сделали вывод, что «в настоящее время уже нельзя говорить о “религиозном буме” в России. С начала 2000-х гг. наблюдается тенденция к снижению доверия к Церкви и деятельности других традиционных религиозных организаций. Это объясняется

¹ Яковлева Е. Что значат сегодня церковь и патриарх в жизни общества // Российская газета. 2021. 01.02. URL: <https://rg.ru/2021/02/01/chto-znachat-segodnia-cerkov-i-patriarh-v-zhizni-obshchestva.html> (дата обращения: 15.06.2023).

² Патриарх Гундяев введет инквизицию. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ELbb-thSnM> (дата обращения: 15.10.2022).

³ Федеральный закон от 30 ноября 2010 г. № 327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности» (с изменениями и дополнениями) // Информационно-правовой портал Гарант. РУ. URL: <https://base.garant.ru/12180712/> (дата обращения: 15.12.2022).

⁴ Федеральный закон от 31 мая 2010 г. N 105-ФЗ «О внесении изменения в статью 1.1 Федерального закона «О днях воинской славы и памятных датах России» // Информационно-правовой портал Гарант. РУ. URL: <https://base.garant.ru/198339/> (дата обращения: 15.12.2022).

⁵ Щипанов М. Президент Медведев подписал закон о Дне крещения Руси // Вечерняя Москва. URL: <https://vm.ru/news/410046-prezident-medvedev-podpisal-zakon-o-dne-kresheniya-rusi> (дата обращения: 17.10.2022).

многими причинами, и прежде всего неоправданной идеализацией обществом некоторых религиозных деятелей и религиозных институтов, их возможностей по переустройству жизнедеятельности граждан в постсоветский период государственного строительства» [5, с. 217].

Отношение современных студентов к вопросам религии и вероисповедания представляет особый интерес, поскольку «религиозное возрождение», по оценкам многих религиоведов, сменилось изменением «религиозного ландшафта», особенно среди молодежи¹, а следовательно, будущего «цивилизационного кода» России. Заметим, что данные вопросы постоянно находятся в поле нашего научного дискурса (см., напр., [1; 4] и др.). В этих реалиях было проведено исследование Российского общества социологов 2022 г. «Культурное наследие и связь поколений», описание его характеристик более полно представлено в обобщающих публикациях организаторов исследования, см., напр., [2; 3] и др.

Религиозное сознание молодежи есть результат особенностей ее социализации. Национальный и конфессиональный состав территории – та среда, в которой протекает повседневная жизнь студентов и, конечно, она оказывает влияние на характеристики свободы совести. В Нижегородской области на 1 октября 2023 г. постоянное население составляло 3,2 млн человек, из которых женщин 56,2%. Согласно переписи, русские составляют 95,2%; остальные 4,8% включают представителей более 100 национальностей, самой многочисленной из которых являются татары – 1,4%². Более того, во время переписи 2020 г. было разрешено указывать несколько национальностей и родных языков³, что дало «размытую» характеристику национального состава населения. Кроме того, перепись не учитывает мигрантов, которые значительно меняют этноконфессиональную картину России. Так, только за 2022 г. в Нижегородскую область въехало более 225 тысяч иностранцев⁴.

В студенческой выборке 100% россиян, в том числе с двойным гражданством – 2,4%; русских – 78,2%, поволжан (чувашей, удмуртов, марийцев, мордвы) – 0,8%, татар – 0,7%, азербайджанцев – 0,6%. Остальные этносы представлены еще более дисперсными группами. Свою этническую принадлежность указали 84,3% опрошенных: во время последних переписей населения в России было отмечено падение значимости этнической самоидентификации. Среди респондентов 87,9% учатся на 1–3 курсах, доля девушек – 69,1%.

¹ Павлюткин И. В. Динамика религиозности молодых людей в России // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6. № 3. С. 153–183.

² Население Нижегородской области, численность, занятость, безработица, гендерный состав // BDEX. URL: <https://bdex.ru/naselenie/nijegorodskaya-oblast/> (дата обращения: 15.10.2023).

³ Росстат: В переписи-2020 разрешат указывать несколько национальностей и родных языков. URL: <https://www.business-gazeta.ru/news/45716210.02.2020> (дата обращения: 15.02.2020).

⁴ В Нижегородскую область въехало 225 тысяч мигрантов // nn.ru. 2023.10 марта. URL: <https://www.nn.ru/text/economics/2023/03/10/72122672/> (дата обращения: 15.10.2023).

В области зарегистрировано более 780 религиозных организаций, из них 609 относящихся к РПЦ, 59 – к исламу¹. Напомним, что Нижегородчина была одним из наиболее религиозно настроенных регионов и в советское время благодаря значительной доле потомков старообрядцев, бежавших в керженские леса после реформы XVII в. И хотя многие из них перешли в РПЦ, но сохраняли строгость веры. Поэтому характеристики религиозных исканий молодежи здесь особенно показательны.

Согласно ст. 28 Конституции РФ, «Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними»². Судя по вариантам ответов студентов, сложившееся в их среде отношение к религии вполне соответствует букве закона. Суждения, наиболее точно описывающее их отношение к религии, представлены в табл. 1.

Таблица 1 (Table 1)

Выберите суждение, которое наиболее точно описывает Ваше отношение к религии, %
Select the statement that most accurately describes your attitude towards religion, %

Суждение	
Я верующий, имею тесные связи с общиной	6,5
Я верующий, но к Богу обращаюсь без посредников	25,8
Я верю в высшие сверхъестественные силы	11,7
Я агностик (у меня нет доказательств, как отсутствия, так и существования Бога)	24,5
Я не определился, пытаюсь найти для себя правильное решение	10,0
Я человек неверующий, безразличный к религии	12,8
Я убежденный атеист (отрицаю существование Бога)	7,8
Итого ответивших	99,1

Как следует из данных таблицы 1, религиозность/светскость определяется студентами как пространство аксиологического/мировоззренческого выбора. Религиозные организации могут в большей или меньшей степени повлиять на тех, кто имеет связи с общиной, но поскольку «вход-выход» государством не контролируется, то часта миграция между приходами в зависимости от территориальной доступности, эмпатии к священнику/пастору и членам общины. Мигранты, к примеру, из Средней Азии и Кавказа предпочитают обособление от нижегородской татарской уммы, поскольку у них иные религиозные практики.

Для остальных респондентов выбор ответа не столько культурная матрица, сколько «ярлычковая самоидентификация», поскольку, как показали другие ответы, соответствующих знаний и практик у студентов

¹ О регионе. URL: <https://www.nn-invest.ru/ru/region/common> (дата обращения: 25.10.2022).

² Конституция Российской Федерации от 01.07.2020 г. URL: <http://duma.gov.ru/news/48953/> (дата обращения: 13.09.2022).

нет. 44% студентов идентифицировали себя как верующих, но четверти опрошенных (25,8%) не нужен посредник для обращения к Богу, а для 11,7% верующих в высшие силы не обязателен культ в силу неопределенности «высших сил». Те, из неопределившихся, кто рано или поздно примкнет к верующим, ненадолго изменят ситуацию. Ведущим трендом становится агностицизм, которому сопутствует снижение авторитета основных религиозных догматов. Для 7,8% самоназвание «убежденный атеист» не гарантирует «убежденности», поскольку для нее нужны глубокие знания, которых нет, но есть желание самопрезентации своей независимости от поощряемых практик.

Один из признаков глубины – признание своей религии единственно «правильной». Поэтому вопрос: «Наши страны многоконфессиональны. Разделяете ли Вы мнение: “Бог один, а религии разные”?» позволял измерить подсознательную готовность к внеконфессиональному диалогу. Из всех опрошенных мнение «Бог один, а религии разные» выбрали 46%, «не совсем» – 29,6%, «нет» – 24,4%. Такая установка, разделяемая в большей или меньшей степени подавляющим большинством респондентов, задает мировоззренческую основу для межконфессионального и международного мира, что принципиально важно для такой страны как Россия. Напомним, что при обсуждении Конституции РФ 1993 г. за отказ от определения России как светского государства выступали священники, ученые, региональные депутаты [6], не учитывавшие цивилизационные отличия ее народов. Такая точка зрения и сегодня «проскальзывает» на политических диспутах. Считаем позицию предлагающих отказаться от отделения Церкви от государства и признать единство Церкви и госвласти¹ еще одним фактором разрушения социальной стабильности в стране.

Насколько релевантны данные, на основе которых делаются какие-то выводы, – ключевой вопрос для каждого исследователя, изучающего важные для респондентов мировоззренческие проблемы. Мы солидарны с Е. А. Кублицкой и И. В. Лютенко в том, что «если в советский период показатель самоидентификации по отношению к религии и атеизму занижал уровень религиозности и завышал степень распространения секуляризации, то в современном российском обществе с точностью до наоборот – завышаются уровень и степень религиозности на фоне занижения уровня и степени атеистичности» [5, с. 217].

Е. А. Кублицкая и И. В. Лютенко верно отметили существование противоположных оценок исследований в советский/постсоветский период. Добавим к этому что специальных работ по анализу программ и инструментов, позволяющих доказать или опровергнуть мнение по отношению к советскому религиоведению, нет. Что касается современной ситуации, то отождествление культурологической ориентации и религиозности действительно имеет место с конца 1980-х гг. по сегодняшний день, что завышает

¹ Выступление на Круглом столе Третьякова В. Т., декана ВШТ МГУ им. М. В. Ломоносова // Круглый стол «105 лет Великой Октябрьской социалистической революции». 2022. 18.11. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=4dgaXPBGQAM>. (дата обращения: 13.12.2022).

долю верующих. Но по мере взросления поколения Z, демонстрирующего свою самость в социальных сетях, во всех сферах на всех молодежных сайтах данные объективизируются. Кроме того, анонимность при проведенном опросе была соблюдена в полной мере, поскольку анкета заполнялась онлайн с помощью индивидуальных гаджетов во время аудиторных занятий. Мировоззренческие предпочтения студентов, идентифицировавших себя как верующих, представлены в табл. 2. Подчеркнем: согласно ответам, представленным в таблице 1, речь идет о мировоззренческой ориентации, а не о воцерковленности. Вопрос был задан в открытой форме.

Таблица 2 (Table 2)

К какому вероисповеданию вы себя относите?,
% от числа относящих себя к верующим
What religion do you consider practice?

Направления вероисповеданий		Направления вероисповеданий	
Православие	88,2	Христианство	0,7
Ислам	2,9	Никакое	0,6
Язычество	2,4	Католицизм	0,4
Другое	2,4	Буддизм	0,3
Протестантизм	1,9	Индуизм	0,1

Структура выборки определяет структуру ответов. На вопрос о вероисповедании ответили 42,5% опрошенных, что вполне соотносится с ответами на вопрос об отношении к религии, на который 44% опрошенных выбрали ответ «верю» (см. табл. 1). Кроме того, при ответе на вопрос о том, каковы должны быть признаки идеального государства, 80,2% респондентов указали: «Свобода выбора любой религии или атеизма», но лишь 61,9% отметили, что такой выбор можно осуществить в современной России. Ясно, что остальные 38% студентов имели в виду не традиционные религии, приоритет которых особо закреплен в преамбуле Закона о свободе совести и о религиозных объединениях: православие, ислам, буддизм, иудаизм. Для агностиков (24,5%) и безразличных к религии (12,8%) этот вопрос менее актуален (см. табл. 1) и среди них могли быть затруднившиеся с ответом. Возможно, что повлиял ряд судебных процессов над виссарионовцами, иеговистами и т. п.

Вместе с тем, среди части молодежи сохраняется уважительное / индифферентное отношение к традиционным религиям. На вопрос «Насколько лично для вас важно сохранение в обществе традиционной религии?» ответили «важно» – 42,5%, еще 37,2% выбрали вариант «и да, и нет», и только 20,3% заявили – что для них лично это «не важно». Скорее всего, это тоже культурологическая оценка, фиксирующая значимость многообразия мира, но не конкретно религиозного.

Сказывается и возрастная особенность: требование свободы без границ. В подтверждение этого вывода укажем, что традиции крещения (или иного обряда посвящения, инициации) в той или иной форме есть в каж-

дой религии, но доля считающих это таинство/обряд важным для них лично – 33,9%, «и да, и нет» – 32,7%, «не важным» – 33,4%. Косвенно это свидетельствует о том, что молодежь оставляет для себя возможность мировоззренческого поиска, в то время как крещение – это своеобразное «обременение» постоянством. Впрочем, и в других отношениях прослеживается данная тенденция: сохранение свадебного обряда «важно» для 34,3%, «и да, и нет» – для 37,7%, нет – 28%; похоронного обряда, соответственно, 48,6, 33,1, 18,3%.

Свадебный и похоронный обряды утрачивают свою сакральность, о чем свидетельствует не столько распределение ответов в нашем исследовании, сколько количество «пробных браков», доля расторгаемых официальных браков, отказ от свадебных торжеств в пользу путешествий, безразличие к жизни/смерти, в значительной степени сформированное СМИ, массовой культурой и проявляющееся в показателях самоубийств¹: по данным ВОЗ, Россия входит в топ-10 стран по коэффициенту смертности от самоубийств в общей структуре преступности².

Среди причин отказа от религиозного выбора предшествующих поколений исследователи называют тот факт, что «традиционные религии не всегда могут оправдать весь ряд негативных явлений, которые происходят в российском обществе. Все это приводит молодое поколение к переосмыслению мировоззренческих позиций в отношении Церкви и государства, религии и общества, религии и нации, религиозных идей и отстаивающих эти идеи различных религиозных течений и т. д. Молодежь начинает искать ответы на возникшие проблемы и противоречия межнациональной, этноконфессиональной и социально-политической жизни общества в нетрадиционных религиозных учениях и практиках» [5, с. 218].

Нельзя рассматривать приведенные показатели как свидетельство безразличия к национальным традициям в целом: все зависит от их роли в повседневной жизни. Важность лично для себя народной кухни указало 74,0%, семейных традиций – 69,8%, народного искусства – 63,1%, народных песен – 47,1%, народных танцев – 44,8% респондентов. Высокие проценты не должны вводить в заблуждение: народная культура вне повседневной жизни, поэтому признание ее ценности не означает ее присутствия в образе жизни. Для большинства это фольклорные элементы, либо напоминающие об общем прошлом, либо интересные как туристические объекты.

Совсем иная оценка семейных отношений, традиции которых складывались под влиянием религий: важность «главенства старшего в роду» ценна для 27,8%, ответ «не важно» выбрали 34,9%, хотя уважение к старшим, без которого признание такого главенства вряд ли возможно, – первая из шести заповедей, регламентирующих отношения «чело-

¹ Самоубийства и их профилактика в России, 2019 год: основные факты // Демоскоп-weekly. 2020. № 869-870. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2020/0869/suicide.php/> (дата обращения: 15.06.2023).

² Россия входит в топ-10 стран по числу самоубийств // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5549246.10.09.2022> (дата обращения: 13.09.2022).

век – человек» («Почитай отца твоего и мать твою», Исход 20:12). Так же значима полярность по поводу главенства мужчины в семье: за – 24,1%, «не важно» выбрали 43,1%. А вот равенство мужчины и женщины в семье «важно» для 63,9%, «не важно» – для 8%. Напомним, в выборке 40,9% юношей, т. е. налицо тенденция отказа от традиционной мужской роли главы семьи. И это следствие не процесса советской «атеизации», юридической пост/де/секуляризации, а объективных процессов во всеобъемлющей сфере технологий, которая «беременна» секуляризацией.

Еще раз подчеркнем: религия не самостоятельный, не самодостаточный, а системный элемент общественных отношений. Приведем аргумент в пользу данного утверждения: среди опрошенных 82,3% предпочитают выбирать круг общения среди тех, кто разделяет их взгляды на жизнь, и лишь 11,1% – людей одинакового отношения к религии. В большей степени учитывается этот показатель при оценке надежности брака: по этому показателю самый высокий индекс взаимосвязи, что свидетельствует об осознании роли культурных особенностей при создании семьи (см. табл. 3).

Таблица 3 (Table 3)

Согласны ли вы с мнением, что семья более прочная, если, %*
Do you agree with the opinion that the family is stronger if, %

Мнение	Нет	Не имеет значения	Да	Индекс
Муж и жена одного вероисповедания	10,0	56,2	33,8	0,2378
Муж и жена принадлежат одному социальному кругу	12,7	52,1	35,1	0,2242
Муж и жена одинакового уровня образования	12,5	55,4	32,0	0,1948
Муж и жена приблизительно одинакового возраста	13,7	57,4	28,9	0,1519
Если в семье есть дети	15,5	54,0	30,5	0,1507
Муж и жена из семей равного материального достатка	13,2	59,4	27,4	0,1418
Муж и жена одной национальности	10,4	67,5	22,1	0,1177

*В некоторых случаях сумма по горизонтали менее 100%, т. к. есть не ответившие.

Но это не единственный фактор формирования «ближнего круга». Подтверждается вывод, сделанный нами ранее: для молодых важна самоидентификация среди тех, кто разделяет их ценности и образ жизни. По таким принципам и формируется «ближний социальный круг». Важность этих факторов они наблюдают в семьях родственников, знакомых, соседей. Этот же опыт «включенного наблюдения» снижает ценность детей, как залога семейного благополучия и помощи в старости. Хотя многовековая история россиян в одном социальном пространстве, формируемом условиями жизни, создала уникальную ситуацию приоритетности приязни к человеку над национальной принадлежностью и религиозностью, значимость этих факторов для семейных отношений признается.

В то же время для поколения Z важно право самостоятельного выбора, отрицание авторитетов; они будут выстраивать жизнь по собственным лекалам. Значимость для студентов своей «самости» наглядно демонстрируют данные, приведенные в таблице 4: перечисленные условия важны, но не критериальны для большинства.

Таблица 4 (Table 4)

А вы лично предпочли бы создать семью...*, %
Would you personally prefer to start a family..., %

Предпочтения	
С человеком одинакового с Вами возраста	37,6
С представителем своей национальности	37,5
С человеком, имеющим образование такого же уровня	30,5
С человеком близкого / равного материального достатка	26,3
С представителем того же вероисповедания	23,4

*При ответе на вопрос можно было указать несколько альтернатив.

В анкете было представлено 5 вариантов ответов, кроме того, около 20% студентов назвали и другие варианты, в их числе 5,3% написали (с разными формулировками) общие взгляды на жизнь. Есть основания считать, что включение этого варианта в перечень значительно увеличило бы долю ответов.

Исследованию 2022 г. предшествовали более трех десятилетий активизации религиозной жизни в России, поддерживаемой государственной властью. В Нижегородской области она была особенно интенсивна: исторически на ее территории была выше доля активных верующих из-за большой доли старообрядцев. И хотя многие в XX в. перешли в РПЦ, что свидетельствует о падении авторитета старообрядчества в целом, исследования фиксировали меньший уровень религиозности по сравнению с Москвой и Санкт-Петербургом, но больший, чем в других регионах РСФСР. Имела значение и мифологизация дома Романовых и, соответственно, канонизированного при Николае II Серафима Саровского. Противоположная позиция высказывалась крайне редко [8, с. 330–332].

Повысить авторитет и роль традиционных для РФ религий предполагалось через введение в школах с 2012 г. курса «Основы религиозной культуры и светской этики», состоящего из шести модулей, которые должны были выбрать родители: «Основы православной культуры», «Основы исламской культуры», «Основы иудейской культуры», «Основы буддистской культуры», «Основы мировых религиозных культур», «Основы светской этики». В Нижегородской области для 27670 четвероклассников в 57,9% случаев их родителями были выбраны «Основы православной культуры», 29,8% – «Основы светской этики», 11,75% – «Основы мировых религий», 0,53% – «Основы ислама», по 0,01% – «Основы иудаизма» и «Основы

буддизма»¹. Это по официальным данным. Фактически опрос среди родителей проводили, но объявлялось без каких-либо уточняющих данных, что выбраны «Основы православной культуры». В результате в класс приходил учитель по той дисциплине, по которой был в школе учитель. А если на линейку в школу традиционно приглашается священник, варианты и не рассматриваются.

В силу этноконфессиональной структуры населения регионов обеспечить квалифицированное чтение всех курсов было практически невозможно и статистически не востребовано. Ведение их воцерковленными людьми, а тем более священниками, имамами встречало сопротивление родителей: по Конституции Россия – светское государство. Словом, по поводу этого эксперимента было немало дискуссий (см., напр., [8; 9] и др.), но мы остановимся на его итоговой оценке опрошенными студентами. Из тех, у кого был обобщающий ознакомительный курс «Основы мировых религий», около четверти (23,4%) опрошенных охарактеризовали его как полезный, как бесполезный вдвое меньше – (12,5%); больше четверти респондентов (26,4%) выбрали вариант «и да, и нет». Полезность «Основ светской этики» очевидна для 29,8%, «Основ православной культуры» – 21,5%; бесполезность, соответственно, 11,2% и 18,5%. Показательно признание студентки-выпускницы православной гимназии: в седьмой класс к ним пришли ученики из светской школы. Видимо, родители надеялись на корректировку их поведения в более строгой в моральном отношении среде. Вопреки ожиданиям в их поведении ничего не изменилось, а подражать им стала половина класса, потому что «так жить проще».

К выводам

Исследование показало, что около 40% нижегородских студентов отнесли себя к верующим, из них 95% назвали себя христианами разных конфессий. Но для большинства из них это – культурологическая характеристика, поскольку тесные связи с церковной общиной имеют лишь 6,5%. Верующие «сами по себе» или «в высшие силы» не имеют религиозной практики, а, следовательно, выстраивают повседневность вне зависимости от религиозных организаций, их, говоря языком Э. Гуссерля, жизненный мир не включает в себя религиозное, церковное пространство. Еще более свободны в своем самоопределении те, кто находится в «конфессиональном» поиске, безразличен к религии или атеистичен. Они предпочитают надеяться на свои силы и брать на себя ответственность за свои поступки. Уточним: эта ответственность ситуативна, она не основывается на рациональном выборе молодежью решения из спектра возможностей в силу незначительности у нее социального опыта и невозможности планиро-

¹ Архипова А. Большинство нижегородских школьников будут изучать основы православия // Российская газета. 2012. 04.04. URL: <https://rg.ru/2012/04/04/reg-pfo/religii-anons.html> (дата обращения: 13.09.2022).

вания будущего в «обществе риска». Значительная часть респондентов назвала важными для себя ряд направлений народной культуры, что не означает ее включенности в их повседневность. Например, теряют значимость обряды религиозной инициации, сформированные в рамках традиционных религий запреты на межконфессиональные браки ничтожны для большинства. Нравственные устои формируются, прежде всего, условиями социализации, а не конфессиональными нормами. Поэтому в том, что тренд на мировоззренческий поиск у молодежи сохранится, сомнений нет, как и в том, что он будет откорректирован изменяющимися социальными условиями.

Библиографический список

1. Дулина Н. В., Беликова Е. О., Парамонова В. А. Коммуникация религиозных символов в социокультурном ландшафте региона // Религия и Коммуникация: Мат. VI Международной науч.-практ. конф., Минск, 18–20 апреля 2019 г. Минск: Ковчег, 2019. С. 187–192. EDN: ULKFUQ.

2. Дулина Н. В., Засыпкин В. П. и др. Культурные традиции и связь поколений (информация о научном проекте) // Вестник СурГПУ. 2022. № 5(80). С. 151–154. DOI: 10.26105/SSPU.2022.80.5.014; EDN: SBVLCM.

3. Дулина Н. В., Мансуров В. А. и др. Народная культура в оценках российской студенческой молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8. № 3. С. 61–78. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-5; EDN: ZNNWOU.

4. Дулина Н. В., Овчар Н. А., Токарев В. В. Социальное самочувствие и религиозные ориентации современной студенческой молодежи (по итогам прикладного социологического исследования) // Известия ВолгГТУ. Сер. «Проблемы социально-гуманитарного знания». 2014. № 16(143). С. 120–124. EDN: TBTGQX.

5. Кублицкая Е. А., Лютенко И. В. Религиозность в саморегуляции жизнедеятельности молодежи // Саморегуляция жизнедеятельности молодежи: методология и социальные практики / Науч. ред. Ю. А. Зубок. Белгород: ООО «Эпицентр», 2021. С. 217–247. EDN: SUHSWJ.

6. Митюков М. А. Дискуссии о светском государстве на Конституционном совещании // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 9(82). С. 68–80. DOI: 10.17803/1994-1471.2017.82.9.068-080; EDN: ZIOHOV.

7. Сомов В. А., Волкова Е. С. Советская ментальность: маркеры социально-исторической идентичности // Новейшая история России. 2022. Т. 12. № 4. С. 1035–1048. DOI: 10.21638/spbu24.2022.413; EDN: QVZUDZ.

8. Троицкий Н. А. Россия в XIX веке. Курс лекций: Уч. пос. М.: Высшая школа, 1999. 431 с.

9. Широкалова Г. С. Останется ли Россия светским государством? // Диалог мировоззрений: Современное образование в поле научных и религиозных традиций: Мат. XI Международного симпозиума 31 мая – 2 июня 2011 г. / Под ред. А. В. Дахина. Н. Новгород: ВВАГС, 2011. С. 537–546.

Получено редакцией: 15.10.23

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Широкалова Галина Сергеевна, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник

Дулина Надежда Васильевна, доктор социологических наук, профессор, научный руководитель исследовательский проектов

Пронина Елена Ивановна, старший научный сотрудник Центра социологии науки и образования

DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.4

Features of the Religious Consciousness of Nizhny Novgorod Students

Galina S. Sirokalova

Volga Branch of FCTAS RAS, Nizhny Novgorod, Russia

shirokalova@list.ru

ORCID: 0000-0003-4089-5446;

Nadezhda V. Dulina

Sociological and Marketing Research “Analyst”, Volgograd, Russia

nv-dulina@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-6471-7073

Elena I. Pronina

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

eipronina@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1784-4421

For citation: Shirokalova G. S., Dulina N. V., Pronina E. I. Features of the religious consciousness of Nizhny Novgorod students. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 2. P. 46–60. DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.4; EDN: ZDBXUY.

Abstract. The article analyses the structure of religiosity among student youth. As the empirical basis serves the online study of the Russian Society of Sociologists 2022 “Cultural heritage and connections between generations” (9,751 university students, Russian citizens living in various regions were surveyed). The multinationality and multi-confessional nature of the Russian people is reflected in the distribution of answers from respondents living in different regions of Russia. Therefore, from the total population of respondents, we identified 1699 (or 17.4% of the total) who are students at universities in the city of Nizhny Novgorod. The purpose of this work was to identify the significance of the regulatory function of traditional religions for young people. The conclusion has been made that the ideological searches of students are formed by the technological structure corresponding to the 21st century: a significant portion of respondents are critical of the content of traditional religious teachings, without having formed convictions in this direction. Hence they either show belief in the unknown supernatural, or indifference in one form or another, or identification of oneself as an atheist in the absence of sufficient grounds for this in the form of religious knowledge. Without being confined within the framework of traditional Russian religions, most students are aware of the cultural importance of traditional values, of which religion remains a significant element.

Author’s question: “Our countries are multi-religious. Do you share the opinion: “God is one, but religions are different”?” allows to measure not only the depth of faith in the truth of the religion with which the respondent identifies himself, but also the subconscious readiness for interfaith dialogue. Self-identification among those

who share their values and lifestyle is important for respondents. According to these principles, a “social circle” is formed, the space of which is “set” by such coordinates as the level of education, material wealth, age, nationality, and confession. A decrease in the importance of religion as a factor ensuring the strength of family ties and the choice of a life partner has been revealed. At the same time, the importance of religious rituals that mark the stages of a person’s life is declining. To compare and substantiate conclusions, the results of sociological studies that are similar in topic or empirical object of study are used. Empirical data allow the authors to conclude: among Nizhny Novgorod students, a respectful and indifferent attitude towards traditional religions remains, against the backdrop of a decrease in the personal significance of religion as a social institution.

Keywords: Russia, religion, Orthodoxy, Nizhny Novgorod students, traditions, sociological research

References

1. Dulina N. V., Belikova E. O., Paramonova V. A. Communication of religious symbols in the socio-cultural landscape of the region. In *Religion and Communication: Materials of the VI International Scientific and Practical Conference*, Minsk, April 18–20, 2019. Minsk: Kovcheg, 2019: 187–192 (in Russ.). EDN: ULKFUQ.
2. Dulina N. V., Zasytkin V. P. et al. Cultural traditions and communication of generations (information about the scientific project). *Vestnik SurGPU*, 2022: 5 (80): 151–154 (in Russ.). DOI: 10.26105/SSPU.2022.80.5.014; EDN: SBVLCM
3. Dulina N. V., Mansurov V. A. et al. Folk culture in the assessments of Russian student youth. *Nauchnyj rezultat. Sociologiya i upravlenie*, 2022: 8: 3: 61–78 (in Russ.). DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-5; EDN: ZNNWOU.
4. Dulina N. V., Ovchar N. A., Tokarev V. V. Social well-being and religious orientations of modern student youth (based on the results of applied sociological research). *Izvestiya VolgGTU. Ser. “Problemy socialno-gumanitarnogo znaniya”*, 2014: 16 (143): 120–124 (in Russ.). EDN: TBTGQX.
5. Kublitskay E. A., Lutenko I. V. Religiosity in self-regulation of youth’s vital activity. *Samoregulyaciya zhiznedeyatel`nosti molodezhi: metodologiya i social`ny`e praktiki: monografiya [Self-regulation of youth’s vital activity: methodology and social practices: monograph]* / Yu. A. Zubok, O. N. Bezrukova, Yu. R. Vishnevsky et al.; scientific ed. Yu. A. Zubok. Belgorod: OOO “Epicentr”, 2021: 217–247 (in Russ.). EDN: SUHSWJ.
6. Mityukov M. A. Discussions about the secular state at the Constitutional Meeting. *Aktualnye problemy rossiiskogo prava*, 2017: 9 (82): 68–80 (in Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2017.82.9.068-080; EDN: ZIOHOV.
7. Somov V. A., Volkova E. S. Soviet mentality: markers of socio-historical identity. *Noveishaya istoriya Rossii*, 2022: 12: 4: 1035–1048 (in Russ.). DOI: 10.21638/spbu24.2022.413; EDN: QVZUDZ.
8. Troitskiy N. A. Russia in the XIX century. The course of lectures: A textbook on specials. “History”. Moscow, Vysshaya shkola, 1999: 431 (in Russ.)
9. Shirokalova G. S. Will Russia remain a secular state? Dialogue of worldviews: Modern education in the field of scientific and religious traditions: Proceedings of the XI International Symposium on May 31 – June 2, 2011. Ed. by A. V. Dakhin. Nizhny Novgorod, VVAGS, 2011: 537–546 (in Russ.).

The article was submitted on: October 15, 2023

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Galina S. Sirokalova, Doctor of Sociological Sciences, Leading researcher

Nadezhda V. Dulina, Doctor of Social Sciences, Professor, Scientific director of research projects

Elena I. Pronina, Senior researcher of the Center for Sociology of Science and Education

ТЕМА НОМЕРА

СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ

DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.5

EDN: YXPVDZ

Социовитальный характер религиозности в повседневности донского казачества¹

Ссылка для цитирования: Скорик А. П., Шадрина А. В. Социовитальный характер религиозности в повседневности донского казачества // Вестник Института социологии. 2024. Том 15. № 2. С. 61–80. DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.5; EDN: YXPVDZ.

For citation: Skorik A. P., Shadrina A. V. The sociovital nature of religiosity in the everyday life of the Don Cossacks. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 2. P. 61–80. DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.5; EDN: YXPVDZ.

SPIN-код: 7327-9553

Скорик Александр Павлович¹

¹Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М. И. Платова, Новочеркасск, Россия

s_a_p@mail.ru

SPIN-код: 4699-5590

Шадрина Алла Валерьевна¹

¹Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Россия

bergson@yandex.ru

Аннотация. Казачество традиционно ассоциируется с социальным оплотом Русской православной церкви, с группой наиболее праведных поборников православной веры. Однако донские казаки прошли свой длительный исторический путь, прежде чем оказались в лоне Церкви-Матери, стали ее современными защитниками от несправедных посягательств. Вера для донских казаков изначально представляла собой более широкое жизненное понятие, нежели только религиозное чувство, простираясь в ментальные модели поведения, фиксируясь зачастую исключительно в материальных предметах, выражаясь в достаточно ситуативном богомолье. В исторической повседневности казаков прослеживается не характерное для других социальных групп рационалистическое отношение к религиозной вере. Такой прагматизм проистекал из особого воинского типа религиозности, изначально сформиро-

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ЮНЦ РАН, № гр. проекта 124012200178-4.

вавшегося на фронтальной территории Дикого Поля, где закладывались истоки российского казачества, откуда через века казаки пронесли свое благородное отношение к Богу, к христианской вере. У них была своя историческая дорога к православному храму, гораздо более длинная и противоречивая, нежели у других групп российского населения, но от этого не менее значимы ее конечные результаты. «Второе солнце Дона» – Вознесенский войсковой кафедральный собор в Новочеркасске – является исторически вторым из трех Патриарших соборов в современной России. Но с ним соперничал по архитектурному великолепию и внутреннему убранству Николаевский старообрядческий собор, который отражал своим существованием в начале XX в. сильнейшие позиции старообрядчества на Дону, а в храме богослужение вел старообрядческий архиепископ Иоанн Картушин. В среде донского казачества также получило значительное распространение иноверие, причем, из числа его исторических примеров выделяются духоносцы, а уже в наши дни казаки-калмыки сохраняют приверженность буддистскому (ламаистскому) вероисповеданию. Однако, несмотря на существование различных вариантов религиозной веры у донских казаков, позиции Русской православной церкви сегодня являются на Дону господствующими и незыблемыми.

Ключевые слова: богомолье, воинский тип религиозности, иноверие, казаки, священство, старообрядчество, храм

Деление культуры на материальную и духовную пришло к нам из философии XIX–XX вв., причем, в российской исследовательской практике эта довольно простая классификация настолько прижилась, что считается самоочевидной. При этом из виду упускаются два значимых момента. Во-первых, сама эта классификация получила наибольшее развитие в марксистской традиции, отнюдь не всегда безупречной, да и критикуемой, например, теоретиками постмодерна (Ж. Бодрийяром, Ж.-Ф. Лиотаром и др.). Во-вторых, такое достаточно жесткое деление опровергается социальной практикой, жизненной повседневностью людей. Вместе с тем, мы солидарны с Л. Н. Коганом [6], что эти обозначенные и дихотомически противопоставляемые понятия в осмыслении культуры и сегодня не лишены определенной эвристической ценности.

Также одной из категорий духовной культуры привычно называется вера, но предлагаемый в настоящей статье анализ повседневности донского казачества отчетливо демонстрирует сложное, противоречивое переплетение духовного и материального в верованиях казачьей общности и ставит под вопрос исключительную духовность верований для казака. Это позволяет нам говорить о специфическом воинском типе религиозности казачества, отличном от крестьянства и имеющем ярко выраженный прикладной характер, где материальное, материальный интерес нередко превалируют над духовностью, духовной потребностью, и обращение к Богу обретает черты реализации опредмеченного жизненного интереса, внутреннего душевного согласия, осознания вероятностной возможности того, что произнесение молитвы обеспечивает актуальную повседневную потреб-

ность. Вот как примерно выглядела молитва Богу о помощи в интерпретации известного казачьего поэта Я. С. Мишковского, искренне и убедительно произносимая запорізьким кошовим Харко:

*«Зжалься, доле, надо мною,
Над козацькой головою,
Зжалься, вкажи сѣбѣ!
Прылыны до мэнэ з нѣба,
Дай, чого тѣпѣра трѣба,
Щоб я пам'ятав тѣбѣ!» [16, с. 287].*

В этой молитве отчетливо выражено казачье понимание веры как одного из главных феноменов привольной жизни казака, где соединяется молитва-просьба, образ Бога, вера в Его невероятную силу и возможности, и все это обретает признание лишь в случае удовлетворения вполне определенного материального интереса. Тем самым, образуется для исследователя воинского типа религиозности казачества эпистемологическая сфера, когда данный тип религиозности может быть довольно качественно интерпретирован в рамках виталистской социологии, когда широко известная формула «казак без веры – не казак» приобретает несколько иной смысл.

Предметом нашего исследования является вера в повседневности донского казачества как прикладная категория, что характеризует менталитет и бытование данной социальной общности, для которой присуще все явления трактовать исключительно в материальном и преимущественно прикладном значении. Избранная нами для междисциплинарного анализа категория «вера» в казачьей повседневности может быть качественно осмыслена и интерпретирована с опорой на разработанные П. А. Сорокиным основные классические понятия социологии и, прежде всего, истолкованные в качестве элементов совокупности физических и символических проводников взаимодействия и/или материальной культуры [20, с. 131], и категориально-понятийный анализ социовитальных институтов казачьей повседневности, выполненный авторами [17, с. 37–52].

Категория «вера» в казачьей повседневности

В современном процессе возрождения казачества довольно часто подчеркивается нерасторжимость двух смысловых субстанций: русского казачества и православной веры, что привело к появлению исторического мифа о чрезвычайной исторической набожности казаков, отражающейся в типичном ответе-формуле «Служу вере православной, Дону и Отечеству», которую произносят современные донские казаки в случае объявления им публичной благодарности и/или вручения заслуженной награды. Ниоим образом не отвергая значимость таких сакраментальных слов для казаков, мы все же хотели бы расставить смысловые акценты.

Во-первых, категория «вера» и понятие «религиозное чувство» исторически не тождественны для казаков, ведь казак верил не только в Бога, казак верил в удачу, казак верил в надежное плечо товарища, и не случайно существование в казачьей среде весьма характерного понятия «односум»¹, да и формула духовного и материального родства «За други своя» наполнялась для казака отнюдь не только религиозным смыслом, ведь она служила, прежде всего, символом устойчивого, на всю жизнь мужского братства. Во-вторых, казаки исторически совершали свое локальное богомолье (как гласит казачья пословица, на Дону что ни хутор, то своя запевка), не противоречившее религиозной вере как таковой, а осенить себя крестом и в былые времена, и в наши дни для казаков является естественным движением души и привычным жестом. В-третьих, набожность в большей мере становилась частью стиля поведения и повседневной потребностью для пожилых казаков, которые нередко уходили в «казачьи» монастыри, к числу которых относят Шацкий монастырь на реке Цне (с 1573 г.; ныне это Никольский монастырь Скопинской епархии, что близ г. Шацк Рязанской обл.), и Троицкий Борщевский монастырь (с 1613 г.), располагавшийся в районе современного города Воронежа и до настоящего времени не сохранившийся. В-четвертых, вера как религиозное чувство выступает неотъемлемой частью повседневности и одним из маркеров глубинной культуры донского казачества XIX в., выраженных, в том числе, в известном воинском девизе «за Веру, Царя и Отечество», который казаки считали девизом Войска Донского. Заметим, однако, что это устойчивое, вдохновляющее казаков словосочетание является продуктом исторического периода середины – второй половины XIX в., хотя ее исторические истоки коренятся в принесении первой присяги донских казаков 28 (29) августа 1671 г. (обряд крестоцелования) московскому царю Алексею Михайловичу. В-пятых, вера религиозного порядка складывалась одновременно с формированием социальной общности донцов и имела у них характерные особенности, поскольку донское казачество развивалось в условиях активного освоения им фронтальных территорий. При этом определяющим фактором в обозначенном процессе являлось автономное положение эволюционирующего сообщества, в большей части состоящего из представителей разных социальных групп, сложившихся в христианских, православных княжествах, но волею судеб переместившихся на территорию Дикого поля [5, с. 1–7]. В-шестых, в соответствии с существовавшими традициями христианской общности, эти люди были уже крещены, иначе говоря, являлись носителями христианской веры. Однако условия военной действительности Дикого поля диктовали особое отношение к вере, имевшее в большой степени исключительно прикладной, материальный характер.

¹ Односум – в казачьем говоре имеет значение близкое по смыслу к словам и словосочетаниям однополчанин, товарищ в походе, сослуживец, но с отдельными правами и обязанностями родственника. Это предлагало бытование в боевых условиях в складчину (питаться из одной сумы), стремление поделиться со своими односумами последним, проявление взаимовыручки в бою, обустраивало доброжелательность в житейской повседневности, и т. п. Односум, например, часто становился крестным отцом (восприёмником).

Овеществленность веры проявлялась в неприменном ношении казаками нательного креста, причем, это настолько вошло в традицию, что при выборах атамана обязательной частью процедуры и сегодня выступает проверка доверенными казаками наличия нательного креста у выдвигаемого кандидата, а отнюдь не знание будущим атаманом текстов православных молитв. Полевая жизнь казаков не предполагала обретения необходимых для христианина атрибутов, достаточно привычных в условиях исторически сложившихся поселений. Существовавшая постоянная угроза нападения противника долгое время предопределяла отсутствие молитвенных (культовых) зданий, а, соответственно, наличия необходимости старательного сбережения объемных христианских святынь. Множественная церковная утварь (иконы, богослужебные сосуды, облачения и т. д.) для довольно мобильных воинских сообществ донских казаков, естественно, выступала неким определенным отягощением при длительных перемещениях, поэтому надлежащие предметы для походного богослужения сводились к минимуму.

В военной повседневности (периоды участия в походах и войнах) верование в Бога для казаков часто выражалось в пристрастии к предметам, получившим особенное распространение в народной религиозности – ладанкам, «живым помочам» и складням. Ладанки, вероятно, изначально представлявшие собой маленькие кожаные мешочки для ладана, были трансформированы в небольшие емкости, сделанные из разных материалов и носившиеся на шее. В них по усмотрению либо казака, либо провожавшей его на войну матери и/или жены, вкладывались рукописные молитвы, волосы близких, иконы и другие элементы, которые, по мнению казаков, ограждали их от смерти. Ладанки в сознании казаков очень быстро приобрели чуждый христианской вере смысл амулета, наделенного магическими свойствами. «Живые помочи» – переписанный от руки псалом 90 «Живый в помощи Вышняго», нередко напрочь вшивавшийся в одежду казака. Судя по всему, магической силой наделялись слова псалма: *«Воззовет ко Мне, и услышу его: с ним есмь в скорби, изму его и прославлю его, долготою дний исполню его и явлю ему спасение Мое»* (Пс., 90:15–16). Несмотря на то, что Церковь не трактовала этот псалом как надежную вещественную гарантию спасения от смерти, военная действительность и потребность иметь материальную вещь, наделенную особыми магическими свойствами, стала неотъемлемой частью военной повседневности, распространенной и в настоящее время. Функции амулета в казачьей повседневности выполняли также складни – нательные иконы, носившиеся на шее вместе с крестом, либо вместо него, и состоявшие из нескольких (как правило, трех) образов, которые складывались маленькой книжечкой. О складнях как обязательной принадлежности каждого воина свидетельствовал в XVII в. архидиакон Павел Алеппский, путешествовавший по России со своим отцом антиохийским патриархом Макарием [12, с. 136]. Скорее всего, эта правизантийская традиция была унаследована казаками.

Отсутствие возможности ежедневного посещения православных храмов и регулярного отправления богослужений священниками, а также постоянное совершение убийств либо ради наживы, либо ради спасения собственной жизни, сформировало у казаков воинский тип религиозности, отличавшийся выраженным социовитальным характером, в соответствии с которым казак обращался к Богу в чрезвычайных ситуациях, когда его жизнь находилась в опасности. При этом после того, как опасность миновала, он вновь возвращался к прежнему образу жизни. Воинский тип религиозности также предполагал наличие у каждого казака определенного предмета религиозного культа, который греет душу и радует сердце, подобно как в наши дни мы наблюдаем такие предметы в среде активных российских участников специальной военной операции на Украине. Понимание воинского типа религиозности невозможно без апеллирования к другим важным элементам веры у казаков, носящим одновременно духовный и материальный характер, к односумству, мужскому братству, заговору на заживление ран и т. д.

Дорога казаков к христианскому храму

Долгое отсутствие у казаков храмовых зданий вовсе не означает, что у них не имелось материально значимых мест духовной силы, к числу которых относится сохранившаяся до наших дней кампличка (или же каплица) – это сооружение в виде часовни (исторически несколько раз перестраивавшееся), давшее второе, топонимическое наименование Монастырскому урочищу вблизи современной донской станицы Старочеркасской, в свою очередь, ведущего происхождение от времен существования Тмутаракани (примерно X в.), когда пришлые монахи в этом месте устраивали богомолье. Судя по всему, часовни и поклонные кресты у дорог определяли территориальные пределы фронтального освоения казаками пространства, обозначаемого ими как Казачий Присуд («обетованная земля казаков»). С другой стороны, в них для казаков соединялись духовное и материальное начала религиозной веры.

Типичным выражением прикладного характера православной веры для донцов стало принесение обетов, к тому времени превратившихся в традиционное явление христианского общества. Одним из ярких примеров данного примера социовитальной практики донских казаков можно считать торжественный обет, заявленный ими перед началом намеченной осады Азака (Азова). В случае успешного захвата мощной крепости они публично обещали в своем сообществе непременно возродить находившуюся тогда в Азаке греческую Иоанно-Предтеченскую церковь (в данном случае речь шла о начале совершения православных богослужений, поскольку исторически церковь была разрушена гораздо позднее), а также построить в Черкасском городке трехпрестольный соборный храм [7, с. 113]. Взяв крепость Азак, казаки тут же забыли о принесенном ими ранее обете, и такая забывчивость выступает характерной чертой воинского типа рели-

гиозности. Во время многотрудного Азовского осадного сидения, осознавая все отягощающие обстоятельства длительной осады значительно превосходящим по численности врагом, казаки повторили торжественный обет, а учитывая критичность своего положения, они «написали к царю и патриарху грамоты, в которых просили «простить их и помянуть души их грешных» [13, с. 52]. Характерно, что о своем обещании Богу донцы вновь вспомнили только после начала эпидемии чумы 1649 г. [3, с. 464; 7, с. 113; 8, с. 436].

Социовитальный характер религиозной веры здесь вполне очевиден, поскольку следует просьба к «высшим силам» о сохранении жизни и победе, которая овеществляется публичным обещанием по исполнению просьбы построить православный храм. После одержанной победы обет донскими казаками напрочь забывается, и только смертельная эпидемия заставляет донцов вспомнить о нем. Прагматичность описанной ситуации воинского типа религиозности примечательна тем, что казаки в выполнении обета ограничились только обращением в Посольский приказ. Известный атаман Павел Федоров указывал в своем сообщении тогда в московское ведомство иностранных дел на особенность воинского типа религиозности, поскольку казаки – «люди полевые... и им не в обычай» строить «церковные строения», то атаман просил царя оказать содействие в возведении храма [8, с. 465]. Публичный торжественный обет донских казаков по строительству нового православного храма фактически выполнил московский царь Алексей Михайлович, преследовавший исключительно свои политические цели, ведь для него новый православный храм выступал наиболее приемлемым средством религиозно-административного контроля свобододолюбивых казаков. Казаки, несмотря на любовь к возведенному за счет средств московского царя храму, воспринимали его исключительно как «царскую церковь» – «царское богомолье» [3, с. 700], основная задача существования которой в Земле Донских казаков заключалась, прежде всего, в каноническом возношении молитв за царя.

Строительство первого на Дону православного храма и назначение к нему духовенства из Москвы должны были стать примером отношения казачества к православной вере. Однако для донского казачества этот артефакт и установление церковно-административного порядка московского царя с явным политическим подтекстом представляли собой образец социовитальной практики: ради достижения военной победы и спасения своих жизней донские казаки принесли новый торжественный обет о строительстве памятной для них церкви, причем, его неуклонное выполнение удалось возложить на московского царя, не только профинансировавшего весьма затратное строительство и обеспечившего возведение мемориального храма, но и проявившего должное упорство в институционализации церковной жизни: царь сам инициировал вхождение Земли Донских казаков в Патриаршую область и назначение к построенному собору легитимного православного духовенства из Москвы. Не удовлетворившись произошедшим церковно-политическим сближением с Москвой, донцы, действовавшие в своих интересах, обусловленных обычным правом, иници-

ировали хиротонии в священный сан представителей донского казачества, что стало причиной понимания духовенства как части Донского войска, зависимого исключительно от воли Войсковой канцелярии.

Любовь донских казаков к храмам также носила не религиозный, а, прежде всего, прагматичный характер, и это подтверждает анализ комплекса дел о строительстве донских церквей. Наличие собственного храма в станице или хуторе на Дону изначально рассматривались казаками как предмет гордости всего казачьего поселения и всей казачьей общины, причем, особой честью считалась постройка основательного каменного храма, возведение которого стоило значительно дороже, нежели деревянного. При этом важно отметить преобладавший принцип возведения церкви не на средства одного человека (эта практика храмового строительства относится исключительно к храмам первой половины XIX в. в донских слободах, которые строили за свой счет помещики), а на средства обществ станиц, либо хуторов. Любовь к храмам выражалась и в том, что при переносе станицы на новое место казаки забирали свой храм с собой. Заслуживает особенного внимания перенос каменной Покровской церкви при переселении станицы Каменской¹. Кроме переноса церквей, донские казаки при строительстве нового храма, как правило, продавали старое здание другой станице или хутору, не имевшим материально-финансовой возможности построить новый храм, что демонстрирует практичный подход казаков даже к предмету их гордости.

О покупке казаками церковного здания свидетельствует станичный приговор № 94 от 16 ноября 1898 г. станицы Краснокутской, где говорилось: «1898 года ноября 16 дня Области войска Донского Усть-Медведицкого округа Краснокутской станицы, станичные и хуторские должностные лица и выборные всего станичного общества из числа имеющих право голоса 87 человек, наличие 64 человека под председательством станичного атамана Балабина[,] выслушав ходатайство общества хутора Кутейникова здешней станицы[,] выраженное в приговоре того общества от 30 августа сего года, станичный сбор обсудил этот вопрос [и] единодушно Постановил: Так как жители хуторов: Кутейникова, Волоцкого, Скобелева, Власова, Вячеславова и поселка Егорова этой станицы, с разрешения Епархиального начальства приобретают молитвенный дом у жителей Калачево-Куртлакской волости, который они желают перевести и построить в х[уторе] Кутейниковом во имя Св[ятого] Николая Чудотворца. Собирателями добровольных подношений на постройку церкви в хуторе Кутейниковом избрали казаков: Антона Карповича Фролова, Василия Егоровича Тюрморезова и Ивана Матвеевича Кузнецова». А в приемно-сдаточном акте епархиального архитектора после завершения строительства храма подчеркивалось, что «церковь построена из материала удовлетворительного качества. Гнилой лес заменен свежим. Фундамент сделан из камня местной породы – сплошной углублен в землю на поларшина. Церковь построена прочно. Богослужению с технической стороны препятствий не встречается» [15, с. 1027–1028, 1030].

¹ Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 226. Оп. 1. Д. 1095. Л. 15–23.

Итак, дорога к храму оказалась для донских казаков достаточно извилистым путем, и макрообъемные культовые сооружения исторически появились достаточно поздно. Казаки отчетливо демонстрировали довольно прагматичное отношение к возведению православных церквей, которые для них являлись символическим материальным объектом, маркером глубинной казачьей культуры, свидетельством материального благополучия казачьего сообщества, результатом общинной казачьей победы в решении сложной поселенческой задачи по возведению храма.

Отношение казаков к несущим слово Божие

Духовенство в казачьей среде появилось практически сразу после того, как казачья общность заявила о себе на скрижалях истории, но оно длительное время не представляло собой какой-то обособленной группы. В 1889 г. воронежский исследователь Л. Б. Вейнберг сообщил предание о присутствии среди формирующегося казачества беглого духовенства, представители которого разделяли жизненные ориентиры и повседневные занятия казаков, что обуславливалось условиями выживания в Диком поле [2, с. 63]. Основной причиной бегства множества носителей священного сана в Дикое поле являлся церковно-административный запрет в Московском государстве на совершение богослужения вдовым священнослужителям [19, с. 6–7]. Этот запрет открывал перед овдовевшим белым священником лишь два пути – либо выполнять в приходских церквях малоодоходные функции церковнослужителей (дьячков и пономарей), либо в обязательном порядке принять монашеский постриг, сопряженный с уходом в монастырь [18, с. 337]. Практичный подход к решению жизненной проблемы и стал предпосылкой бегства на Дон, где священники, вероятнее всего, выполняли ситуативные прикладные требы, не предполагавшие наличия специальной богослужебной утвари – исповедь умирающих и отпевание.

В повседневности формирующегося донского казачества середины XVII в. религиозная вера оставалась частью обычного права, поэтому отчетливо прослеживается в исторических документах желание казаков видеть священниками исключительно представителей Донского Войска. Посланное по просьбе московского царя Алексея Михайловича патриархом Иосифом на Дон для отправления богослужений в новом Вознесенском храме духовенство пребывало в Черкасске недолго [3, с. 481–482, 549]. Казаки встретили московских посланцев достаточно настороженно, но при этом открыто не протестовали, ограничившись неоднократными указаниями в отписках, что духовенство-де прислано из Москвы для осуществления богослужения «противу челобитья казаков» [3, с. 700]. Повседневная неприветливость казаков стала причиной бегства с Дона присланных из Москвы священников. В 1680-х гг., как свидетельствует В. Г. Дружинин, «по челобитью донских атаманов и казаков, и всего войска Донского» в священный сан в Москве начали рукополагать донских казаков [4, с. 56, 255, 131].

Практичным оставалось отношение донских казаков к приходскому духовенству и после включения Земли войска Донского в Воронежскую епархию. Если храмы пользовались их любовью, выражавшейся в обильных пожертвованиях как на строительство, так и на украшение и содержание их, то духовенство отнюдь не получало милостей от казаков. Наличие священника и церковнослужителя воспринималось казаками в качестве досадной необходимости, дорого им обходившейся. К примеру, при постройке церкви в хуторе Черкасском и поселке Григорьевском Таганрогского округа Области Войска Донского прихожане обещали платить причту стандартное в таких случаях пособие 1000 руб.¹. Однако после начала богослужений они отказались от своего благожелательного намерения и сослались при этом на три причины: финансовый долг за постройку храма, неурожай и обязательство по устройству церковноприходской школы². Нередко в источниках отмечаются случаи, когда казаки просили уступить 400 руб. с тем, чтобы сумма выплаты причту составляла 600 руб. в год³.

В итоге донское духовенство как социальная группа сформировалось довольно поздно, поскольку казаки не видели реальной практической пользы в его существовании в своих поселениях и предпочитали экономить материально-финансовые средства за счет кратного сокращения расходов на содержание священников. Именно поэтому донские казаки выдвигали священнослужителей из своей собственной среды. Более того, нередко в источниках фиксируются факты выборов священников и даже их телесного наказания вплоть до начала XX в. Означает ли все это, что существовавшая нелюбовь казаков к представителям клира носила вообще патологический характер?! Отнюдь нет! Воинский тип религиозности казачества изначально предполагал оптимизацию материально-финансовых расходов на все иные цели, кроме военных. По мере роста материального благополучия донского казачества ежегодные финансовые и натуральные расходы на содержание причта становились элементом казачьей повседневности, хотя желание на нем сэкономить у казаков все-таки осталось.

Приверженность казаков к старообрядчеству

Нередко ничто лучше не характеризует личность и/или социальную группу как развернутое мнение ее противников (антагонистов), непримиримых врагов, например, о казаках большевиков, о чем ярко свидетельствует симптоматичное суждение о донских старообрядцах, истинных казаках-воинах, крестьянина милютинского хутора Лукичев, местного большевика И. П. Толмачева. В мемуарах о Гражданской войне он, в частности, писал: «В атаку пошли хваленые полки, набранные из староверов-борода-

¹ ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 11338. Л. 55.

² ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 11338. Л. 70; Д. 10112. Л. 28об–29.

³ ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 11338. Л. 76–78.

чей станиц Суворовской, Нижне-Чирской, Цыцаревской¹, Милютинской. Вперед рвались те, кто стегал нагайками, рубил шашками рабочий люд на улицах российских городов в 1905 году. Фанатически набожные, проникнутые сословными предрассудками, кичливые, задиристые, они готовы лезть в огонь и в воду ради сохранения всего привычного, старого, чем жили до сих пор. Новое, пришедшее вместе с революцией, не понимали, вернее, не хотели понимать, ненавидели люто... Бородачи, да еще староверы. Эти не повернут, не дрогнут в атаке и, уж если им приказали идти вперед, прут, зажмурив глаза, лезут, сопя от злобы, до тех пор, пока их не остановит смерть. И еще норовят обвести, обмануть, подстроить такую пакость, что только зазевайся – и погибнешь! Без коварства они не могут, это у них в крови» [21, с. 124]. Вот такой красноречивый образ казака-старообрядца получается, образ наиболее подготовленного воина, наиболее преданного воинской присяге Отечеству.

Прозелитическая деятельность старообрядцев на Дону в среде казаков, после Большого Московского собора 1666–1667 гг. остававшихся равнодушными к спорам об обрядах, обусловила в конце XVII – начале XVIII вв. социовитальный характер представлений о вере донского казачества. В среде донцов отношение к почитанию старых обрядов обуславливалось, в первую очередь, устройством их церковной жизни. До середины XVII в. донские казаки не относились ни к одной из епархиальных структур Православной российской Церкви. Более того, они не заявляли в целом о своей принадлежности к ней, при этом внешне оставаясь христианами. Известный историк донского казачества XIX в. Е. П. Савельев утверждал, что «казачество исповедовало православие в широком значении этого слова» [14, с. 382]. Собственно, это и обусловило изменение отношения к старообрядчеству в среде донского казачества конца XVII–XVIII вв.

На первом этапе благорасположение к старообрядческому «расколу» определялось свойственным казачеству индифферентным подходом к вопросам веры и отсутствием интереса к проблеме различения «старых» и «новых» обрядов. О первых преследованиях старообрядцев на Дону сообщается в документах коллекции старинных актов «Донские дела». Так, в грамоте от 1 марта 1686 г. молодые московские цари Иван и Петр устами царевны Софьи призывали при обнаружении старообрядцев среди казаков, выселять их с Дона [1, с. 140]. Но, как известно, исконное казачье правило «С Дона выдачи нет!» еще действовало.

Вовлечение в почитание старых богослужебных обрядов связано с появлением в донских степях большого числа приверженцев этих обрядов. В начале 1680-х гг. на Дон устремился довольно мощный поток старообрядцев. Причиной этого стала череда исторических событий: стрелецкий мятеж, одним из лозунгов которого было и возвращение «старой веры»; Московский собор 1682 г. и, как следствие, усиление правительственных преследований сторонников старой веры [10, с. 647–650] и т. п. После первой реакции донцов на появление в регионе массы раскольников-старооб-

¹ Правильно: Цесаревическая. Ныне – это станица Вольно-Донская в Морозовском районе Ростовской области.

рядцев, основная масса казаков достаточно быстро начала переходить на их сторону. В основе этого движения лежало несколько социовитальных причин. Во-первых, для казаков, имеющих очень малое количество православных храмов, решающее значение имело наличие в старообрядческих поселениях храмов, непременно по канону снабженных антиминсами, и легитимного православного духовенства – не беглого, а священнослужителей, предъявлявших правоустанавливающие документы, подтверждающие их священный сан и дающие право совершать богоугодные священнодействия. Во-вторых, основные идеи старообрядцев нашли на Дону благодатную почву, поскольку казачья старшина предприняла попытку использовать религиозные мотивы в политических целях, опереться именно на них в противостоянии между сторонниками и противниками сближения с Москвой.

Проблема старых обрядов стала примером практической реализации автономистских устремлений донского казачества, ведь привлекательный лозунг борьбы за старую веру выдвигался в региональном восстании под предводительством Кондратия Булавина и как повод для отмежевания от Москвы проявился в уходе на Кубань после поражения Булавинского восстания группы казаков под руководством Игната Некрасова, ближайшего сподвижника Булавина. На всем протяжении XVIII в. покровительство старообрядцам со стороны Войсковой канцелярии Войска Донского выступало одной из причин противостояния с воронежскими архиереями, предпринимавшими неоднократные попытки привести церковную жизнь на Дону в соответствии с установлениями Православной российской Церкви. Попытки противодействия Войсковой канцелярии епархиальным властям, поддерживаемые донцами, представляют собой пример практического использования веры для отмежевания от нежелательного вмешательства во внутреннюю жизнь Войска Донского.

Усиление позиций канонической Православной российской Церкви в среде старообрядцев носило прагматичный характер, и оно связано с привлечением Церкви к выполнению важнейшей делегированной функции государственной метрикации в стране. Именно указанное административно-правовое обстоятельство самым существенным образом отразилось на повседневности донского казачества, поскольку регистрация крещения младенцев являлась необходимой частью жизни Войска Донского, получавшего сведения о родившихся мальчиках, которые по достижении определенного возраста становились казаками. Дети старообрядцев на Дону также в обязательном порядке учитывались, а их непосредственная регистрационная запись во второй половине XIX в. осуществлялась в станичных правлениях в специальных метрических книгах. Регистрация заключенных браков наделяла гражданскими правами жен и детей казаков, поэтому старообрядцы нередко стремились под видом присоединения к Православной российской Церкви к регистрации своих родившихся детей в приходской церкви. Это давало их детям право на собственность, которой владел их отец, после чего старообрядцы вновь возвращались к почитанию при-

вычных обрядов древлеса́вия. Прагматичной социовитальной практикой выступало для казаков ежегодное ведение исповедных росписей, благодаря которым казаки получали социальный статус законопослушных.

Итак, тяготение донских казаков к старообрядчеству исторически обуславливается целым комплексом причин и предпосылок, к числу которых относились обстоятельства как духовного, так и материального порядка. Донские казаки были далеки от церковных инстанций раскола, они никаким образом не подчинялась ни столичным, ни региональным церковным иерархам, оставаясь при этом в основном православными христианами. «Здравствуй, Царь в Кременной Москве, а мы, казаки, на Тихом Дону», – публично произносили и писали они вплоть до начала XVIII в. Примечательно, что эта фраза закрепи́лась в застольных тостах донских казаков и сохраняется до настоящего времени. Но нельзя и не заметить роста человеческого капитала Тихого Дона за счет перемещения на территорию Земли войска Донского масс старообрядцев, и, в свою очередь, их количественный рост в составе донского казачества несомненно влиял на исключительно благожелательное отношение донцов к древлеправославию. Политическое наступление Москвы на старообрядчество исторически совпало с таким же политическим давлением на изначальную автономию Дона, а это по определению делало старую веру символом казачьего противостояния вмешательству во внутренние дела Войска Донского со стороны центральных властей. Увы, официальная церковь несла нежелательное дополнительное обременение для повседневности казака-воина по содержанию капиталоемких объектов религиозного культа и его служителей, а это не могло не отталкивать казаков в сторону старой веры, представлявшейся, говоря современным языком, более демократичной.

Распространенность иноверия в казачьем регионе

Прагматичное стремление донских казаков организовать региональную, отстраненную от Москвы религиозную жизнь вылилось в многочисленные попытки выйти за духовные канонические пределы Православной российской Церкви и исповедовать «собственную веру». Так, помимо получившей на Дону в первой половине XIX в. достаточно широкое распространение секты духоборов¹ (ярких сторонников общинного богослужения без священника, строгого выполнения десяти заповедей Божиих и верования в бессмертие души), выдающимся социально-религиозным явлением этого исторического периода стала секта духоносцев, основанная уроженцем донской станицы Верхне-Курмоярской есаулом Е. Н. Ко(а)тельниковым [9, с. 17]. Духоносцы считали себя истинными носителями духа Божьего, полагали возможным исключительно индивидуальное обращение к Богу, вели самостоятельную проповедь слова Божия, верили в нравственное самоочищение и призывали к этому других. Борьба с чиновничьими злоупотреблениями, с «хозяйственным обрастанием» и «моральным гре-

¹ ГАРО. Ф. 226. Оп. 1. Д. 1748, 1972, 1987, 2054, 2105.

хопадением» местных священнослужителей, которой с постоянным упорством занимался донской есаул Е. Н. Котельников, привлекала в социально-религиозный лагерь духовосцев новых сторонников.

Иноверие в казачьих землях порой из области духовной, православной веры уводило в массовом порядке души верующих в область материального и физического грехопадения. В этом отношении примечателен случай, детально описанный в церковно-приходской летописи церкви во имя святой преподобномученицы Евдокии слободы Маньково-Березовской [22, с. 225–247] (ныне находится в Милютинском районе Ростовской области). К деятельному местному православному священнику Иакову Голубятникову явился отставной солдат Михей Косенко с докладом о том, что на Гнилой речке в хуторе Семеновском есть люди «богобоязливые, усердные к храму Божию, постники и любители чтения и слушания слова Божия» [22, с. 236]. В результате проведенного отцом Иаковым по выслушанному им докладу скрупулезного разбирательства «богобоязливими людьми» оказались сектанты. Как предметно повествует церковно-приходская летопись, «потом прошел слух, что приехала некая девка с вином, которое распили в доме Косенко. Священником доказано, что эта девка имеет тесную связь с людьми божиими, которые называют ее «матушкой». Эта девка на речке Гнилой в доме крестьянина Романа Божко заправляла собраниями «благочестивых людей», учила их петь псалмы, толковала им Евангелие. Девка эта была Ксения Ивановна Кучмина, уроженка слободы Голодаевки (Миусского округа [Области Войска Донского])» [22, с. 237]. Прямыми последствиями проповеди сектантки Ксении Кучминой стало разрушение традиционного уклада жизни жителей хутора Семеновского: «Во многих семействах жены оставили мужей, мужья жен, дети своих родителей и пошли в собрания сектантов, где всевозможные лакомства и сласти, чай, вино и соленая закуска были в изобилии, и усердно предлагались посетителям. Но самым сильным притягательным средством были поцелуй «матушки» или «богини», как ее называли, и ее сладострастное пение. Средств для их собраний сначала было много, благотворители снабжали сектантов хлебом и деньгами» [22, с. 237].

Приведенный пример наглядно демонстрирует предпочтительность для жителей донского хутора Семеновского не спасения души, проповедуемого христианской верой и православной Церковью, а человеческие удовольствия, которыми изобиловали встречи-богомолья сектантов. Из семи смертных грехов именно похоть и чревоугодие оказались гораздо привлекательнее для хуторян, нежели нравственные устои православной веры, а материальное и физическое начала в хуторе Семеновском возобладали над духовными. Заметим, с разного рода сектантами на Дону активно боролась Войсковая канцелярия на протяжении XIX – начала XX вв.

Отдельный эпизод связан с ересью жидовствующих, когда, по одним данным, ее распространение на Дону началось с Кагальницкого городка, якобы основанного атаманом Степаном Разиным, а по другим данным эти верования проникли в казачий регион с началом службы донских казаков на Кубани. Эта часть донских казаков, наряду с принятием кре-

щения, в своей богослужебной практике почитала законы Ветхого Завета, устраивала свои общинные читки Библии, воздерживалась от выполнения хозяйственных работ в субботу, объявляя ее праздничным днем, считала необходимым действием совершение обряда мужского обрезания, строго исполняла в повседневном быту характерные пищевые ограничения, следовала иным предписаниям иудаизма¹. Судя по всему, еврейские корни можно поискать у известного героя шолоховского «Тихого Дона» Григория Мелехова, ибо дословный перевод с иврита его фамилии означает «царь», а также это одна из фамилий понизовой казачьей старшины, вероятно, восходящая ко временам Хазарского каганата, элита которого исповедовала иудаизм. Подчеркнем, это одна из исторических версий. Сохранилось историческое свидетельство о редкой встрече в 1871 г. российского императора Александра II с жидовствующими казаками в городе Царицын, когда в присутствии Его Величества некоторые казаки не сняли перед ним шапок. Удивившемуся такому поведению казаков императору по этому поводу пояснили, что для последователей иудаизма ни в коем случае нельзя оставаться с непокрытой головой, поскольку иначе будет проявляться неуважение и дерзость перед Всевышним.

Итак, иноверие оказалось достаточно распространенным явлением в среде донского казачества и получило существенную поддержку в казачьем регионе. На 1 января 1912 г., согласно данным Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, в Области войска Донского, несмотря на то, что ее жители подчинялись такой военизированной организации как Войско Донское, опиравшееся на Православную российскую церковь, общее число сектантов составило 3478 человек (1714 мужчин, 1744 женщины), а всего в стране тогда насчитывалось 6060 сектантов [23, с. 86]. Однако и эти неканонические верования казаков подпитывались зачастую отнюдь не глубинными духовными потребностями, а вполне земными удовольствиями и материальными выгодами. Вместе с тем, общественно-религиозный выход за духовные канонические пределы Православной российской Церкви для донских казаков демонстрировал их особый социальный и этнокультурный статус сначала в Московском государстве, а затем и в Российской империи.

Заключение

Научный дискурс категории «вера» в казачьей повседневности выходит далеко за границы дихотомической пары «верить» – «не верить», и выбор для казаков в этом случае не был поиском индивидуальных предпочтений, он неизменно предопределялся воинским типом религиозности казачества и был социально-групповым выбором. Осознанными основаниями для такого выбора являлись не духовно-нравственные предпочтения, а гораздо чаще мотивы абсолютно материального порядка. Означает

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 133. Д. 205. Л. 12–12об, 22–26; Ф. 821. Оп. 133. Д. 221. Л. 1–2об.

ли это, что донские казаки изначально стремились, во что бы то ни стало, покинуть лоно Православной российской Церкви? Отнюдь нет! Фронтирная территория Земли донских казаков достаточно поздно попала в непосредственное церковно-административное подчинение Православной российской Церкви, и это предопределило для нее свой противоречивый и многотрудный, довольно извилистый и политически ангажированный, конфликтный и одновременно компромиссный путь донского казачества к Церкви-Матери.

На каждой ступени духовно-нравственного совершенствования казаки на Дону добивались очередных побед. Вначале они обрели свой храм. «Второе солнце Дона» – Вознесенский войсковой кафедральный собор – благолепно засияло в Новочеркасске только лишь 6 мая 1905 г. Второй важный шаг связан с формированием донского православного духовенства, которое по большому счету завершилось лишь к концу XIX в. Исторический выбор донских казаков между новой «никонианской» версией православия и древлеправославием растянулся по времени практически по первую четверть XX в., но лишь в наши времена мы можем говорить о полном торжестве Русской православной Церкви на Дону. Иноверие оставило неизгладимый след в истории и культуре донского казачества, и сегодня по-прежнему мы непременно говорим о толерантном отношении к иноверию, о казаках-калмыках буддистского (ламаистского) вероисповедания, которые входят в состав войскового казачьего общества «Всевеликое Войско Донское».

Проведенное нами эксплораторное исследование генерализующей мировоззренческой позиции донских казаков, выраженной в христианской вере, позволило предметно обосновать авторскую гипотезу о преобладающей прагматичности верований донцов, жизненная стратегия которых формирует во фронтирном пространстве насущные потребности, групповые ценности и повседневные бытовые нормы, этнокультурные традиции и социальные интересы, отраженные в воинском типе религиозности, пересекающемся и одновременно отличающемся от канонического и сектантского типов религиозности. Избегание хрупкости религиозного чувства предопределило для донских казаков психологическую установку на «замыкание», на определенное отчуждение от глобального православного мира. Но это не означало для них несправедливого отказа от духовных представлений о скоротечности бытия и непознаваемой природе божественного, о сущности умиротворяющего блага и трагедийности зла для человека, отречения от иных важнейших догматов христианства вопреки сомнительным соблазнам. Обслуживание донскими казаками *ad hoc* задач по достижению целей жизненной эксклюзивной стратегии не приводило их к утрате личного и этногруппового доверия к Богу, и Всевышний ими рассматривался в качестве главного устроителя жизни, но, как гласит поговорка, «На Бога надейся, а сам не плошай». Казаки часто возносили молитвы Богу как помощнику и спасителю, давали клятвы и обеты, хотя не всегда их исполняли, причем, это не значит, что они отказывались от веры, от верности Богу, хотя их «служение» не выходило за рамки воин-

ского типа религиозности. Для казаков обращение к Богу не являлось результатом установок выученной беспомощности, и они изначально ориентировались на рациональные возможности божественного откровения, на одновременное достижение индивидуальной и коллективно-групповой самоэффективности. В экстремальном фронтальном конструировании донскими казаками-воинами повседневной жизненной реальности именно простые и удобные решения оказывались для них более приемлемыми, в том числе, в отношении веры.

Библиографический список

1. Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А. А. Лишиным. Новочеркасск: Тип. А. А. Карасева, 1894. Т. I. 368+XXXIII. Т. II. 819+XLI.
2. Вейнберг Л. Б. Распространение христианства на Украине. (Краткий исторический очерк, составленный по неизданным документам). Воронеж, 1889. 80 с.
3. Донские дела: в 4 кн. СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1898. Кн. 1. 1081 с.
4. Дружинин В. Г. Раскол на Дону в конце XVII века. Ростов н/Д, 2015. 344 с.
5. Кашибадзе В. Ф., Батиева Е. Ф. К проблеме генезиса донских казаков (данные антропологии) // Казачество в социокультурном пространстве России: исторический опыт и перспективы развития: Всеросс. науч. конф. (28–29 сентября 2010 г., Ростов н/Д). Ростов н/Д: ЮИЦ РАН, 2010. С. 1–7.
6. Коган Л. Н. Социология культуры. Екатеринбург: Урал. ун-т, 1992. 120 с. EDN: UDCUPW.
7. Левитский Г., прот. Монастырское урочище или Монастырский городок // Донские войсковые ведомости. 1866. № 22. С. 112–113.
8. Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д: Ростовский ун-т, 1998. 512 с. EDN: XHFEEB.
9. Мининков Н. А. Донской историк есаул Евлампий Никифорович Кательников. Ростов н/Д: НМЦ «Логос», 2011. 170 с. EDN: QPVTZD.
10. О наказании рассеивающих и принимающих ереси и расколы. Именной указ Государей и Великих князей Иоанна и Петра Алексеевичей. 24 декабря 1684 г. (3 января 1685 г.) // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. II. Ст. 1102. С. 647–650.
11. Попов Х. И. Историческая панихида на Монастырском урочище // Памятная книжка области войска Донского на 1905 г. Новочеркасск: Областная Войска Донского типография; Частная Донская типография и типография П. В. Болдырева, 1905. С. 3–5.

12. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским: (по рукописи Московского Главного Архива Министерства Иностранных Дел). Выпуски 1–5 / Перевод с арабского [и предисловие] Г. Муркоса. М.: Общество истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1898. Вып. 3. 167 с.
13. Савельев А. М. Трехсотлетие войска Донского. 1570–1870. Очерки из истории донских казаков. СПб.: Тип. М. О. Вольфа, 1870. 124 с.
14. Савельев Е. П. История Дона и донского казачества. Новочеркасск: Тип. «Донской Печатник», 1918. Вып. 3. 142 с.
15. Скорик А. П. Милютинский казачий юрт: опыт исторической реконструкции. Новочеркасск: Лик, 2015. 1184 с. EDN: SLSSXU.
16. Скорик А. П., Федина И. М. Кубанский хутор: фазы и повседневность топохронной эволюции (конец XVIII–первая треть XX вв.). Новочеркасск: Лик, 2016. 419 с. EDN: YNBTKN.
17. Скорик А. П., Щербакова Л. И. Социовитальные институты казачьей повседневности: категориально-понятийный анализ // Вестник Института социологии. 2023. Т. 14. № 3. С. 37–52. DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.3; EDN: LRTOIC.
18. Смолич И. К. История Русской церкви 1700–1917 гг. М.: СПВМ, 1997. 799 с.
19. Снесарев Н. П. Донская епархия и десятилетнее управление ею архиепископа Платона: В 2 вып. Новочеркасск: Областная войска Донского типография, 1877. Вып. 1. 238 с.
20. Сорокин П. А. Система социологии. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1991. 187 с.
21. Толмачев И. П. В степях донских. (Военные мемуары). М.: Воениздат, 1959. 183 с.
22. Церковно-приходская летопись храма во имя св. прпмц. Евдокии слободы Маньково-Березовской // Церковно-приходские летописи Донской и Новочеркасской епархии / Сост., авт. коммент. А. В. Шадрина. Ростов н/Д: ДИД, 2019. С. 225–247. EDN: PMZOJK.
23. Шадрина А. В. Сектантство в Области Войска Донского в начале XX в. по данным Министерства внутренних дел Российской империи // Новое прошлое (The new Past). 2022. № 3. С. 82–95. DOI: 10.18522/2500-3224-2022-3-82-95; EDN: WRPLAO.

Получено редакцией: 18.03.24

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Скорик Александр Павлович, доктор философских наук, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры социальных и гуманитарных наук, директор НИИ истории казачества и развития казачьих регионов

Шадрина Алла Валерьевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела гуманитарных исследований

DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.5

The Sociovitall Nature of Religiosity in the Everyday Life of the Don Cossacks

Alexander P. Skorik

Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

s_a_p@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1283-8137

Alla V. Shadrina

Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia

bergson@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-1925-0216

For citation: Skorik A. P., Shadrina A. V. The sociovitall nature of religiosity in the everyday life of the Don Cossacks. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 2. P. 61–80. DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.5; EDN: YXPVDZ.

Abstract. The Cossacks are traditionally associated with the social stronghold of the Russian Orthodox Church, with a group of the most righteous champions of the Orthodox faith. However, the Don Cossacks went through a long historical path before they found themselves in the bosom of the Mother Church and became its modern defenders from unrighteous attacks. Faith for the Don Cossacks initially represented a broader concept of life than just a religious feeling, extending into mental models of behaviour, often being fixed exclusively in material objects, expressed in a rather situational pilgrimage. In the historical everyday life of the Cossacks, a rationalistic attitude towards religious faith, which is not typical for other social groups, can be traced. Such pragmatism stemmed from a special military type of religiosity, initially formed on the frontier territory of the Wild Field, where the origins of the Russian Cossacks were laid, from where through the centuries the Cossacks carried their noble attitude towards God and the Christian faith.

They had their own historical road towards the Orthodox church, much longer and more controversial than that of other groups of the Russian population, but this makes its final results no less significant. “The Second Sun of the Don” – the Ascension Military Cathedral in Novocherkassk – is historically the second of the three Patriarchal Cathedrals in modern Russia. But it was rivaled in architectural splendour and interior decoration by the St. Nicholas Old Believer Cathedral, which reflected by its very existence at the beginning of the twentieth century the strongest positions of the Old Believers on the Don, and in the church the service was led by the Old Believer Archbishop John Kartushin. Among the Don Cossacks, heterodoxy also became widespread, and among its historical examples, spirit bearers stand out, and today Kalmyk Cossacks remain committed to the Buddhist (Lamaite) religion. However, despite the existence of various variants of religious faith among the Don Cossacks, the positions of the Russian Orthodox Church today are dominant and unshakable on the Don.

Keywords: pilgrimage, military type of religiosity, heterodoxy, Cossacks, priesthood, Old Believers, temple

References

1. Akty, odnosyashhiesya k istorii Vojska Donskogo, sobrannye general-majorom A. A. Lishinyim [Acts relating to the history of the Donskoy Army, compiled by Major General A. A. Lishin]. Novocherkassk, Tip. A. A. Karaseva, 1894: I: 368+XXXIII; II: 819+XLI (in Russ.).
2. Veinberg L. B. Rasprostranenie hristianstva na Ukraine [The spread of Christianity in Ukraine. (A brief historical sketch based on unpublished documents)]. Voronezh, 1889: 80 (in Russ.).
3. Donskie dela: v 4 knigah [Don affairs: in 4 books]. St. Petersburg, Tip. Glavnogo Upravleniya Udelov, 1898: I: 1081 (in Russ.).
4. Druzhinin V. G. The split on the Don at the end of the XVII century. Rostov-on-Don, 2015: 344 (in Russ.).
5. Kashibadze V. F., Batiyeva E. F. On the problem of the Genesis of the Don Cossacks (anthropology data). *Kazachestvo v sotsiokul'turnom prostranstve Rossii: istoricheskiy opyt i perspektivy razvitiya* [Tezisy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (28–29 sentyabrya 2010 g., Rostov-na-Donu)]. Rostov-na-Don, YUNTS RAN, 2010: 1–7 (in Russ.).
6. Kogan L. N. Sociologiya kultury [Sociology of culture]. Yekaterinburg, Ural. Univ., 1992: 120 (in Russ.). EDN: UDCUPW.
7. Levitskiy G., archpriest. Monastyrskoe urochishhe ili Monastyrskij gorodok [Monastic tract or Monastic town]. *Donskiye voyskovyye vedomosti*, 1866: 22: 112–113 (in Russ.).

8. Mininkov N. A. Donskoe kazachestvo v epoxu pozdnego srednevekovya [Don Cossacks in the Late Middle Ages (before 1671)]. Rostov-on-Don, Rostovskii un-t, 1998: 512 (in Russ.). EDN: XHFEEB.
9. Mininkov N. A. Donskoj istorik esaul Evlampij Nikiforovich Katelnikov [Donskoy historian of the esaul Evlampy Nikiforovich Katelnikov]. Rostov-on-Don, Logos, 2011: 170 (in Russ.). EDN: QPVTZD.
10. O nakazanii razseevayushhih i prinimayushhih eresi i raskoly. Imennoj ukaz Gosudarej i Velikih knyazej Ioanna i Petra Alekseevichej. 24 dekabrya 1684 g. (3 yanvarya 1685 g.) [On the punishment of those who sow and accept heresies and schisms. The nominal decree of the Sovereigns and Grand Dukes John and Peter Alekseevich. December 24, 1684 (January 3, 1685)]. *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii* [Sobr. 1]. St. Petersburg, Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy Yego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1830: II: 1102 (in Russ.).
11. Popov H. I. Istoricheskaya panihida na Monastyrskom urochishhe [Historical memorial service at the Monastyrskoe tract]. *Pamyatnaya knizhka oblasti voyska Donskogo na 1905 g.* Novocherkassk, Oblastnaya Voyska Donskogo tipografiya; Chastnaya Donskaya tipografiya i tipografiya P. V. Boldyreva, 1905: 3–5 (in Russ.).
12. Puteshestvie antioxijskogo patriarha Makariya v Rossiyu v polovine XVII veka, opisannoe ego synom, arxidiakonom Pavlom Aleppskim [The journey of the Antiochian Patriarch Macarius to Russia in the middle of the 17th century, described by his son, Archdeacon Pavel of Aleppo: (based on a manuscript from the Moscow Main Archive of the Ministry of Foreign Affairs)]. Issues 1–5. Transl. from Arabic [and preface] by G. Murkos. Moscow, Obschestvo istorii i drevnostei ross. pri Mosk. un-te, 1898: 3: 167 (in Russ.).
13. Saveliev A. M. Trexсотлетie vojska Donskogo. 1570–1870 [Tercentenary of the Don Army. 1570–1870]. Essays on the history of the Don Cossacks. St. Petersburg, Tip. M. O. Volfa, 1870: 124 (in Russ.).
14. Saveliev E. P. Istoriya Dona i donskogo kazachestva [The history of the Don and the Don Cossacks]. Novocherkassk, Tip. “Donskoy Pechatnik”, 1918: 3: 142 (in Russ.).
15. Skorik A. P. Milyutinsky Cossack yurt: the experience of historical reconstruction. Novocherkassk, Lik, 2015: 1184 (in Russ.). EDN: SLSSXU.
16. Skorik A. P., Fedina I. M. Kubansky khutor: phases and everyday life of toponchronic evolution (late XVIII–first third of XX centuries). Novocherkassk, Lik, 2016: 419 (in Russ.). EDN: YHBTKN.
17. Skorik A. P., Shcherbakova L. I. Sociovital institutions of Cossack everyday life: a categorical and conceptual analysis. *Vestnik instituta sotziologii*, 2023: 14(3): 37–52 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.3; EDN: LRTOIC.
18. Smolich I. K. Istoriya Russkoj cerkvi 1700–1917 gg. [The History of the Russian Church 1700–1917]. Moscow, SPVM, 1997: 799 (in Russ.).
19. Snesev N. P. Donskaya eparhiya i desyatiletnee upravlenie eyu arhiepiskopa Platona [The Don Diocese and its ten-year administration by Archbishop Plato: In 2 vols]. Novocherkassk, Oblastnaya Voyska Donskogo tipografiya, 1877: 1: 238 (in Russ.).
20. Sorokin P. A. Sistema sociologii [The system of sociology]. Syktyvkar, Komi kn. izd-vo, 1991: 187 (in Russ.).
21. Tolmachev I. P. V stepyax donskix [In the Don steppes. (Military memoirs)]. Moscow, Voenizdat, 1959: 183 (in Russ.).
22. Church and parish chronicle of the church in the name of St. prpmts. Evdokia settlement of Mankovo-Berezovskaya. In Church and parish chronicles of the Don and Novocherkassk diocese. Comp., author of comm. A. V. Shadrina. Rostov-on-Don, DID, 2019: 225–247 (in Russ.). EDN: PMZOJK.
23. Shadrina A. V. Sectarianism in the Field of the Donskoy Army at the beginning of the twentieth century. According to the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire. *Novoye proshloye (The new Past)*, 2022: 3: 82–95 (in Russ.). DOI: 10.18522/2500-3224-2022-3-82-95; EDN: WRPLAO.

The article was submitted on: March 18, 2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexander P. Skorik, Doctor of Philosophical Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Social and Human Sciences, Director of the Research Institute of the History of the Cossacks and the Development of Cossack Regions
Alla V. Shadrina, Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of Humanitarian Studies

ПАТРИОТИЗМ И МЯГКАЯ СИЛА РОССИИ

DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.6

EDN: YZKSUJ

Теоретические конструкты и опыт эмпирического анализа патриотизма в современной российской социологии

Ссылка для цитирования: *Ивченкова М. С., Буханский И. И.* Теоретические конструкты и опыт эмпирического анализа патриотизма в современной российской социологии // Вестник Института социологии. 2024. Том 15. № 2. С. 81–97. DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.6; EDN: YZKSUJ.

For citation: Ivchenkova M. S., Bukhanskii I. I. Theoretical constructs and experience of empirical analysis of patriotism in modern Russian sociology. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 2. P. 81–97. DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.6; EDN: YZKSUJ.

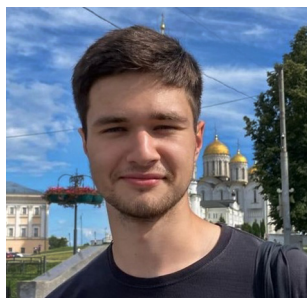

SPIN-код: 1289-5358

Ивченкова Мария Сергеевна¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

m.ivchenkova@gmail.com

SPIN-код: 2408-1217

Буханский Илья Игоревич^{1,2}

¹МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия;

²ВЦИОМ, Москва, Россия

buhanskiy@my.msu.ru

Аннотация. Статья посвящена теоретико-методологическому анализу работ российских социологов, занимавшихся исследованием патриотизма. Целью теоретической исследовательской работы является попытка выработки методологического аппарата для конструирования конкретного социологического исследования патриотизма в современном российском обществе через систематизацию ключевых подходов к интерпретации понятия патриотизма, анализа типологий этого явления и осмысления имеющихся методологических наработок в эмпирических исследованиях патриотизма.

Иницилирующим шагом погружения в обозначенный дискурс стало обращение к определениям патриотизма. Анализ работ российских социологов позволил выделить четыре схожих по содержанию групп определений, где патриотизм понимается как эмоциональное чувство, социальное чувство, ценность и государственный ресурс. Разнообразие трактовок патриотизма порождает разнообразие типологий патриотизма, выявляемых в ходе исследовательской рефлексии. Методологический интерес представляет класси-

фикация патриотизма, предложенная проф. И. А. Халий в рамках деятельностно-активистской парадигмы. Авторы статьи, обращаясь к широкой вариативности типов патриотизма, отдельное внимание уделяют лжепатриотизму как самостоятельному явлению, нашедшему отражение в дискурсе социологической науки.

Проведенное теоретическое исследование позволяет сформулировать авторское определение патриотизма. Патриотизм понимается как ощущение индивидом своего вхождения в некоторое надиндивидуальное единство, выполняющее идентификационную и интегративную функции и представленное в 1) отношении, т. е. эмоциональной стороне данного вхождения, 2) осознании, т. е. понимании этой идентификации как ценности, а также 3) деятельности, т. е. отстаивании ее в виде действий, направленных на защиту компонентов единства, общих для всех его членов.

Сложность операционализации понятия патриотизма заключается не только в разнообразии исследовательских подходов, но в понимании патриотизма в массовом сознании современных россиян как многовариантного и неоднозначного, что находит отражение в имеющемся массиве эмпирического материала. Проанализированные методологические основания эмпирических исследований позволяют сделать вывод о перспективности применения аксиологического подхода при социологическом исследовании патриотизма с дополнением его аспектами идентификационной и социокультурной составляющих, базирующейся на определении патриотизма как значимой для личности ценности и ориентированной на интерпретацию патриотизма в сознании личности посредством понимания причин формирования той или иной его формы.

Ключевые слова: патриотизм, типология патриотизма, структура и функции патриотизма, методология исследования

Введение

Патриотизм как объект исследовательской рефлексии присутствует в корпусе социально-гуманитарного знания уже многие годы. Российский научный дискурс представляет большое число подходов к изучению патриотизма, среди которых можно выделить понимание этого феномена как «нравственного качества, чувства любви к Родине, как идеологического конструкта, национальной идеи, социального ресурса, способа самоопределения и самоидентификации, компонента гражданской идентичности, деятельности, ценности» [10, с. 68–69]. Как отмечает М. А. Ешев, современная постнеклассическая наука видит в патриотизме сложную и многоуровневую структуру, отражающую различные стороны, связанные с духовно-нравственным состоянием личности, ее взаимоотношениями с обществом и государством, из чего и следует многовариантность трактования изучаемого феномена [4, с. 117–118]. Причем варианты эти оказываются специфичными для конкретной науки, работающей с данным понятием в рамках своего методологического корпуса.

Особый вклад в теоретическое богатство понятия патриотизма вносят такие научные дисциплины, как социология, политология, философия и педагогика. Однако подобное разнообразие не особенно продуктивно, его следствием выступает и «неразбериха вследствие отсутствия целостного

разбора явления, ... отсутствие четкого теоретического поля исследования патриотизма с адекватными современной реальности методологическими конструктами» [1, с. 102–103].

Данная работа представляет собой попытку выработки методологического аппарата для конструирования конкретного социологического исследования патриотизма в современном российском обществе через систематизацию ключевых подходов к интерпретации понятия патриотизма, анализа типологий этого явления и осмысления имеющихся методологических наработок в эмпирических исследованиях патриотизма.

Четыре подхода к интерпретации понятия «патриотизм»

Наш научный поиск стоит начать с эпистемологии понятия «патриотизм». Впервые данный термин встречается в риторике защитников Французской республики времен Великой Французской революции 1789–1793 гг., «борцов за народное дело», как раз называвших себя патриотами. Дальнейшее развитие дефиниций данного термина характеризуется удалением от французских революционеров и обретением более широкого смысла, но основанного на вполне однородных признаках: «любви к Родине, к земле, где человек родился и вырос; гордости за исторические свершения народа; каждодневных конкретных делах во имя развития Отечества» [20, с. 107]. Однако спустя полвека в работах российского философа П. Я. Чаадаева возникает значительно более радикальное прочтение патриотизма. Истинный патриотизм, по мнению мыслителя, заключается в познании и адекватной оценке своей страны, в социальной активности, нацеленной на исправление пороков Родины, патриотизм же в виде слепой влюбленности, игнорирования недостатков страны, безоговорочного принятия ее такой, какая она есть, с отсутствием действий по исправлению сложившейся обстановки Чаадаев рассматривает как способ бегства от реальности, как дурное чувство и зло [10, с. 69]. Таким образом, еще на заре становления рассматриваемого нами понятия патриотизм предстает в сложном сплетении разных прочтений, не совершенно противоречащих друг другу, но значительно рознящихся.

Погружение в дискурс современных российских социологов, изучавших патриотизм, позволило выделить несколько схожих по содержанию групп определений рассматриваемого нами понятия.

Первая группа исследователей понимает патриотизм как эмоциональное отношение к своей Родине. В рамках этого семантического единства изучаемое явление интерпретируется через определение патриотизма в толковом словаре русского языка С. И. Ожегова как характеристика человека, состоящая в преданности и любви к своему Отечеству, к своему народу [11]. Исследователи, принадлежащие к данной группе, предлагают самую широкую трактовку понятия, называя патриотизмом духовное качество человека, выраженное в мировоззренческих, в том числе гражданских, сторонах личности индивида и отражающее позитивное отношение

к Родине [13, с. 226], указывая, что сущностью позитивного отношения являются, например, уважение к своей истории и культуре, традициям и ценностям своей страны и каждого народа внутри нее (последний компонент обретает особую значимость в условиях многонационального богатства России) [14, с. 26], гордость за свое Отечество, стремление к процветанию страны [20, с. 107].

Однако в рамках данного подхода возникает сложность – необходимо установить, как именно трактуется Родина: как родной край, место рождения (так называемая малая родина), как государство и его население, как свой народ (в смысле этноса) и т. д. – поскольку в каждом конкретном случае объект того самого эмоционального отношения оказывает значительное влияние на сущность всего понятия.

Представители условно называемой здесь второй группы рассматривают патриотизм как социальное чувство. Их взгляды схожи с точкой зрения рассмотренных выше исследователей в той части определения, которое связано с чувством, т. е. с некой эмоцией, однако специфичность состоит именно в социальности этого отношения, конкретно – в переживании солидарности с близкими, сопричастности к их судьбе, в любви к Родине как «самобытном способе отношения человека к социальному окружению» [17, с. 3]. В. К. Левашов дополняет, что «любовь к Родине следует понимать и как заботу об интересах и исторической судьбе своей страны; как гордость ее достижениями и критика недостатков; как уважение к историческому прошлому, традициям своей родины; как привязанность к месту рождения, жительства» [9, с. 68].

Сложность этого подхода состоит в ограничении той самой социальной общности, относительно которой индивид испытывает чувство патриотизма. Особенно актуальна эта проблема в условиях глобализации, когда границы социального окружения в пределе практически дорастают до уровня всех людей на планете.

Несколько иначе к интерпретации подходят *ученые третьей группы*, определяющие патриотизм как ценность. Для этих исследователей характерны следующие дефиниции рассматриваемого явления: «многоаспектная социокультурная ценность», основания которой – в «естественном чувстве любви ... к Родине», оказывающем влияние на все стороны личностно-общественного взаимодействия, в т. ч. стимулирующем деятельность индивида, направленную на принесение пользы своему Отечеству, и сплачивающем «поликультурный социум в единое целое» [17, с. 176]; духовная ценность, без которой существование и прогресс государства и общества невозможны [10, с. 68]. И. А. Халий отмечает, что патриотизм в России – это «веками сложившаяся и единственно возможная (по отношению к Родине) по сей день традиционная ценностная установка» [18, с. 133]. Говоря о патриотизме, как о ценности, исследователи данной группы отмечают необходимость воспитания патриотизма как органичной естественной ценности, основанной на уважительном отношении к истории своей страны, памяти предков [12, с. 127].

Методологическая проблема данного подхода состоит в характере самих ценностей вообще. В ряде определений, предлагаемых третьей группой исследователей, патриотизм понимается не только в социальной значимости, особое внимание уделяется позитивному аффекту этой ценности, полезной не только для общества, но и для личности. Идеалистичность патриотизма в таком случае сменяется алгоритмом взаимодействия. Патриотизм как ценность становится «инструментом взаимных ожиданий и требований общества и государства» [3, с. 122]. Таким образом, включать патриотизм в мировоззренческую картину индивиду становится выгодно.

К четвертой группе мы отнесли исследователей, чей подход к пониманию патриотизма заключается в рассмотрении его как государственного ресурса для достижения тех или иных целей. Группе исследователей, разделяющих такую позицию, свойственно использовать следующие определения патриотизма: идея гуманитарной технологии, сущность которой состоит в консолидации общества, профилактике и противодействии агрессии, в т. ч. ее радикальным формам (экстремизму, терроризму) [1]; важнейший социальный ресурс, конструируемый властями с целью реализации намеченного политического курса [7, с. 210]. Патриотизм как любовь лишь к малой родине без ее распространения на всю страну последователями данной точки зрения признается ложным, истинность же феномена определяется его связью с историческим духом государства, его идеей [13, с. 228].

Проблема подхода, вызывающая особую активность критиков, – смешение в нем нетождественных друг другу понятий патриотизма и гражданственности. Объектом первого термина является «Отечество-Родина», объектом второго – государство [13, с. 225].

К четвертой группе можно отнести и мнение о существовании в российской науке «вполне определенного формата понимания и восприятия патриотизма», связанного с рассмотрением данного явления с позиций его политической ангажированности вследствие конструирования патриотизма средствами монополизированных государством СМИ и PR-инструментов [8, с. 211].

Таким образом, в результате рассмотрения существующих в российской социологии подходов к определению патриотизма мы пришли к выводу о сложности однозначной дефиниции данного понятия вследствие многоаспектности явления. Выделим моменты, общие для рассмотренных точек зрения. Во-первых, патриотизм всегда связан с некоторой надиндивидуальной сущностью, которой может выступать семья, родной двор, родной город, Родина, Отечество, государство (вопрос о возможности патриотизма в условиях космополитизма остается открытым), и предполагает некоторую деятельность в отношении этой сущности. Во-вторых, в патриотизме всегда присутствует ценностно-идентификационный аспект, проявляющийся в осознании вхождения человека в состав указанной сущности, в разделении некоторого общего, которое в известной мере становится личным и его отстаивании [13, с. 226], что, в свою очередь, определяет содержание деятельностного аспекта патриотизма.

Следовательно, на данном этапе мы можем определить патриотизм как ощущение индивидом своего вхождения в некоторое надындивидуальное единство (не указывая конкретно, это вхождение естественно для личности или искусственно, т. е. навязано ей социальными институтами, государством), понимание этой идентификации как ценности и отстаивание ее в виде действий, направленных на защиту компонентов единства, общих для всех его членов.

Многоаспектность патриотизма как социального явления

Еще одним фактом, свидетельствующим о сложности операционализации патриотизма, является конструкт понимания патриотизма в массовом сознании современных россиян как многовариантного, разнообразного, и неоднозначного. Опыт социологических исследований, проводившихся под руководством И. А. Халий, показывает, что «прямые вопросы о том, является ли человек патриотом, чаще всего ведут к позитивному ответу – понимание, что так и должно» [18, с. 133–134]. Е. В. Сайганова отмечает, что «понятие “патриотизм” у каждого человека чаще всего не имеет конкретной формулировки и в целом вызывает различные ассоциации» [15, с. 288].

Упомянутые сложности отражаются во множестве научных споров о значимости тех или иных характеристик в составе изучаемого явления. Пример подобного спора – неоднозначность в отношении к естественности патриотизма. Некоторые исследователи считают, что становление понимания патриотизма как высшего нравственного качества человека предопределено исторически [13, с. 228], отмечают неотъемлемость некоторых естественных основ, возникающих независимо от социально-экономических и культурных условий развития индивида и вносящих в его духовный мир патриотическую направленность [5, с. 134], говорят о внеисторичности патриотизма, его включенности в человеческий генотип [17, с. 1331]. Подтверждение своей точки зрения эти ученые находят в результатах социологических опросов, интерпретируя высокую частоту позитивного ответа на прямой вопрос о том, является ли респондент патриотом, как понимание в массовом сознании нормальности патриотизма [19, с. 67–68].

В качестве причин естественности называют потребность в обеспечении личностной и социальной безопасности еще у древних людей, удовлетворение которой могло быть достигнуто в результате сплоченности коллектива, и патриотизм здесь выступал в виде ценности этого самого коллектива, в виде нормы, предполагающей самопожертвование каждого индивида в пользу группы, а также генетическую связь человека с местом своего рождения, с родителями и своим родом, со своим народом и его культурой; все эти общности так или иначе связаны с первичной социализацией индивида, они вводят его в мир, передают ему базовые ценности и ориентиры, которые после воспринимаются как незыблемые и поддерживаются естественной любовью к своей группе, т. е. патриотизмом [17, с. 1332–1333].

Однако по данному вопросу существуют и иные мнения. Наименее резкие из них признают невозможность навязать патриотизм, однако заявляют о необходимости индивида самостоятельно сформировать в себе патриота [14, с. 35]; более радикальные говорят о том, что патриотическая направленность личности не возникает самостоятельно и является результатом длительного целенаправленного воздействия на человека путем различных форм воспитания [14, с. 26]. Таким образом, помимо естественности патриотизм имеет еще множество характеристик, о которых и возникают дискуссии в научном сообществе.

Типологизация патриотизма

Дискуссия о выявлении ключевой характеристики патриотизма приводит к возникновению множества типологий. Я. А. Асланов и С. А. Глушкова приводят набросок части существующих типов, среди которых: советский патриотизм, российский патриотизм, этнопатриотизм, военно-политический патриотизм, религиозный патриотизм, мессианский патриотизм, патриотизм цивилизации, имперский патриотизм, идеологический патриотизм, православный патриотизм, надэтнический патриотизм, либеральный патриотизм, просвещенный патриотизм, левый патриотизм, путинский абстрактный патриотизм, оплаченный, товарный, показной, модный патриотизм и др. [1, с. 101] Здесь мы хотим привести ряд типологий патриотизма, которые, на наш взгляд, могут послужить хорошим методологическим фундаментом для конкретных социологических исследований.

Разделение на первичный и вторичный патриотизм, приведенное в работе Сулиминых и В. А. Благинина [16], соответствует этапам политической социализации индивида. Первичный патриотизм возникает как продолжение связей с семьей. Здесь имеет место метафора страны как семьи, состоящей из близких людей, готовых помочь человеку в случае необходимости, таким образом, патриотизм формируется в виде ответного чувства. Вторичный же патриотизм представляет собой результат исключительно политического воспитания, формирования представлений индивида в русле принятия существующего политического порядка и государственных принципов.

Другая типология основана на изменении доминантных характеристик патриотизма в зависимости от уровня напряженности в государстве и вокруг него [8, с. 214]. Согласно данной типологии, выделяется патриотизм: 1) эмоционально-волевой, возникающий в критических условиях, при которых требуется мобилизовать действия и чувства населения, подчинить интересы индивидов общей цели для преодоления угрожающих существованию государства обстоятельств; 2) рациональный, проявляющийся в мирных условиях, выражающийся в сознательной социальной активности в рамках принятых в стране норм и ценностей, мотивируемой стремлением граждан к развитию общества и государства, с которыми они

себя идентифицируют; 3) мировоззренческий, связанный, на наш взгляд, с изменениями в политической системе государства (здесь не так важно, чем конкретно они вызваны), содержание которого может быть описано как согласование комплекса эмоций и переживаний по отношению к Родине и к малой родине с установками, идеями, принципами, принимаемыми на уровне государственной идеологии.

Еще одна типология, применимая к российскому обществу, базируется на той совокупности норм и ценностей, которую индивид должен усвоить [5]. В ней выделяется: 1) российский патриотизм, связанный с принятием моральных норм, традиций и обычаев, ценностей, индивидуальных и групповых программ поведения; 2) государственный патриотизм, «существующий в рамках единого политического пространства и направленный на общий объект – государство» [5, с. 133]; 3) национальный¹ патриотизм, основой для которого выступают национальная культура, любовь к Родине, национальная гордость, погружение в национальные традиции; 4) конституционный патриотизм, выражающий электоральное поведение и готовность гражданина следовать политике государства [5]. Эта классификация особенно интересна своеобразным синтезом подходов к патриотизму как к ценности и как к внешнему социальному конструкту.

Исследователь Х. И. Мальсагова выделяет гражданский и государственный патриотизм [10]. Основой гражданского патриотизма выступает осознанная любовь к стране, мотивирующая социально полезную деятельность. Его формирование возможно при воспитании в индивиде чувства ответственности за все события, происходящие в государстве, и активной гражданской позиции. Государственный патриотизм является противоположностью гражданскому патриотизму и заключается в выделении именно государства (а не Родины) в качестве объекта патриотизма. В определении патриотической деятельности, исходя из ее функции укрепления государственности, этот тип часто ассоциируется с державным патриотизмом, под которым цитируемый автор понимает усиленную фокусировку на абсолютную уникальность и величие государства (называемое «державой»). Он несет в себе социальные риски трансформации в национализм и ксенофобию.

И. А. Халий разработала свою классификацию в рамках деятельностно-активистской парадигмы, понимая патриотизм в целом как то или иное отношение к Родине [19]. Данная классификация представлена тремя типами: 1) безоговорочный патриотизм, т. е. любовь к Родине без попытки преобразовать сложившиеся ценности в соответствии с образцами лучшей жизни (нечто похожее находим в работе Х. И. Мальсаговой, рассуждающей о самозабвенном патриотизме, сущность которого – в безусловной любви к Родине, в отбрасывании критического осмысления своей страны и принятии ее со всеми возможными недостатками [10]); 2) преобразовательная

¹ В данном случае правильнее говорить этнический, поскольку нация есть конструкт прежде всего политический, а этнос – в первую очередь природное явление. Ниже речь идет именно об этнических явлениях. Однако цитируемый автор использует категории «нация», «национальный» как синонимы «этнического». – *Прим. ред.*

любовь к Родине, т. е. стремление привести Родину к лучшим образцам, организовать общество в соответствии с установками тех мест, где, по мнению субъекта, жизнь лучше; 3) индифферентное отношение, т. е. отсутствие стремления улучшить текущую жизнь в своей стране вследствие невозможности изменений и, следовательно, поиск самореализации в иных, более перспективных местах.

Особняком стоит типология патриотизма, предложенная В. И. Дубровиным [3]. Он понимает патриотизм как ресурс для достижения тех или иных целей различными субъектами общественных отношений и выделяет два его типа. Первый – патриотизм как наиболее действенный ресурс адаптации страны к сложной внешнеполитической ситуации. Второй тип – это патриотизм как ресурс интеграции индивида и государства. Причем наличие патриотизма у индивида не противоречит его независимости, достатку или успеху, патриотизм в этом типе понимается как договор, согласие и законность, как способность через идентификацию со страной, через улучшение страны прийти к улучшению собственных условий жизни.

Таким образом, сложность патриотизма может быть замечена не только на уровне определений, т. е. концептуальных подходов к описанию данного явления. В пределах многих из описанных нами ранее подходов существует множество типов, содержательно различных и в очередной раз подчеркивающих богатство и многоаспектность исследуемого феномена.

Лжепатриотизм как самостоятельная дефиниция

Еще одним аспектом, определяющим сложность патриотизма как исследовательской категории, выступает лжепатриотизм. Это явление внешне напоминает определенный вид патриотизма, однако, в своей сущности коренным образом от него отличается. Взгляды исследователей на содержание установок и поведения человека, его деятельности, позволяющие выявить именно ложный характер патриотизма, различны. Ряд ученых в качестве проявлений ложного патриотизма отмечают ультрапатриотизм (склонный к национализму и ксенофобии), псевдопатриотизм (близкий к подражанию патриотизму с отсутствием деятельностного компонента), реактивный патриотизм (проявляемый обычно только в форме, так называемого «боления», например, за отечественных спортсменов, выступающих на международных соревнованиях). Все эти подвиды лжепатриотизма объединяют в себе такие характеристики, как «незнание своей истории, потребительские отношения к символам Победы, памятным датам» [14, с. 28–30].

Иной взгляд на содержание лжепатриотизма ориентирован на признание той формы любви к Родине, где понятие Родины ограничивается мелкими локальными образованиями, вплоть до трудового коллектива или группы друзей. Исследователи укоризненно называют это явление «местничеством», указывая на его пагубное воздействие на социально-духовный климат в больших государственных образованиях [13, с. 227].

Структура и функции патриотизма

Патриотизм – действительно сложное явление, однозначное понимание которого в современной российской науке не сложилось. В массовом сознании данный феномен тоже характеризуется многоаспектностью и многовариантностью трактовок. Однако следует заметить, к какому бы типу мы ни отнесли патриотизм, какое бы определение для него ни выбрали, патриотические ценности и установки всегда реализует индивид или группа лиц. В связи с этим в качестве общего в описанных выше теоретических конструктах можно выделить представление о структуре патриотизма в сознании индивида или массовом сознании социальной общности. Обычно называют три компонента данной структуры: 1) патриотическое сознание; 2) патриотическая деятельность; 3) патриотическое отношение [2; 4; 13; 14].

Некоторые же авторы предлагают собственное видение структуры патриотизма, элементы которой схожи с перечисленными, однако не могут быть сведены к ним. Например, в дополнение к деятельностному компоненту выделяют потребностно-мотивационную, интеллектуально-чувственную и волевою составляющие [16, с. 178].

Отдельного внимания требует патриотическое сознание как элемент структуры патриотизма. При его анализе ряд исследователей приходят к рассмотрению духовности в качестве основополагающего аспекта данной структурной составляющей, причем факторами, оказывающими влияние на духовность, и, как следствие, определяющими содержание и развитие патриотизма, являются культура, религия, язык и история [13, с. 226].

Говоря о структуре патриотизма, нельзя не коснуться его функций, содержание которых – также активно обсуждаемый исследовательский вопрос. В рамках данной проблематики можно выделить две аналитических линии. Одна сосредоточена на рассмотрении функций патриотизма для политических элит, для которых исследуемый феномен становится своего рода компасом, направляющим активность управленцев страны во всех сферах государственной деятельности. На первый взгляд, этот подход напоминает конструктивистские взгляды на патриотизм, но различия в них значительны. Как и конструктивисты, представители описанной аналитической ветви связывают патриотизм с государством и государственными деятелями, но если первые считают, что содержание патриотизма формируется политической элитой, последние утверждают, что патриотизм по своей сути является некоторой абсолютной направленностью на обеспечение существования и процветания своей общности, и направленность эту нельзя конструировать или трансформировать, она как бы существует до управленцев и, будучи встроенной в их систему ценностей, позволяет построить жизнеспособную нацию.

Вторая линия рассматривает патриотизм с позиции индивида, указывая на такие функции изучаемого явления, как идентификационная и интеграционная, следствиями выполнения которых становится объединение населения (часто разнообразного с точки зрения этнического, конфессионального и т. п. составов), сохранение единства государства, установление

гражданского согласия в поликультурном обществе [4], достижение единства и солидарности между поколениями, определение возможности продуктивного социального взаимодействия, формирование сплоченности общества [6]. Пересечением описанных аналитических ветвей является понимание ими основной функции патриотизма в обеспечении единения, сохранности и развития общности, различие же приведенных точек зрения состоит в усмотрении агента, оказывающего наибольшее влияние на социальную общность.

Рассмотренные теоретические подходы к пониманию сущности патриотизма, его структуры и функций позволяют сформулировать интегративное рабочее определение. Таким образом, по нашему мнению, патриотизм можно определить как *ощущение индивидом своего вхождения в некоторое надындивидуальное единство, выполняющее идентификационную и интегративную функции и представленное в 1) отношении, т. е. эмоциональной стороне данного вхождения, 2) осознании, т. е. понимании этой идентификации как ценности, а также 3) деятельности, т. е. отстаивании ее в виде действий, направленных на защиту компонентов единства, общих для всех его членов.*

Эмпирическое измерение патриотизма

И. А. Халий отмечает, что для России патриотизм – это традиционная ценность, включающая в себя в том числе и ориентацию на национальный суверенитет и территориальную целостность [19, с. 69], следовательно, изучать патриотизм социологически необходимо именно с позиции ценностно-рационального поведения, интерпретации действий людей как соотносящихся или не соотносящихся с этой установкой и пониманием причин статуса этого соотношения. Концептуальные рамки при конструировании эмпирического исследования, предлагаемые Халий, можно отнести к наиболее распространенному в социологии подходу к исследованию патриотизма – аксиологическому. Здесь патриотизм рассматривается как ценностное отношение индивида к Родине, указывая на комплексность этой установки, состоящей из исторических, культурных, этнических, территориальных и религиозных характеристик [13].

Довольно сильно отличается конструктивистский подход, применяемый в социологических исследованиях патриотизма. При следовании конструктивистской парадигме ученый отталкивается от понимания патриотизма как результата искусственного конструирования реальности, возглавляемого той или иной группой, чаще всего – политической элитой. Таким образом, патриотизм становится политическим конструктом, испытывающим влияние со стороны акторов и институтов, как представляющих государственные органы, так и не имеющих к ним прямого отношения, но зависимых от них (например, финансируемые государством СМИ) [13]. Однако такой взгляд раскрывает не представление о патриотизме в массовом сознании, не содержание патриотизма в индивидах, но механизмы формирования определенной патриотической ориентации.

Встречается совмещение различных подходов к пониманию патриотизма в рамках одного исследования. В размышлениях об эффективности подобного авторы выражают сомнение, указывая на крайнюю сложность патриотизма как социального явления, актуализируя в том числе проблему разного понимания содержания компонентов патриотизма у людей разных политических взглядов и из различных социальных групп [13; 16].

Мы же считаем, что совмещение в подходах к исследованию патриотизма схожих взглядов, таких, как, например, рассмотрение этого феномена с позиции его консолидирующего влияния на общество посредством выполнения идентификационной функции и поэтому значимого для данного общества, как становящегося ценностью для самой личности и как находящего свое отражение в патриотических чувствах, знаниях и действиях, позволяет изучить взаимопроникающее богатство сторон патриотизма, не подвергая свою работу риску постоянного образования противоречий вследствие использования почти противоположных точек зрения.

Еще один вопрос, встающий перед исследователем в ходе конструирования эмпирического исследования – система показателей для измерения патриотизма. Рассмотрение трудов российских социологов позволило выделить следующий ряд показателей:

- знание и уважение народных традиций, народной истории, героев, символов [4; 5];
- следование культуре межэтнического общения [5; 7];
- знание патриотических мероприятий (День Победы, День народного единства, Всероссийская акция «Вахта памяти», Всероссийская патриотическая акция «Во славу Великой Победы»), осведомленность об их проведении и участие в них [7; 15];
- проявление интереса к политике страны, участие в политических событиях [6] (хотя некоторые исследователи не считают этот показатель релевантным современному патриотизму [3]), готовность служить в армии (для мужчин) [6];
- критическое отношение к политике своего города/ страны, отношение к органам государственной власти (как к инородным образованиям или как к органичной части жизни сообщества), желание или нежелание того, чтобы дети после взросления остались в родном городе/стране, ощущение единства с жителями своего города/страны, отношение к работе как к обеспечению себя или как к делу на благо соотечественников [19].

Иной стороной изучаемого явления, не относящейся к показателям самого патриотизма (его проявлений), но важным для полноценного понимания этого феномена, является вопрос об агентах формирования патриотизма, среди которых особое внимание уделяется семье, государству, школе и т. п.

Резюмируя, видится перспективным применять аксиологический подход в рассмотрении патриотизма с дополнением его аспектами идентификационной и социокультурной составляющих, базирующейся на определении патриотизма как значимой для личности ценности и ориентиро-

ванный на интерпретацию патриотизма в сознании личности посредством понимания причин формирования той или иной его формы, иначе говоря, посредством каузального объяснения.

Заключение

В результате проведенного теоретико-методологического анализа работ российских социологов, посвященных вопросам патриотизма, удалось сделать некоторые обобщения, которые могут быть использованы для дальнейшего конструирования конкретного социологического исследования.

Несмотря на разнообразие и порой взаимоисключение приведенных операционализаций понятия патриотизма, нами были выделены четыре группы определений. В рамках каждого найденного семантического единства патриотизм понимается как эмоциональное чувство, социальное чувство, как ценность и как государственный ресурс, соответственно.

Наряду с множественностью определений патриотизма для рассмотренных точек зрения были зафиксированы общие сущностные составляющие. С одной стороны, патриотизм всегда связан с некоторой надындивидуальной сущностью (семья, родной двор, родной город, Родина, государство). С другой – патриотизм содержит в себе ценностно-идентификационный и деятельностный аспекты, проявляющиеся в осознанных поведенческих практиках индивидов, связанных с этими сущностями.

В процессе конструирования полевого социологического исследования следует учитывать накопленный эмпирический опыт в части многоаспектности патриотизма как социального явления в массовом сознании. Вопрос здесь кроется и в методике формулировок вопросов об отнесении себя к патриотам, и в психологической склонности людей выбирать социально одобряемый ответ в виду понимания патриотизма как естественного качества, присущее каждому индивиду.

Методологический поиск ключевых характеристик патриотизма порождает в научном дискурсе множественность типологий. На наш взгляд, наиболее интересной для проведения собственного эмпирического исследования может выступить классификация, предложенная И. А. Халий (1950–2020) в рамках деятельностно-активистской парадигмы. Субъект здесь либо безоговорочно «любит Родину», не участвуя в каких-либо преобразовательных практиках (безоговорочный патриотизм), либо стремится преобразовать Родину и привести ее к лучшему, по его убеждению, состоянию (преобразовательная любовь к Родине), либо относится индифферентно без стремления улучшить текущую жизнь (индифферентное отношение).

В ходе анализа и обобщения имеющихся в российской социологии определений патриотизма, подходов к описанию структуры и функций указанного явления было получено комплексное определение патриотизма.

Патриотизм – это ощущение индивидом своего вхождения в некоторое надындивидуальное единство, выполняющее идентификационную и интегративную функции и представленное в:

1. Отношении, т. е. эмоциональной стороне данного вхождения.
2. Сознании, т. е. понимании этой идентификации как ценности.
3. Деятельности, т. е. отстаивании данной идентификации в виде действий, направленных на защиту компонентов единства, общих для всех его членов.

На наш взгляд, предложенная трехуровневая модель может эффективно применяться для эмпирических исследований патриотизма.

Библиографический список

1. Асланов Я. А., Глушкова С. А. Патриотизм в российском обществе: теоретико-методологические проблемы исследования // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 11. С. 99–105. EDN: YNXFDN.
2. Верещагина А. В., Гуськов И. А. и др. Предметное поле осмысления патриотизма в российских дискурсивных практиках // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 7. С. 88–95. EDN: XUKQTZ.
3. Дубровин В. Л. Патриотизм как ценность в российском обществе: социально-ресурсное влияние // Вестник АдГУ. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2015. № 3(163). С. 116–122. EDN: VATUQX.
4. Ешев М. А. Российский патриотизм как основа национальной идентичности // Власть. 2013. № 6. С. 116–118. EDN: QJFTIR.
5. Зауторова Э. В., Рейма О. Я. Патриотизм как социальное явление и интегративное качество личности // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2018. № 1(41). С. 130–136. EDN: YTXHBO.
6. Зелетдинова Э. А., Дьякова В. В. Патриотизм в структуре гражданской идентичности современных российских поколений // Общество: социология, психология, педагогика. 2018. № 12(56). С. 15–19. DOI: 10.24158/spp.2018.12.1; EDN: VQVUYM.
7. Ивченков С. Г., Сайганова Е. В. Патриотизм как компонент общественного сознания: поколенческий ракурс измерения // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10. № 1. С. 96–109. DOI: 10.19181/vis.2019.28.1.558; EDN: ZCILPF.
8. Куликов С. П. Патриотизм в дискурсивном поле российской социологии: теоретические аспекты и социальные реалии // Гуманитарий Юга России. 2016. Т. 19. № 3. С. 209–219. EDN: VZWCJF.
9. Левашов В. К. Патриотизм в контексте современных социально-политических реалий // Социологические исследования. 2006. № 8(268). С. 67–78. EDN: OPCJTF.
10. Мальсагова Х. И. Патриотизм в российском научном и интеллектуальном дискурсе: аксиологическое измерение // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2017. № 6(65). С. 68–73. EDN: ZELFAD.

11. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН. 4-е изд., дополненное. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2008. 939 с.

12. Подъячев К. В. Патриотическое воспитание молодежи как поле взаимодействия политических институтов и гражданского общества в регионах Российской Федерации // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 4(12). С. 126–136. EDN: VCVZGJ.

13. Полухин О. Н. Гражданственность и патриотизм. Проблемы патриотического воспитания в условиях глобализации // Вестник БелГТУ им. В. Г. Шухова. 2014. № 2. С. 225–229. EDN: RYXEMT.

14. Пузанова Ж. В., Ларина Т. И. Патриотическое воспитание молодежи в России: проблемы, мнения, экспертные оценки // Вестник РУДН. Сер.: Политология. 2017. Т. 19. № 1. С. 25–37. DOI: 10.22363/2313-1438-2017-19-1-25-37; EDN: YHELAD.

15. Сайганова Е. В. Основные факторы формирования патриотических настроений у молодого поколения в современных социальных условиях // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Сер.: Социология. Политология. 2020. Т. 20. № 3. С. 286–290. DOI: 10.18500/1818-9601-2020-20-3-286-290; EDN: DOPSPQ.

16. Сулимин В. В., Благинин В. А., Сулимин В. В. Концептуальные подходы к пониманию феномена патриотизма в социологической науке // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 3. С. 176–180. EDN: WTPNEL.

17. Томилина С. Н., Манецкая С. В. Современный патриотизм: сущность и проблемы // Политематический сетевой электронный научный журнал КубГАУ. 2015. № 110. С. 1329–1339. EDN: UHSFMH.

18. Халий И. А. Патриотизм как ценность: основания, типы, зависимость от инноваций // Асимметрия жизни современного российского общества: соотношение традиций и инноваций / Отв. ред. О. В. Аксенова; ИС РАН. Электрон. текст. дан. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. С. 133–145. URL: <http://www.isras.ru/index.php?pageid=1198&id=5084> (дата обращения: 15.04.2024).

19. Халий И. А. Патриотизм в России: опыт типологизации // Социологические исследования. 2017. № 2(394). С. 67–74. EDN: YGAMSJ.

20. Ярлова Т. В. Патриотическое воспитание студенческой молодежи в современных условиях // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. № 2(38). С. 107–112. EDN: TSLYBL.

Получено редакцией: 22.04.24

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ивченкова Мария Сергеевна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Центра исследования адаптационных процессов в меняющемся обществе
Буханский Илья Игоревич, студент Высшей школы современных социальных наук (факультет); исследовательский менеджер

DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.6

Theoretical Constructs and Experience of Empirical Analysis of Patriotism in Modern Russian Sociology

Maria S. Ivchenkova

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

m.ivchenkova@gmail.com

ORCID: 0000-0002-9297-814X

Ilya I. Bukhanskii

Lomonosov MSU, Moscow, Russia;

VCIOM (Russian Public Opinion Research Center), Moscow, Russia

buhanskiy@my.msu.ru

ORCID: 0009-0004-7051-4960

For citation: Ivchenkova M. S., Bukhanskii I. I. Theoretical constructs and experience of empirical analysis of patriotism in modern Russian sociology. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 2. P. 81–97. DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.6; EDN: YZKSUJ.

Abstract. The article studies a theoretical and methodological analysis of the works of Russian sociologists involved in the study of patriotism. The purpose of the theoretical research work is an attempt to develop a methodological apparatus for constructing a specific sociological study of patriotism in modern Russian society through systematisation of key approaches to the interpretation of the concept of patriotism, analysis of typologies of this phenomenon and comprehension of existing methodological developments in empirical studies of patriotism.

The initiating step of immersion in the designated discourse was an appeal to the definitions of patriotism. An analysis of the works of Russian sociologists made it possible to identify four groups of definitions similar in content, where patriotism is understood as an emotional feeling, a social feeling, a value and a state resource. The variety of interpretations of patriotism gives rise to a variety of typologies of patriotism, identified in the course of research reflection. Of methodological interest is the classification of patriotism proposed by prof. I. A. Khaliy within the framework of the activity-activist paradigm. The authors of the article, referring to the wide variability of types of patriotism, pay special attention to false patriotism as an independent phenomenon, reflected in the discourse of sociological science.

The conducted theoretical research allows us to formulate the author's definition of patriotism. Patriotism is understood as an individual's feeling of his entry into some supra-individual unity, that performs identification and integrative functions and is represented in 1) attitude, i.e., the emotional side of this entry, 2) awareness, i.e., understanding of this identification as a value, and also 3) activity, i.e. defending it in the form of actions aimed at protecting the components of unity common to all its members.

The complexity of operationalising the concept of patriotism lies not only in the diversity of research approaches, but in the understanding of patriotism in the mass consciousness of modern Russians as multivariate and ambiguous, that is reflected in the available body of empirical material. The analysed methodological foundations of empirical research allow us to conclude that the application of the axiological approach is promising in the sociological study of patriotism with the addition of its aspects of identification and sociocultural components, based on the definition of patriotism as a value significant to the individual and focused on the interpretation of patriotism in the consciousness of the individual through understanding the reasons for the formation of one or another of its forms.

Keywords: patriotism, typology of patriotism, structure and functions of patriotism, research methodology

References

1. Aslanov Y. A., Glushkova S. A. Patriotism in a Russian society: theoretical-methodological issues of research. *Socialno-gumanitarnye znaniya*, 2017: 11: 99–105 (in Russ.). EDN: YNXFDN.
2. Vereschagina A. V., Guskov I. A. et al. The subject field of comprehending of patriotism in Russian discursive practices. *Socialno-gumanitarnye znaniya*, 2018: 7: 88–95 (in Russ.). EDN: XUKQTZ.
3. Dubrovin V. L. Patriotism as value in the Russian society: social and resource influence. *Vestnik AdGU. Ser. 1: Regionovedeniye: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya*, 2015: 3(163): 116–122 (in Russ.). EDN: VATUQX.
4. Eshev M. A. Rossijskij patriotizm kak osnova nacional'noj identichnosti [Russian patriotism as a basis of national identity]. *Vlast'*, 2013: 6: 116–118 (in Russ.). EDN: QJFTIR.

5. Zautorova E. V., Reima O. Ya. Patriotism as a social phenomenon and integrative property of the individual. *Vestnik instituta: prestupleniye, nakazaniye, ispravleniye*, 2018: 1(41): 130–136 (in Russ.). EDN: YTXBO.
6. Zeletdinova E. A., Diakova V. V. Patriotism in the structure of civil identity of modern Russian generations. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*, 2018: 12(56): 15–19 (in Russ.). DOI: 10.24158/spp.2018.12.1; EDN: VQVUYM.
7. Ivchenkov S. G., Sayganova E. V. Patriotism as a component of public consciousness: a generational measurement perspective. *Vestnik instituta sotziologii*, 2019: 1(10): 104–119 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2019.28.1.558; EDN: ZCILPF.
8. Kulikov S. P. Patriotism in the discursive field of Russian sociology: theoretical aspects and social realities. *Gumanitarniy Yuga Rossii*, 2016: 3(19): 209–219 (in Russ.). EDN: VZWCJF.
9. Levashov V. K. Patriotism in the context of current sociopolitical realities. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2006: 8(268): 67–78 (in Russ.). EDN: OPCJTF.
10. Malsagova Kh. I. Patriotism in Russian scientific and intellectual discourse: axiological dimension. *POISK: Politika. Obshchestvovedeniye. Iskusstvo. Sotsiologiya. Kul'tura*, 2017: 6(65): 68–73 (in Russ.). EDN: ZELFAD.
11. Ozhegov S. I. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij* [Explanatory dictionary of the Russian language: 80000 words and phraseological expressions]. Institute of Russian Language named by V. V. Vinogradov of RAS. 4th eds. Moscow, OOO «ITI Tekhnologii», 2008: 939 (in Russ.).
12. Podyachev K. V. Patriotic upbringing of youth as a field of interaction between political institutions and civil society in Russian regions. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*, 2016: 4(12): 126–136 (in Russ.). EDN: VCVZGJ.
13. Poluhin O. N. Grazhdanstvennost' i patriotizm. Problemy patrioticheskogo vospitaniya v usloviyah globalizatsii [Citizenship and patriotism. Problems of patriotic education in the context of globalization]. *Vestnik BelGTU im. V. G. Shuhova*, 2014: 2: 225–229 (in Russ.). EDN: RYXEMT.
14. Puzanova Zh. V., Larina T. I. Patriotic education of youth in Russia: problems, opinions, expert review. *Vestnik RUDN. Ser. Politologiya*, 2017: 1(19): 25–37 (in Russ.). DOI: 10.22363/2313-1438-2017-19-1-25-37; EDN: YHELAD.
15. Saiganova E. V. Basic factors of formation of patriotic mood at young generation in modern social conditions. *Izvestiya Saratovskogo un-ta. Novaya seriya. Ser.: Sotsiologiya. Politologiya*, 2020: 3(20): 286–290 (in Russ.). DOI: 10.18500/1818-9601-2020-20-3-286-290; EDN: DOPSPQ.
16. Sulimin V. V., Blagin V. A., Sulimin V. V. Conceptual approaches to understanding the phenomenon of patriotism in sociological sciences. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*, 2016: 3: 176–180 (in Russ.). EDN: WTPNEL.
17. Tomilina S. N., Manetskaya S. V. Modern patriotism: its essence and problems. *Politematicheskiiy setevoy elektronnyy nauchnyy zhurnal KubGAU*, 2015: 110: 1329–1339 (in Russ.). EDN: UHSFMH.
18. Khaliy I. A. Patriotism as a value: basis, types, dependence on innovation. In *Asymmetry of life in modern Russian society: a balance between traditions and innovations*. Ed. by O. V. Aksenova; IS RAS. Moscow, FNIS RAN, 2017: 207: 133–145 (in Russ.). Accessed 15.04.2024. URL: <http://www.isras.ru/index.php?pageid=1198&id=5084>.
19. Khaliy I. A. Patriotism in the Russian: typology. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2017: 2(394): 67–74 (in Russ.). EDN: YGAMSJ.
20. Yarovova T. V. Patriotic education of student youth in modern conditions. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk*, 2015: 2(38): 107–112 (in Russ.). EDN: TSLYBL.

The article was submitted on: April 22, 2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Maria S. Ivchenkova, Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher of the Center for the Study of Adaptation Processes in Changing Society

Ilya I. Bukhanskii, Student of the Higher School of Contemporary Social Sciences (Faculty); Research Manager

ПАТРИОТИЗМ И МЯГКАЯ СИЛА РОССИИ

DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.7

EDN: NZMUJG

Россия в современном мире: потенциал мягкой силы

Ссылка для цитирования: Андреев А. Л., Андреев И. А. Россия в современном мире: потенциал мягкой силы // Вестник Института социологии. 2024. Том 15. № 2. С. 98–114. DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.7; EDN: NZMUJG.

For citation: Andreev A. L., Andreev I. A. Russia in the modern world: the potential of soft power. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 2. P. 98–114. DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.7; EDN: NZMUJG.

SPIN-код: 5466-1444

Андреев Андрей Леонидович^{1,2}

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия;

²Национальный исследовательский университет «МЭИ»,
Москва, Россия

Sympathy_06@mail.ru

SPIN-код: 7934-3652

Андреев Иван Андреевич^{1,2}

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия;

²Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова,
Москва, Россия

v-andreev_07@mail.ru

Аннотация. Представленная статья посвящена комплексной характеристике концептуальных, институциональных и технологических аспектов российской стратегии наращивания и использования так называемой мягкой силы. Авторы исходят из того, что будущее России как мировой державы существенным образом зависит от ее способности генерировать и наращивать импульсы мягкой силы (a soft power). В статье описана динамика процесса реформирования потенциала мягкой силы России, начиная с момента крушения СССР в 1991 г. и до сегодняшнего дня. Авторы указывают, что ныне существующее государство Российская Федерация, будучи государством – продолжателем СССР унаследовало основные компоненты мягкой силы последнего, в том числе его авторитет в сфере науки и культуры, статус одного из основателей ООН, разветвленную сеть связей в интеллектуальных и политических элитах различных стран т. д. Однако изменения, которые произошли в стране в 1990-е гг., существенно повлияли на образ России в восприятии населения других стран, равно как и самих россиян. В статье показано, что, вопреки положениям и выводам, вытекающим из разработанной американским политическим теоре-

тиком Дж. Наем концепции мягкой силы, проводившаяся в 1990-е гг. политика сближения с «цивилизованным миром», не привела к росту влияния России, но имела скорее обратный эффект. Фактически это влияние снизилось до исторического минимума. И лишь с начала 2000-х гг., параллельно укреплению политических основ российской государственности, ситуация стала меняться к лучшему, начался процесс восстановления тех факторов «мягкого» влияния, которые могла использовать Россия. В статье представлен развернутый обзор основных составляющих этого процесса, на основе эмпирических данных дается характеристика соотношения позитивных и негативных мнений о России в различных странах и на разных континентах. Также авторами даются рекомендации по совершенствованию стратегии формирования и использования мягкой силы современной России. В частности, в этой связи авторы статьи обращают внимание на ключевое значение всесторонней проработки образов будущего и концептуальных основ теории социально-исторического развития, соответствующей многоплановым вызовам XXI века.

Ключевые слова: мягкая сила, институциональная инфраструктура мягкой силы, технологии влияния, образ России

Разворачивающийся буквально на наших глазах процесс переформатирования системы международных отношений основан на прогрессирующем изменении баланса сил между основными геополитическими субъектами. Разумеется, это касается в первую очередь экономики, технологического уровня и военных возможностей государств. Однако немалую роль играет и психология – в том числе те эффекты ментального притяжения, которые в политической науке получили название мягкой силы. С этой точки зрения, значительный (а для россиян и особый) интерес представляет динамика развития мягкой силы России как государства-цивилизации, одного из полюсов формирующегося многополярного мира.

Преодоление кризиса 1990-х гг. и регенерация мягкой силы России

Российская Федерация, ставшая государством-продолжателем СССР унаследовала и большинство компонентов его мягкой силы, в том числе культурные богатства мирового значения, статус великой державы, высокий авторитет в науке, культуре, образовании и спорте, ауру великой истории, многочисленные туристические достопримечательности, многообразные и многоплановые международные связи. В то же время демонтаж советской системы и переход власти к политикам, готовым обменять национальные интересы на туманную перспективу «возвращения в цивилизованный мир» дополнительно создали новой России и ее лидерам немалую популярность на Западе. На первый взгляд, это должно было способствовать наращиванию ее «мягкой» силы. Но на самом деле все получилось ровно наоборот. Это очень наглядно иллюстрируют стенограммы телефонных переговоров между Б. Н. Ельциным и Б. Клинтон. Российский президент настойчиво упрасивал своего американского визави отказаться

от расширения НАТО, не планировать учения морских сил НАТО вблизи баз Черноморского флота, создать условия для роста американских инвестиций в Россию и др. Белый дом отвечал на это расплывчатыми отговорками. За исключением, впрочем, вопроса о приеме в НАТО новых стран. Рассыпавшись в комплиментах молодой российской демократии, американский президент отказался учитывать просьбы российской стороны, смягчив отказ лишь неясным обещанием построить «новую НАТО» [20]. На этом примере видно, что в 1990-е гг. способность России использовать мягкую силу как инструмент влияния на своих партнеров практически сошла на нет. Лишь после 2000 г., с восстановлением политической роли федерального центра и урегулированием его отношений с субъектами федерации, по мере преодоления наиболее тяжелых последствий шоковых реформ, а также укрепления армии и флота, можно говорить о начале процесса *регенерации ее мягкой силы*, причем именно мягкой силы великой державы.

Унаследованная от СССР институциональная инфраструктура мягкой силы развивалась за счет возникновения новых институциональных элементов, предназначенных как для разработки и трансляции российского видения настоящего и будущего человечества, так и для формирования позитивных образов самой России. Среди них назовем, в частности, Фонд «Русский мир» (2003), Валдайский клуб (2004), Фонд изучения исторической перспективы (2004), телеканал RT (2005), Институт русского зарубежья (2005), Фонд стратегической культуры (2005), Институт демократии и сотрудничества (с отделениями в Париже и Нью-Йорке, 2007), Фонд поддержки публичной дипломатии им. А. М. Горчакова (2010) и др. В 2008 г. была произведена институциональная перегруппировка государственных структур, ответственных за международное гуманитарное сотрудничество, в результате которой было создано Федеральное агентство по делам Содружества Независимых государств, соотечественников, проживающих за рубежом.

Мягкая сила в российских политических практиках

Тем не менее само словосочетание «мягкая сила» в российском политическом дискурсе долгое время не употреблялось. Впервые оно появилось в статье «Россия и меняющийся мир», в которой В. В. Путин изложил свое политическое кредо накануне президентских выборов 2012 г. [14]. И надо отметить, что взгляд на мягкую силу, изложенный в данной статье, отличался принципиальной новизной и существенно расходился с трактовками как американских и европейских, так и китайских политических экспертов, теоретиков и аналитиков.

Основная методологическая идея данной статьи состоит в том, что феномен мягкой силы по существу состоит из двух разных «сил»: во-первых, это то, что В. В. Путин назвал «цивилизованным лоббизмом», а во-вторых – манипулирование сознанием, чаще всего – с неблагоприятными целями, включая злонамеренное вмешательство в дела других стран. При таком подходе

понятие мягкой силы становится более широким по сравнению с первоначальной его трактовкой в работах американского политического теоретика Дж. Ная, т. к. теперь в оно включало в себя не только платоническую «притягательность», но и разного рода подрывные действия, которые ведутся без применения оружия. Такая постановка вопроса, в отличие от умозрительных спекуляций Дж. Ная, учитывала реальную политическую практику и опыт реализации стратегии мягкой силы России в условиях развертывавшейся на Западе кампании русофобии, вылившейся в конечном счете в санкционный режим, а затем и в так называемую «культуру отмены». Опираясь на такую постановку вопроса, мы предложили бы добавить к базовому определению мягкой силы как некоей *неотразимой привлекательности* [11, с. 18] еще один признак: это *преодоление сопротивления*. По логике вещей, фактор воздействия заслуживает быть квалифицированным как *сила* только тогда, когда она нейтрализует или перевешивает другую силу – обычно противоположно направленную.

Мягкая сила России в ее проекциях на геополитическое пространство

Надо сказать, что даже в условиях развернутой атлантистскими финансово-политическими элитами разнузданной русофобской кампании, вплоть до начала СВО Россия неизменно входила в списки наиболее рейтинговых обладателей мягкой силы, составлявшихся западными же аналитическими центрами. В то же время данные международных социологических исследований говорят о том, что соотношение положительных и отрицательных оценок России распределены между странами весьма неравномерно, так что воображаемая карта точек эффективного воздействия ее мягкой силы дала бы очень дробную, мозаичную картину.

Если судить по данным таких авторитетных аналитических центров, как Pew International или BBC World Service Poll, баланс пророссийских и антироссийских настроений наиболее благоприятен в Азии (кроме Японии, имеющей к нам территориальные претензии). Отметим, что уровень симпатий к России как таковой коррелирует и с позитивным восприятием российского влияния в мире. В целом ряде стран Юго-Восточной Азии (Филиппины, Индонезия, Таиланд) положительные мнения о России фиксировались социологами в 1,5 – 2 раза чаще, чем отрицательные. В особенности это касается двух азиатских гигантов – КНР и Индии. В этих странах доля респондентов, симпатизирующих России, поднималась выше 70%. Разница состоит только в том, что в Индии на том же уровне распространены и проамериканские настроения, тогда как китайцы проявляют такие настроения в 2 раза реже, чем пророссийские. Как следствие, обе крупнейшие азиатские страны сочли для себя невозможным участвовать в раздуваемой Западом антироссийской истерии. Довольно позитивно воспринимается Россия в исламских странах. В Южной Америке, если не считать Кубу, Венесуэлу, Никарагуа, баланс симпатий и антипатий к России меняется

на отрицательный. Тем не менее пророссийские настроения достаточно широко распространены и здесь, составляя в крупнейших странах региона (Мексика, Бразилия, Аргентина и ряд др.) до 30% граждан); но надо сказать, что роль России как центра глобального влияния в большинстве стран Латинской Америки оценивается так же настороженно, как и роль США, хотя повышение глобального политического веса КНР и Евросоюза активного неприятия в большинстве стран Латинской Америки не вызывает [3, с. 178–179].

В последнее время очень активно наращивалось почти было утраченное влияние России в Африке. Многие африканские правительства стали отдавать России предпочтение перед бывшими колониальными патронами в вопросах безопасности, продовольственного обеспечения, борьбы с терроризмом и др. В частности, одним из значимых шагов в рамках российской стратегии «мягкой» силы влияния на «черном континенте» стало проведение представительных саммитов «Россия – Африка» (Сочи, 2019; С.-Петербург, 2023). Эффективность использования мягкой силы в отношениях со странами «черного континента» во многом обусловлена тем, что Россия не ставит им каких-то предварительных условий в плане соответствия «демократическим стандартам», а готова сотрудничать с ними, не сопровождая сотрудничество постоянными публичными нравоучениями [19]. И это дает свои результаты: так, из 39 государств, не голосовавших за осуждающую Россию резолюцию XI чрезвычайной специальной Генассамблеи ООН, почти 50% составили именно африканские.

Нет необходимости лишней раз повторять, что главным режиссером развернутой в последнее время кампании демонизации России является «атлантическая» фракция американского и британского истеблишмента, настраивающая на эту волну и население своих стран, и весь так называемый «коллективный Запад». Мотивация этой фракции понятна: она понимает, что возвышение России и ее сближение с Китаем несовместимы с безраздельной американской гегемонией. И надо сказать, что нагнетание антироссийских настроений им удается. Как показали опросы, проводившиеся авторитетным Pew Research Centre, в начале 2000-х гг. не более 15–20% американцев считали, что Россия представляет собой угрозу для США, к концу 2010-х гг. такие настроения проявляли уже трое американцев из пяти, а после начала СВО на Украине – не менее 85%¹.

Почти такая же обстановка складывается в последнее время и в Европе.

В то же время эмпирическая социология свидетельствует, что европейские страны в плане отношения к России сильно дифференцированы [3, с. 181]. Самый высокий уровень русофобии наблюдается в Нидерландах, Польше и странах Прибалтики. Даже шаги, которые одно время предпринимала Россия с целью смягчения напряженности, здесь нередко расцениваются как угроза, лишь добавляющая темных красок в образ

¹ Reinhart R. J. U.S. Public sees Russia – Ukraine Conflict as Critical Threat. URL: <https://news.gallup.com/poll/390140/public-sees-russia-ukraine-conflict-critical-threat.aspx> (дата обращения: 07.03.2022).

«агрессивной империи» [13]. В некоторых случаях это логично объяснить «фантомными болями», напоминающими о собственных не сбывшихся имперских проектах. Но такое объяснение работает не всегда. Так, Россия никогда не была врагом Нидерландов (в отличие, скажем от Британии и Германии), однако симпатии к ней у голландцев проявляются даже реже, чем у поляков, предки которых не раз воевали с Россией и восставали против нее. В Польше, кстати, несмотря на устойчивую антироссийскую доминанту в настроениях ее политических элит, всегда были деятели, относившиеся к России по крайней мере с доброжелательным уважением. Не перечисляя всех, назову для примера хотя бы не так давно скончавшегося историка русской философии и общественной мысли Анджея Валицкого, не побоявшегося в своей последней книге «О России иначе» выступить против истерической демонизации России, против приписывания ей агрессивных намерений (и это при том, что сам он является правнуком польского повстанца 1863 г.).

В Европе симпатии к России более всего распространены в отдельных странах Восточной и Центральной Европы. Так, в Болгарии положительное отношение к России высказали около 73% респондентов, в Словакии – до 60% опрошенных¹. В Словакии в результате парламентских выборов 2023 г. премьер-министром стал Р. Фицо, который отвергает антироссийскую линию Евросоюза. Сходные позиции занимает также избранный в 2024 г. президент этой страны Петер Пеллегрини. Довольно распространены симпатии к России и среди сербов, хотя политическая линия Белграда в этом плане не является твердой и последовательной. Другой вопрос, что перечисленные страны сравнительно невелики и сильно зависимы от США и ЕС.

Что же касается стран, которые образуют политическое и экономическое ядро ЕС, то там лучше всего относятся к России итальянцы (43%). Среди итальянских политиков есть немало таких, кто является сторонником улучшения отношений с Россией. Тем не менее здесь довольно сильно побаиваются России и подозревают ее в экспансионистских и имперских замыслах. Такие настроения даже в лучшие дни заметно перевешивали симпатии к России, тогда как глобальная роль США и КНР воспринималась итальянцами относительно благожелательно.

Франция, в культурно-историческом отношении связанная с Россией еще теснее, чем Италия, отстает от нее по зафиксированному социологическими исследованиями уровню симпатий к России примерно на 10 п.п. Но здесь, как говорится, есть нюансы. Скажем, касаясь такой чувствительной для Запада темы, как государственная принадлежность Крыма, многие французские политические деятели, не выходя «за рамки дозволенного» (по критериям атлантической солидарности), по мере возможности старались смягчить антироссийскую риторику. Для этого использовалось, в частности, существующее во французском языке смысловое различие между словами *legale* и *legitime*. Подтверждая общую для западных политических

¹ Pew Research Centre. Russia and Putin receive low ratings globally. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/02/07/russia-and-putin-receive-low-ratings-globally/> (дата обращения: 14.11.2022).

элит точку зрения, что вступление Автономной республики Крым в состав Российской Федерации якобы незаконно – *illégal*, некоторые французские политики, тут же оговаривались, апеллируя к высшей справедливости и признавая исторические права России на обладание полуостровом [12]. Такую позицию занимал, например, бывший президент страны В. Жискард д'Эстен, который прямо заявлял, что возвращение Крыма в Россию соответствует Истории¹.

В Германии значения социологических индикаторов пророссийских симпатий очень близки к французским показателям. Однако их отличает более четкая локализация: в бывшей ГДР к России относятся значительно позитивнее, чем в западных землях страны.

Хотя общая линия брюссельской евробюрократии нацелена на то, чтобы активно блокировать процесс расширения политического влияния Москвы, в позициях различных фракций европейского политического класса в этом вопросе нет полного единства: некоторые из них ставят задачу полной изоляции, даже можно сказать, аннигиляции России («культура отмены»), некоторые же выступают за сбалансированное сочетание «сдерживания» и взаимовыгодного сотрудничества с Москвой. Само собой понятно, что этот политический «зазор» можно попытаться расширить при помощи мягкой силы, хотя такую перспективу не следует переоценивать: даже наиболее лояльные к Москве правительства вынуждены демонстрировать приверженность «европейской солидарности», а их способность воздействовать на антироссийский курс Брюсселя сводится лишь к внесению некоторых частных оговорок и поправок.

До начала 2020-х гг. Москва не оставляла попыток улучшить сформировавшийся за рубежом имидж России, используя для этого средства и способы, которые можно назвать «технологией гостеприимства». С целью повышения привлекательности нашей страны вкладывались значительные средства в развитие туристической инфраструктуры, принимались меры для снижения визовых барьеров, создавались информационные поводы для массовых заездов (такие, как проведение Олимпийских игр, чемпионатов мира и других статусных спортивных состязаний). Все это помогало формировать критическое отношение к распространяемым на Западе мифам о «российской отсталости» и «тоталитаризме».

Если оставить в стороне особый случай союзной Белоруссии, то российский потенциал мягкой силы в настоящее время наиболее полно реализуется в постсоветских государствах Центральной Азии. В отличие от стран Запада, где главным инструментом российской мягкой силы может быть только культурная дипломатия, здесь ключевое значение имеют многовековая привычка жить рядом, билингвизм, использование русского языка в межнациональном общении, связи и знакомства представителей российской и местных элит, единая образовательная традиция, общее в исторической памяти (в особенности в части борьбы многонацио-

¹ Giscard d'Estaing V. La France, l'Europe, le Monde... Entretien avec Valery Giscard d'Estaing // Politique internationale. 2015. № 146. Hiver. URL: politiqueinternationale.com/revue/print_article.php?id=1346&id_revue=146&content=texte (дата обращения: 01.01.2020).

нального советского народа с гитлеровской Германией). Немаловажным является и то, что большинство постсоветских государств все еще находятся в российском информационном пространстве. Социологические исследования фиксируют сильное влияние российской поп-культуры, например, музыкальной. Например, анализ поисковых запросов в Интернете показал, в Казахстане даже такая восходящая звезда казахстанской вокальной сцены, как Димаш Кудайберген, значительно уступает по популярности «королям» и «королевам» российской эстрады [9]. Как показали недавние (2023) опросы, проведенные исследовательской группой Гэллапа, несмотря на то что одним из последствий проведения СВО стало снижение влияния мягкой силы во всех постсоветских странах, в Казахстане и Киргизии оно по-прежнему перевешивает влияние мягкой силы США¹ [21].

При этом постсоветское пространство, если рассматривать его как поле российского влияния, также является достаточно проблемным. В странах-членах СНГ имеются политические силы, ставящие целью оторвать их от России. Для этого широко используются технологии переформатирования идентичности народов (так, скажем, белорусов объявляют «литвинами» и т. п.), цензурирования исторической памяти и др. В основном эти политические силы представлены оппозиционными НКО, спонсируемые различными американскими, британскими, немецкими, польскими, румынскими и др. фондами, а иногда и спецслужбами. В то же время не следует заблуждаться: негласно этой деятельности симпатизирует и определенная часть местных элит. Их поддержка выливается в такие меры, как смена названий улиц и городов, установление ограничений на употребление русского языка, в том числе в образовании, перевод национальных языков с кириллицы на латиницу, выведение гуманитарных проектов из сферы совместной деятельности (например, в процессе подготовки учредительных документов ЕАЭС Казахстан высказался против включения в них положений о гуманитарном сотрудничестве [17]).

Институциональный комплекс мягкой силы

Как уже отмечалось, к настоящему времени в России сложилась весьма разветвленная инфраструктура мягкой силы, состоящая из различных дополняющих друг друга элементов: СМИ, Интернет-платформы, «мозговые центры» и экспертные сообщества, фонды, образовательные учреждения, музеи, организации культуры, спортивные федерации, ассоциации соотечественников и другие НКО [7]. В своем вертикальном срезе эта инфраструктура простирается вплоть до высших государственных органов (Президент, Федеральное собрание, занимающиеся проецированием мягкой силы специализированные ведомства и ряд др.), в горизонтальном же измерении она имеет форму глобальной сети «опорных пунктов» россий-

¹ Gallup. Empire's Twilight? Russia Loses Support in Its Own Backyard. URL: <https://news.gallup.com/poll/505793/empire-twilight-russia-loses-support-own-backyard.aspx> (дата обращения: 10.02.2024).

ской цивилизации. Так, Российские культурно-информационные центры и «Русские дома», входящие в систему Россотрудничества, имеются в более чем 80 странах мира. Важное место в системе институтов проецирования мягкой силы занимает и фонд «Русский мир». Фонд позиционирует себя как глобальный культурный проект в форме некоммерческой организации. В 2020 г. к сфере его ответственности относились 119 Русских центров и 139 кабинетов «Русского мира» в более чем 50 странах мира [8]. Упомянем также в этой связи Ассамблею народов Евразии, которая была создана в 2017 г. как международный союз неправительственных организаций. В руководство этой международной организации входят представители общественности более, чем 30 государств. Но вместе с тем Ассамблея по сути дела является одной из площадок российской общественной дипломатии (штаб-квартира организации и ее аппарат находятся в Москве) [4].

В стратегию мягкой силы России успешно интегрируется создание условий для привлечения в страну международных студентов [1], так называемый экспорт образования. Как и другие ведущие экспортеры образования, Россия активно занимается совместным учреждением высших учебных заведений. В качестве примеров назовем хотя бы Киргизско-российский славянский и Российско-таджикский славянские университеты. В последнее время это направление получило дальнейшее развитие: были подписаны соглашения об учреждении в ряде стран Центральной Азии филиалов престижных российских вузов. Только в одном Ташкенте были созданы филиалы МГУ имени М. В. Ломоносова, МГИМО, МИФИ, МФТИ, МЭИ, Университета нефти и газа им. И.М. Губкина, РХТУ им. Д. И. Менделеева, а также ВГИКа, в Астане – филиалы МГУ и Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, в Душанбе МГУ, МЭИ, НИТУ МИСиС и т. д. Перспективной формой продвижения российского образования является формирование консорциумов вузов различных стран (Сетевой университет СНГ, Российско-Киргизский консорциум технических университетов).

Среди элементов мягкой силы России нельзя не назвать имеющие давний и устойчивый репутационный рейтинг международные культурные и спортивные мероприятия. Среди них Московский международный кинофестиваль, Международный конкурс им. П. И. Чайковского, различные театральные фестивали, Петербургский экономический форум и др. Конечно же, многие из них чувствительно затронула так называемая «культура отмены» (к примеру, конкурс им. П. И. Чайковского был исключен из Всемирной федерации международных музыкальных конкурсов), но тем не менее большинство из них по-прежнему высоко котируются и среди любителей, и среди мастеров искусства. К примеру, в конкурсе, проводившемся в рамках 42-го Международного студенческого фестиваля ВГИК (2022), принимали участие киноленты из целого ряда так называемых недружественных России стран, включая Австралию и Канаду. Все это дает основания утверждать, что институты проецирования мягкой силы России продолжают функционировать. Таким образом, русофобски настроенным

западным политикам не удалось полностью перекрыть каналы гастрольной деятельности российских художественных коллективов, в том числе и в самих странах Запада.

Новым звеном институциональной инфраструктуры российской мягкой силы стало Международное движение русофилов, учредительный съезд которого состоялся в Москве 14 марта 2023 г. Благодаря этому, впервые в политической практике возникла оргструктура, ставящая своей задачей консолидацию пророссийских активистов из разных стран и координирующая их деятельность в международном масштабе. На учредительном съезде движения в Москве было представлено 42 страны мира, а спустя год, число стран, в которых есть представители движения, возросло до 77 [10].

За последние 15 – 20 лет значительно укрепилась и в институциональном, и в техническом, и в творческом отношении медийная компонента мягкой силы России, которую образует целый конгломерат телеканалов, интернет-порталов и сервисов, информагентств, студий по производству аудиовизуальной продукции, осуществляющих свою деятельность не только на территории Российской Федерации, но и за рубежом. Нет необходимости доказывать, что российские медиа по своему масштабу и уровню все еще уступают американским, но вполне сравнимы со СМИ других крупных стран, имеющих влияние на формирование глобальной повестки дня. Мы полагаем, что в этой связи надо особо подчеркнуть важную роль медиагруппы «Россия сегодня». По замыслу ее создателей и руководителей она должна была стать своего рода «русским ВВС», транслирующим всему миру российский взгляд на вещи и события. При этом учитывалась потребность международной аудитории в доступе к альтернативным западному «мейнстриму» точкам зрения и источникам информации. Практика показала, что этот расчет был верным. Так, к 2018 г. входящий в медиагруппу «Россия сегодня» телеканал RT обошел по числу просмотров своего сайта на YouTube таких медиагигантов, как ВВС, CNN или Euronews [15]. В некоторых странах, в том числе и западных, RT даже вошел в группу наиболее популярных телеканалов. На Западе это сочли угрозой, и потому уже в 2015–2016 гг. против российского канала были задействованы стали самые грубые методы – а именно, на его деятельность вводились различные ограничения и прямые запреты. Однако RT (а также радио «Спутник») по-прежнему успешно действует в странах, не относящихся к коллективному Западу и даже продолжает расширять сферу своего охвата: к примеру, в ноябре 2022 г. началось вещание RT-Сербия.

Технологический аспект мягкой силы

Технологический арсенал российской стратегии мягкой силы очень разнообразен. Некоторые из входящих в него технологий использовались еще в советское время (например, так называемая «технология гостеприимства», организация массовых зрелищ и праздников), но значительная их часть наработана уже в современных условиях. Кроме того, отдельные

способы и приемы деятельности взяты из зарубежного опыта и затем усовершенствованы с учетом наших возможностей и потребностей. Так, RT широко использовал информационные форматы, апробированные зарубежными медиакорпорациями под зарубежного же зрителя и слушателя. Перенос технологий осуществлялся в том числе благодаря приглашению именитых иностранных журналистов и телеведущих, которые, понятно, и в RT продолжали придерживаться привычных для них стилей работы.

В настоящее время, когда Россию активно пытаются отсечь от мирового культурно-информационного пространства, ключевое значение для эффективного проецирования российской мягкой силы приобретают технологии, которые условно можно называть *технологиями вовлечения*. Это прежде всего вовлечение в пространство русскоязычного культурного мира. Приемы и методы достижения данной цели весьма разнообразны, а их состав все время обновляется. В последнее время возникло много новых, не использовавшихся ранее форм работы – «Тотальные диктанты» по русскому языку, соответствующим образом ориентированные конкурсы («Всемирный Пушкин», «Слово за нами», «Мой Русский мир», евразийские конкурсы моды), этнофестивали и творческие форумы, многообразные коллективные акции, тематические ярмарки, международные арт-проекты и т. д. Продуктивным стал опыт проведения перекрестных годов культуры, а также годов взаимных посещений со странами АТР (с КНР, Индонезией, Республикой Корея) [5]. Упомянем также технологии мотивации через символические идентификации (например: присвоение звания «Профессор Русского мира», зачисление в студенты Русского мира и т. п.), которые можно было бы назвать *технологиями приобщения*.

Перспективы наращивания потенциала мягкой силы

Таким образом, в плане инфраструктуры и технологий, а также в плане креативности, мягкая сила России вполне конкурентоспособна, и стратегия применения мягкой силы имеет неплохую перспективу. Стратегически задачи применения мягкой силы с целью усиления влияния России как на международные дела, так и на глобальные тенденции социально-исторического развития сформулированы в таких основополагающих политических документах, как «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»¹ и «Концепция внешней политики Российской Федерации»². Но, понятно, что еще предстоит большая работа над тем, чтобы реализовать российский потенциал такого влияния эффективнее, чем это получалось до настоящего времени. И, разумеется, понять причины, снижающие эту эффективность, и по возможности устранить по крайней мере те из них, на которые мы можем воздействовать.

¹ Утверждено Указом Президента Российской Федерации от 9.11.2022 № 809.

² Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31.03.2023 № 229.

Политические аналитики подходят к этой задаче по-разному. Мы, со своей стороны, хотели бы предостеречь от порой встречающейся в российской литературе зауженной трактовки мягкой силы, характерной чертой которой является ее чисто *инструментальное* понимание [6]. Что же, бесспорно, инструментальная сторона (скажем, административные переформатирования институциональной инфраструктуры мягкой силы, создание в ней новых элементов и звеньев, целевое финансирование тех или иных проектов и т. п.) имеет немалое значение. Но феномен мягкой силы нельзя свести лишь к набору инструментов – это в первую очередь *система смыслов*, и вне ее все средства *ментального* воздействия (а мягкая сила использует именно ментальные воздействия), просто-напросто лишаются всякой функциональности.

И в этой связи позволим себе высказать мысль, что в перспективе дальнейшего наращивания потенциала мягкой силы России в настоящее время на первый план выходит именно не столько инструментальная или институциональная, сколько *содержательная* ее сторона. Мы имеем в виду смысловую матрицу, лежащую в основе образа России, те «меседжи», которые она посылает мировому сообществу. Мы полагаем, что на сегодняшний день они в полной мере артикулированы только в некоторых важных выступлениях Президента В. В. Путина, в частности, в его февральском (2024) интервью Такеру Карлсону. Но выступления высших государственных деятелей по вполне понятным причинам ограничены по времени, поэтому многих важных вопросов они касаются очень лапидарно, без детальной разработки. Кроме того, такие выступления воспринимаются как прямое выражение определенной политической позиции, в то время как во многих случаях «подачу» ценностей и концептов в информационное поле не следует прямо связывать с политикой. Иногда надо говорить с различными аудиториями как бы с позиций «неангажированной истины», отстранившись от политических реалий и открытой борьбы за интересы. Это задача не действующих политиков, а интеллектуалов, работающих в разных сферах социальных и гуманитарных наук и выступающих в своеобразной роли «хозяев понятий». Но именно здесь, по нашему мнению, открывается слабое звено российского потенциала мягкой силы. И связано это с тем, что в позднесоветский период общественные науки развивались, по сути дела, с постоянной оглядкой на западные образцы. Часто живая исследовательская работа подменялась комментированием этих образцов (выдаваемым, разумеется, за их критику). Вследствие этого российская социальная мысль уже длительное время страдает своего рода «синдромом вторичности», о чем откровенно заговорили в ходе общественных дискуссий лишь в самое последнее время, фактически уже после начала СВО. Осознание проблемы к нам постепенно приходит, однако нельзя сказать, что оно уже в полной мере состоялось.

В качестве иллюстрации этого сошлемся лишь на один конкретный эмпирический факт – данные, полученные в ходе проводившегося в 2017–2019 гг. совместного российско-белорусского исследования. Как показал проведенный опрос, в сознании студенчества двух наших стран

образ России ассоциируется, главным образом, с понятием «сила». А вот, к примеру, имидж КНР ассоциируется с гораздо более широким спектром привлекательных характеристик: это и «эффективность», и «динамизм», и «интеллект» и т. п. [2]. Спрашивается: как же так получается, что достижения российской науки, инженерных школ, образования и культуры «не зафиксировались» в сознании юношества и слабо связаны в их восприятии с понятием «Россия»? И если такой образ России сложился в голове молодых россиян и близких нам белорусов, то можно ли ожидать других реакций, допустим, от американцев, итальянцев или шведов?

Анализируя причины такого восприятия нашей страны, мы пришли к выводу, что России хронически не хватало и все еще не хватает убедительного *нарратива успеха*. Наверно, если бы мы говорили о мягкой силе безотносительно к той роли одного из центров многополярного мира, в которой Россия видит себя в будущем, на теме «нарратива успеха» можно было бы остановиться. Но для державы, претендующей на то, чтобы участвовать в формировании повестки дня современного мира, просто «успеха» мало. Здесь нужна мягкая сила проектного типа, в «месседже» которой вычитывается хотя бы относительно ясный образ будущего. В свое время образ будущего был у Советского Союза, и это давало ему возможность участвовать в «глобальной игре». Отказавшись от советского проекта, Россия довольно долго не могла предложить миру ничего принципиально нового, и по сути дела «плелась в хвосте» западной идеологии. Не проявляя способности определять повестку дня, вести за собой, она не могла вызвать и реакцию эмпатии – ведь копия всегда выглядит более тусклой, чем оригинал. Лишь в самом конце «нулевых» такое положение вещей стало постепенно меняться. По мере того, как социально-исторический процесс начинал проявлять нелинейный характер, а становление новых центров силы создавало эффект вариативности, сформировалась потребность в проработке исторических альтернатив либеральному мейнстриму Запада. В частности, продвигаемая им идеология отказа от традиционных ценностей вызвала к жизни обратную реакцию в виде усиливающегося консервативного запроса. В этой новой исторической ситуации России предоставилась возможность сделать собственную заявку на то, чтобы занять созданную этой обратной реакцией идеологическую нишу. Так появилась идея, на основе которой можно придать мягкой силе России связь с определенным проектом будущего. Однако концептуальная проработка этой возможности только начинается, пока более или менее прояснилось лишь общее направление, в котором надо двигаться. Перспектива наращивания «мягкого» влияния России теперь, очевидно, будет зависеть в первую очередь от способности российских интеллектуальных и политических элит выработать и предъявить миру свои варианты развития современного мира на новых основаниях, соответствующих политическим, технологическим и экологическим вызовам XXI в.

Библиографический список

1. Андреев А. Л. Россия в глобальном образовательном пространстве // Высшее образование в России. 2009. № 12. С. 9–20. EDN: KYDZKH.
2. Андреев А. Л., Лашук И. В. Студенческая молодежь России и Белоруссии: картины мира, ценностные установки, стратегии самореализации. Часть 2 // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Т. 7. № 2(26). С. 34–45. DOI: 10.19181/snsp.2019.7.2.6408; EDN: ZCWKUH.
3. Андреев И. А. Феномен «мягкой силы»: концептуальные, институциональные и технологические аспекты. Дисс... М.: 2023. 23 с.
4. Ассамблея народов Евразии. Международный союз неправительственных организаций. URL: <http://eurasia-assembly.org/ru/chleny-generalnogo-soveta> (дата обращения: 17.11.2022).
5. Бобыло А. М., Севастьянов С. В. «Мягкая сила» России: азиатско-тихоокеанский вектор // Ойкумена. 2016. № 4. С. 75–85. EDN: XHVXAF.
6. Борисов А. В. «Мягкая сила»: специфика отечественного понимания // Международные отношения и мировая политика. 2020. Т. 7. № 2. С. 130–141. DOI: 10.24975/2313-8920-2020-7-2-130-141; EDN: JOTPCU.
7. Ворочков А. П. Институциональное измерение «мягкой силы»: методика анализа и российский опыт // Управленческое консультирование. 2021. № 7 (151). С. 80–97. DOI: 10.22394/1726-1139-2021-7-80-96; EDN: KUFMDW.
8. Информационный портал фонда «Русский мир». Годовые отчеты. URL: <https://ruskiymir.ru/fund/reports.php> (дата обращения: 17.11.2022).
9. Калитько И. И. Российская эстрада как фактор «мягкой силы» России на постсоветском пространстве (на примере Беларуси и Казахстана) // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2020. Т. 10 № 3. С. 29–36. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-29-36; EDN: HUQQUV.
10. Международное движение русофилов. Официальный сайт. URL: <https://mir2023.site/2024/02/08/ntkolaj-malinov-kolichestvo-stran-prisoedinivshih-sya-k-mezhdunarodnomu-dvizheniyu-rusofilov-za-god-vyroslo-vdvoe/> (дата обращения: 11.02.2024).
11. Най Дж. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике. Новосибирск: ФСПИ «Тренды», 2006. 221 с.
12. Нарочницкая Е. А. Крымский вопрос и позиция Франции: критический дискурс французских элит // Перспективы. 2019. № 3. С. 7–24.
13. Николаева Н. А. Возможности и ограничения использования Россией «мягкой силы» в отношении стран Прибалтики. Дисс... М., 2018. 239 с.
14. Путин В. В. Россия и меняющийся мир // Московские новости. 2012. 27 февраля.

15. Толоконникова А. В., Будакова Д. О. Роль телеканала RT в формировании международного имиджа России // Вестник Московского университета. Сер. 10 Журналистика. 2019. № 5. С. 89–119. DOI: 10.30547/vestnik.journ.5.2019.89119; EDN: ACWTIY.

16. Юн С. М. Образование как сфера сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза: проблемы и перспективы // Вестник ТомГУ. История. 2017. № 50. С. 89–92. DOI: 10.17223/19988613/50/13; EDN: ZWDSZV.

17. Barluet A. L'hommage de Poutine a Jacques Chirac, le plus russo-phile des presidents // Le Figaro. 2019. 29 sept.

18. Declassified Documents Concerning Russian President Boris Yeltsin // Clinton Digital Library. Accessed 21.12.2021. URL: <https://clinton.presidentiallibraries.us/>

Получено редакцией: 23.01.24

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андреев Андрей Леонидович, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований; профессор кафедры философии, политологии и социологии

Андреев Иван Андреевич, кандидат политических наук, старший лаборант Центра комплексных социальных исследований; ассистент кафедры истории и философии

DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.7

Russia in the Modern World: The Potential of Soft Power

Andrey L. Andreev

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia;

National Research University "Moscow Power Engineering Institute", Moscow, Russia

Sympathy_06@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1692-573X

Ivan A. Andreev

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia;

Plekhanov Russian Academy of Economics, Moscow, Russia

v-andreev_07@mail.ru

ORCID: 0000-0002-0765-3667

For citation: Andreev A. L., Andreev I. A. Russia in the modern world: the potential of soft power. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 2. P. 98–114. DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.7; EDN: NZMUJG.

Abstract. The article is devoted to a comprehensive description of the conceptual, institutional and technological aspects of the Russian strategy for building up and using so-called soft power. The authors proceed from the fact that the future of Russia as a world power depends significantly on its ability to generate and increase impulses of soft power. The article describes the dynamics of the process of reformatting Russia's soft power potential, starting from the collapse of the USSR in 1991 to the present day. The authors point out that the current state of the Russian Federation, being a successor state of the USSR, inherited the main components of the latter's soft power, including its authority in the field of science and culture, the status of one of the founders of the UN, an extensive network of connections in the intellectual and political elites of various countries etc. However, the changes that took place

in the country in the 1990s significantly influenced the image of Russia in the perception of the population of other countries, as well as the Russians themselves.

The article demonstrates that, contrary to the provisions and conclusions arising from the concept of soft power developed by the American political theorist J. Nye, the policy of rapprochement with the “civilised world” carried out in the 1990s did not lead to an increase in Russia’s influence, but rather had the opposite effect. In fact, this influence has dropped to historic lows. And only from the beginning of the 2000s, in parallel with the strengthening of the political foundations of Russian statehood, the situation began to change for the better, and the process of restoring those factors of “soft” influence that Russia could use began. The article provides a detailed overview of the main components of this process; based on empirical data, it characterises the relationship between positive and negative opinions about Russia in different countries and on different continents. The authors also provide recommendations for improving the strategy for the formation and use of soft power in modern Russia. In particular, in this regard, the authors of the article draw attention to the key importance of a comprehensive elaboration of images of the future and the conceptual foundations of the theory of socio-historical development, corresponding to the multifaceted challenges of the 21st century.

Keywords: soft power, institutional infrastructure of soft power, technologies of influence, image of Russia

References

1. Andreev A. L. Rossiya v globalnom obrazovatelnom prostranstve [Russia in the global educational space]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2009: 12: 9–20 (in Russ.). EDN: KYDZKH.
2. Andreev A. L., Lashuk I. V. Student youth of Russia and Belarus: pictures of the world, value systems, strategies for self-realization. Part 2. *Sociologicheskaya nauka i socialnaya praktika*, 2019: 7: 2(26): 34–45 (in Russ.). DOI: 10.19181/snsp.2019.7.2.6408; EDN: ZCWKUH.
3. Andreev I. A. The phenomenon of “soft power”: conceptual, institutional and technological aspects. Diss... Moscow, 2023: 23 (in Russ.).
4. Eurasian Peoples’ Assembly. International Union of Non-Governmental Organizations. Accessed 17.11.2022. URL: <http://eurasia-assembly.org/ru/chleny-generalnogo-soveta> (in Russ.).
5. Bobylo A. M., Sevastyanov S. V. “Soft power” of Russia: Asia-Pacific vector. *Oikumena*, 2016: 4: 75–85 (in Russ.). EDN: XHVXAF.
6. Borisov A. V. “Soft power”: the specifics of domestic understanding. *International relations and world politics*, 2020: 7: 2: 130–141 (in Russ.). DOI: 10.24975/2313-8920-2020-7-2-130-141; EDN: JOTPCU.
7. Vorochkov A. P. Institutional dimension of “soft power”: methods of analysis and Russian experience. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, 2021: 7 (151): 80–97 (in Russ.). DOI: 10.22394/1726-1139-2021-7-80-96; EDN: KUFMDW.
8. Information portal of the Russkiy Mir Foundation. Annual reports. Accessed 11.17.2022. URL: <https://russskiymir.ru/fund/reports.php> (in Russ.).
9. Kalitko I. I. Russian pop music as a factor of Russia’s “soft power” in the post-Soviet space (on the example of Belarus and Kazakhstan). *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*, 2020: 10: 3: 29–36 (in Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-29-36; EDN: HUQQUV.
10. International movement of Russophiles. Official site. Accessed 02.11.2024. URL: <https://mir2023.site/2024/02/08/ntkolaj-malinov-kolichestvo-stran-prisoedinivshih-sya-k-mezhdunarodnomu-dvizheniyu-rusofilov-za-god-vyroslo-vdvoe/> (in Russ.).
11. Nye J. Flexible power. How to succeed in world politics. Novosibirsk, FSPI “Trendy”, 2006: 221 (in Russ.).
12. Narochitskaya E. A. The Crimean issue and the position of France: critical discourse of the French elites. *Perspektivy*, 2019: 3: 7–24 (in Russ.).
13. Nikolaeva N. A. Vozmozhnosti i ogranicheniya ispol'zovaniya Rossiej «myagkoj sily» v otnoshenii stran Pribaltiki [Possibilities and limitations of Russia’s use of “soft power” in relation to the Baltic countries]. Diss... Moscow, 2018: 239 (in Russ.).
14. Putin V. V. Rossiya i menyayushhijsya mir [Russia and the changing world]. *Moskovskie novosti* [Moscow News]. 2012: February 27 (in Russ.).
15. Tolokonnikova A. V., Budakova D. O. The role of the RT television channel in the formation of the international image of Russia. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10 Zhurnalistika*, 2019: 5: 89–119 (in Russ.). DOI: 10.30547/vestnik.journ.5.2019.89119; EDN: ACWTIY.

16. Yun S. M. Education as a sphere of cooperation within the framework of the Eurasian Economic Union: problems and prospects. *Vestnik TomGU. Istoriya*, 2017: 50: 89–92 (in Russ.). DOI: 10.17223/19988613/50/13; EDN: ZWDSZV.
17. Cuordifede C. Quand la Russie lorgne les vieux “près carrés” de la France. *Marianne*, 2020: 21 oct.
18. Declassified Documents Concerning Russian President Boris Yeltsin. *Clinton Digital Library*. Accessed 21.12.2021. URL: <https://clinton.presidentiallibraries.us/>

The article was submitted on: January 23, 2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Andrey L. Andreev, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher of the Center for Complex Social Studies; Professor of the Department of Philosophy, Political Science and Sociology

Ivan A. Andreev, Candidate of Political Sciences, Senior Laboratory Assistant of the Center for Complex Social Studies; Assistant of the Department of History and Philosophy

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.8

EDN: PRHJIV

Вовлеченность современных родителей в практики, связанные с детьми¹

Ссылка для цитирования: Дорофеева З. Е., Козырева П. М. Вовлеченность современных родителей в практики, связанные с детьми // Вестник Института социологии. 2024. Том 15. № 2. С. 115–131. DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.8; EDN: PRHJIV.

For citation: Dorofeeva Z. Y., Kozyreva P. M. Involvement of modern parents in practices related to children. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 2. P. 115–131. DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.8; EDN: PRHJIV.

SPIN-код: 3984-7680

Дорофеева Злата Евгеньевна^{1,2}

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия;

²НИУ ВШЭ, Москва, Россия

zdorofeeva@hse.ru

SPIN-код: 7548-7264

Козырева Полина Михайловна^{1,2}

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия;

²НИУ ВШЭ, Москва, Россия

pkozyreva@isras.ru

Аннотация. На данных 30-й волны «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» анализируется вовлеченность современных родителей в воспитание детей. Практики вовлеченности представлены в виде конструкта, включающего: подготовку уроков, посещение родительских собраний, чтение, занятия спортом, посещение врача, проведение отпуска, творческие занятия, дополнительные занятия по школьным предметам и изучение информации об уходе и воспитании. Анализ проводится с учетом трех групп показателей: семейных (число детей и наличие других родственников в семье), индивидуальных показателей родителей (образование, длительность времени, затрачиваемого на работу) и индивидуальных показателей детей (пол, возраст). Показан достаточно высокий уровень вовлеченности родителей и значимые различия в показателях

¹ В статье использованы результаты проектов, выполненных в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

матерей и отцов – вовлеченность отцов носит скорее дополняющий характер. Физическая активность с детьми – единственный вид практик, в котором отцы участвуют практически наравне с матерями. Анализируется характер трансформации практик по мере взросления ребенка. Отмечается, что если младший возраст ребенка требует вовлеченности как минимум двух взрослых, то начиная со школьного возраста большинство практик закрепляется только за одним из них, при этом отпуск – это практика, в которой родители чаще всего участвуют совместно. Оценивается вклад других родственников. Показано, что наличие прародителей в домохозяйстве значительно снижает нагрузку матерей. Увеличение числа детей в семье практически не влияет на уровень вовлеченности в целом, но меняет структуру ее практик, при этом снижается уровень вовлеченности других родственников. Наибольшее влияние на вовлеченность оказывают индивидуальные показатели родителей, особенно образование – высшее образование матери повышает число часов, уделяемых детям; большая часть родительского времени связана с подготовкой уроков с детьми, что в свою очередь влияет на успеваемость. Примечателен факт, что число рабочих часов родителей положительно связано с уровнем вовлеченности. Делается вывод о стабильности материнской и уязвимости отцовской вовлеченности.

Ключевые слова: родительская вовлеченность, родительство, родительские практики, РМЭЗ НИУ ВШЭ

Многочисленные зарубежные и российские исследования подтверждают значимое положительное влияние вовлеченности родителей на жизнь детей, в том числе на эффективность образования, академические успехи, здоровье и т. п. Изучением родительской вовлеченности в основном занимаются педагоги, исследования которых во многом сосредоточены на определении роли родителя в образовательном процессе детей и поисках путей взаимодействия между образовательными учреждениями и семьей [15; 16; 17], а также психологи и социологи, фокусирующие свое внимание на образовательном процессе, который становится все более значимой частью родительства [4; 11; 12].

Классическое исследование Дж. Коулмана, ставшее отправной точкой изучения родительской вовлеченности, также было ориентировано на выявление семейных факторов, способствующих повышению эффективности образовательного процесса детей. Несмотря на интерес к теме, эмпирических исследований по данной теме в отечественной науке не слишком много [2; 9], отметим, однако, внимание исследователей к изучению вовлеченности отцов [1; 3; 13].

Большинство зарубежных и отечественных работ, посвященных родительской вовлеченности, определяют это понятие в рамках взаимодействия семьи и школы, подчеркивая тем самым важнейшее значение образования в контексте родительства. Не умаляя данного факта, в представленной работе предлагается более широкое понятие, выходящее за рамки участия в образовательном процессе. Конструкт родительской вовлеченности, рассматриваемый нами, включает девять практик в отношении детей, в числе которых есть как связанные, так и не связанные с образованием ребенка практики, однако, на наш взгляд, они представляют

собой важные показатели, охватывающие ключевые сферы взаимодействия пары ребенок-родитель: *подготовка уроков, посещение родительских собраний, чтение, физическая активность, посещение врача, проведение отпуска, творческие занятия, дополнительные занятия по школьным предметам*, а также *изучение информации об уходе и воспитании*.

Информационную базу исследования составляют данные репрезентативной выборки 30 волны (2021 г.) РМЭЗ НИУ ВШЭ¹ индивидуального уровня, включающие как взрослых респондентов, так и детей от 2 до 14 лет². Всего в анализ включено 1612 наблюдений по детям, а также данные по их родителям: 893 – уникальных наблюдения по отцам и 1095 – по матерям. В работе последовательно рассмотрены факторы, оказывающие влияние на родительскую вовлеченность, которые объединены в три группы: индивидуальные показатели самих детей, на которых направлены родительские практики; показатели семьи в целом и индивидуальные показатели родителей.

Общий уровень родительской вовлеченности невозможно оценить без учета факта наличия родителей в домохозяйстве. Всего согласно анализируемому данным 96% детей от 2 до 14 лет живут вместе с матерью, 79,9% – вместе с отцом, с обоими родителями – 78,1%, без родителей – 2,2%. Имеют только одного родителя в домохозяйстве – 19,7%, из них 17,9% живут с матерью, 1,8% – с отцом. 95,9% матерей и 71,7% отцов, проживающих вместе с ребенком, принимают какое-либо участие в родительских практиках. Кроме того, четверть отцов, проживающих отдельно (25,8%), также участвуют в жизни ребенка. При оценке числа практик, которое берут на себя родители, выясняется, что более половины отцов включаются в одну-две практики, матери в среднем берут на себя четыре вида практик. Более наглядной является оценка вовлеченности родителей с помощью специально рассчитанного показателя³ (см. рис. 1). Обращает на себя внимание тот факт, что нормальное распределение показателя наблюдается только у матерей, у отцов график представляет собой нисходящую линию. Помимо показателя вовлеченности отцов в целом на графике представлены данные по отцам, совместно проживающим в домохозяйстве с ребенком. Такой разрез, в частности, дает возможность оценить долю отцов, проживающих вместе с ребенком, но не принимающих участия в практиках взаимодействия с детьми (16,8%), а также фиксирует более высокий уровень их вовлеченности при совместном проживании.

¹ «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE)», проводимый НИУ «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии ФНИСЦ РАН. (Сайты обследования RLMS HSE: <http://www.hse.ru/rlms>, <https://rlms-hse.cpc.unc.edu>).

² Ограничение возраста детей по нижней границе связано с набором исследуемых практик, большая часть которых применима к детям старше 2 лет.

³ Показатель представляет собой шкалу от 0 до 9, где 0 означает абсолютную невовлеченность взрослого (не включен ни в одну из практик), а 9 – максимально вовлечен (включен во все виды практик, зафиксированных в данных исследования).

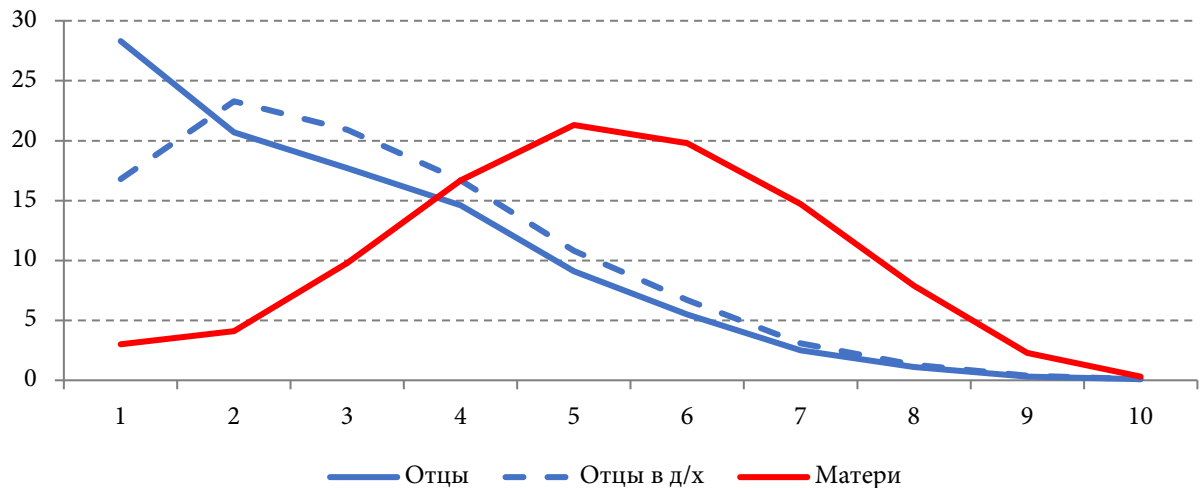

Рис. 1. Распределение показателя общей вовлеченности родителей

Figure 1. Distribution of overall parental involvement indicator

Рассмотрим подробнее, как именно происходит распределение родительских практик внутри семьи, выявим наиболее распространенные практики (см. рис. 2). Так, посещают родительские собрания, в том числе онлайн, более 90% матерей и 28,1% отцов. Матери посещают врачей и занимаются творчеством с ребенком в 4 раза чаще, чем отцы; занимаются уроками, дополнительными занятиями и изучают информацию об уходе и воспитании – в 3 раза чаще.

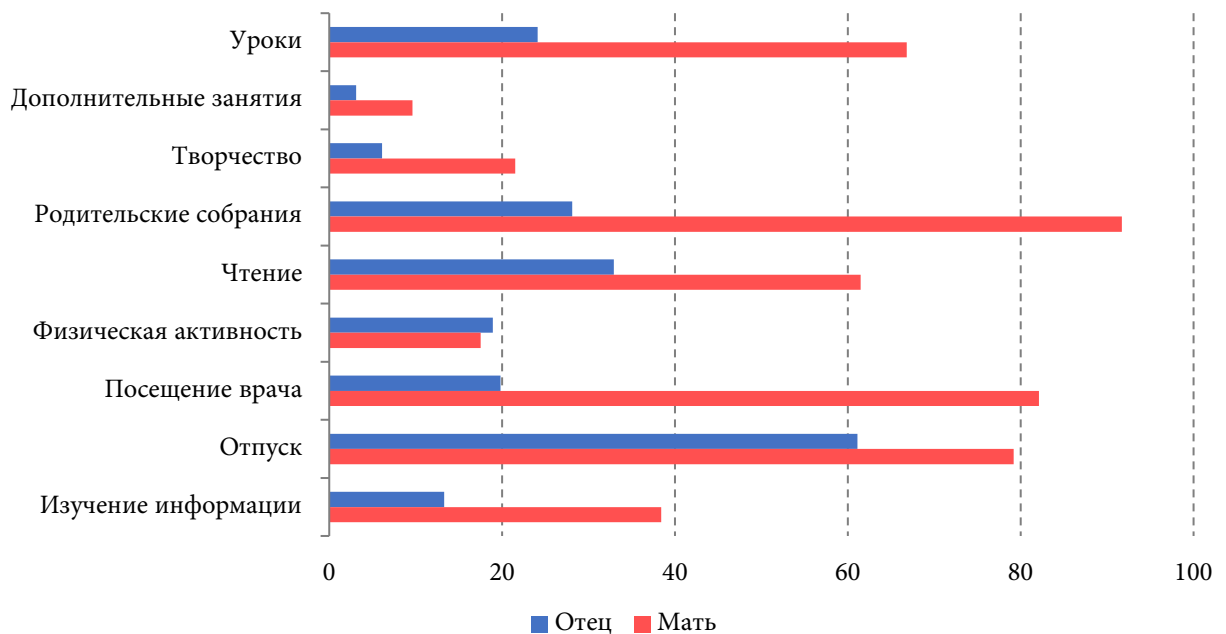

Рис. 2. Распределение практик вовлеченности взрослых, %

Figure 2. Distribution of adult involvement practices, %

Наибольший уровень вовлеченности отцов отмечается во время проведения отпуска. И эта отцовская практика лучше всего согласуется с материнской¹, иначе говоря, это та практика, в которую родители

¹ При расчете учитывались только наблюдения, имеющие данные по обоим родителям. Коэффициент $\varphi=0,645$.

чаще включаются вместе. Отцы также вносят значимый вклад в практику чтения – каждый третий отец читает детям. Физическая активность – это тот вид практик, в котором отцы принимают участие практически наравне с матерями, причем более 40% детей, которые включены в практики физической активности, делают это с обоими родителями.

Зависимость вовлеченности родителей от индивидуальных показателей детей

Очевидно, что уровень родительской вовлеченности меняется в зависимости от возраста детей, что связано не только с их взрослением, но и с включением в систему образования. В ходе работы дети были объединены в 3 возрастные группы: 2–5 лет (дошкольный период детства), 6–10 лет (период начальной школы) и 11–13 лет (начало подросткового периода), что позволило увеличить наполняемость групп для анализа (см. табл. 1).

Таблица 1 (Table 1)

Вовлеченность родителей в жизнь детей в зависимости и возраста ребенка, %
Involvement of parents in the lives of children depending on the age of the child, %

Виды практик	2–5 лет		6–10 лет		11–14 лет	
Уроки (отец)	---	---	28,8	28,8	18,2	18,2
Уроки (мать)	---	---	77,7	77,7	53,1	53,1
Доп. Занятия (отец)	2,6	2,7	4,0	4,0	2,1	2,1
Доп. Занятия (мать)	11,2	11,5	11,0	11,0	6,2	6,2
Творчество (отец)	10,6	10,8	5,2	5,2	3,7	3,7
Творчество (мать)	40,9	41,3	20,4	20,4	6,6	6,6
Родительские собрания (отец)	27,0	26,9	28,6	28,6	27,8	27,8
Родительские собрания (мать)	91,5	91,8	92,2	92,2	90,9	90,9
Чтение (отец)	59,2	59,3	33,6	33,6	9,0	9,0
Чтение (мать)	90,5	90,5	67,0	67,0	28,3	28,3
Физическая активность (отец)	28,0	28,1	19,9	19,9	9,6	9,6
Физическая активность (мать)	29,1	29,2	16,6	16,6	8,9	8,9
Посещение врача (отец)	23,9	24,4	21,3	21,3	13,8	13,8
Посещение врача (мать)	87,8	88,0	82,1	82,1	77,1	77,1
Отпуск (отец)	65,7	66,0	63,1	63,1	54,3	54,3
Отпуск (мать)	79,9	80,6	83,1	83,1	72,9	72,9
Изучение информации (отец)	18,8	18,9	15,0	15,0	6,1	6,1
Изучение информации (мать)	53,6	54,0	38,7	38,7	24,6	24,6

Жирным шрифтом выделены статистически значимые различия по возрасту. Статистика Хи-квадрат значима на уровне 0,05.

Родительские собрания – это единственный вид практик, который не зависит от возраста ребенка. Больше всего от возраста ребенка зависят творческие занятия (в каждой следующей возрастной группе процент практически снижается вдвое), а также практика чтения – чаще всего читают

малышам 2–5 лет (матери – 90,5, отцы – 59,3%), в следующей возрастной группе 6–10 лет, когда дети, как правило, уже умеют читать самостоятельно, вовлеченность родителей в практику чтения заметно снижается (67 и 33,6% соответственно), и с началом подросткового периода лишь матери продолжают относительно активно читать детям (28,3%), в то время как участие отцов заметно меньше (9%). Также с возрастом заметно снижается и без того невысокий уровень вовлеченности родителей в физическую активность с детьми. Помощь с уроками предсказуемо больше востребована детьми начальной школы, далее участие взрослых снижается. И даже посещение врача с ребенком требует меньшей вовлеченности взрослых с взрослением ребенка. Изучение информации о воспитании наиболее актуально для родителей детей самого младшего возраста, при этом если с взрослением детей, вступлением их в подростковый период, интерес отцов к этому вопросу снижается до минимальных 6%, то среди матерей почти каждая четвертая продолжает отслеживать актуальную информацию. Полученные результаты о снижении интереса к вопросам воспитания и ухода по мере взросления ребенка сопоставимы с выводами коллег, которые, однако, выделяют также «пик растерянности» родителей, когда дети идут в школу [10]. Результаты нашего анализа этот пик не зафиксировали.

При добавлении переменной пола ребенка в анализ обнаруживаем гендерные различия – родители чаще включаются в подготовку уроков в начальной школе именно с сыновьями: 33,9% отцов занимаются уроками с сыновьями и 23,5% – с дочерьми, матери – 81,5 и 73,8% соответственно. И тут мы имеем дело не с сыноцентризмом, а с гендерными особенностями развития детей – мальчики сложнее адаптируются в начальной школе, им нужна бóльшая родительская вовлеченность, чтобы успешно встроиться в учебный процесс [7]. Анализ практик отцов также показал гендерные различия в посещениях родительских собраний и чтении, однако они меняются с возрастом ребенка. Так, отцы чаще посещают родительские собрания, касающиеся их дочерей младшего возраста (сыновья – 23,7%, дочери – 31%) и сыновей подросткового возраста (сыновья – 31,9%, дочери – 23,7%). Читают отцы чаще дочерям самого юного возраста (2–5 лет) – 64,7%, сыновьям того же возраста – 54,8%. Творчеством родители чаще занимаются с девочками, чем с мальчиками.

Количество людей, включенных в различные практики, отражает распределение нагрузки на взрослых в процессе воспитания ребенка (см. рис. 3). Примечательно, что начиная со школьного возраста большинство практик в значительной мере закреплено только за одним взрослым. Учитывая данные, рассмотренные выше, очевидно, что в большинстве случаев это матери. В дошкольном возрасте, когда ребенок требует максимального внимания, родительские практики чаще, чем в более старшем возрасте, разделяют двое и более взрослых (включая других родственников). Практикой, в которую чаще всего включены именно двое взрослых, является проведение отпуска с ребенком. Более двух взрослых включаются в практики чтения детям младшего возраста, подготовки уроков в начальной школе и опять же при проведении совместного отпуска.

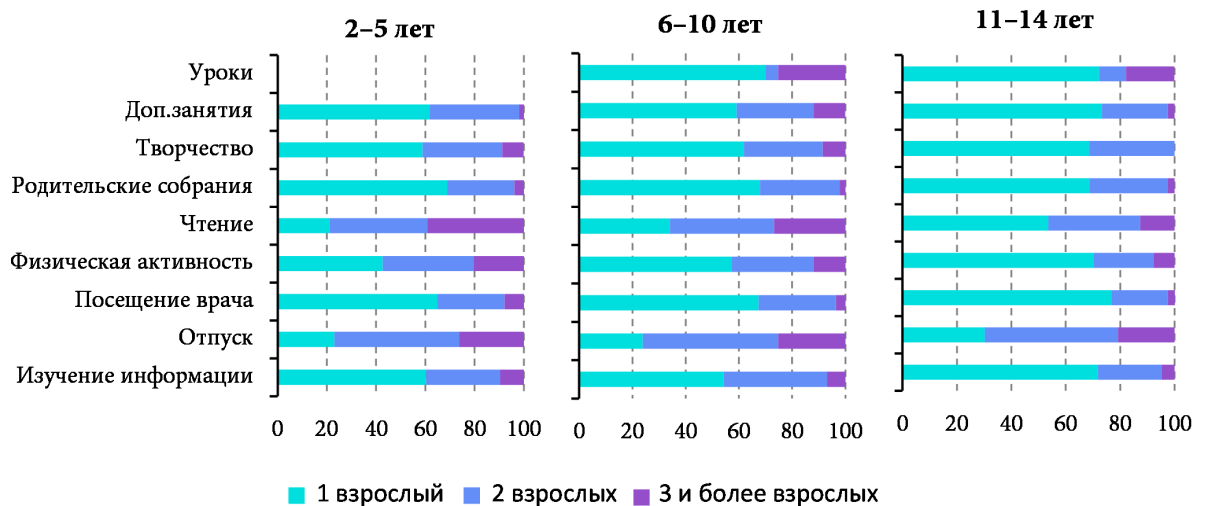

Рис. 3. Распределение по числу взрослых, вовлеченных в родительские практики в зависимости от возраста детей, %

Figure 3. Distribution of the number of adults involved in parenting practices depending on the age of the children, %

Влияние показателей семьи на вовлеченность

Очевидной кажется гипотеза о влиянии состава семьи на вовлеченность взрослых в практики взаимодействия с детьми, причем интересно оценить как влияние наличия взрослых членов домохозяйства, так и общего числа детей. Традиционно в нашей стране значимую роль в жизни детей играли бабушки. Оценим, какая доля детей проживает в одном домохозяйстве с прародителями и рассмотрим, как это влияет на распределение практик, касающихся детей. В целом каждый третий ребенок проживает в домохозяйстве с бабушкой или дедушкой (33,4%), из них 32% имеют бабушек и 14,7% – дедушек, имеют обоих прародителей – 13,4%. Анализ показал, что наличие прародителей в семье, особенно бабушек, снижает уровень вовлеченности матерей. К сожалению, данные не позволяют определить состав категории «других родственников», вовлеченных в практики взаимодействия с ребенком, мы можем лишь предположить, что это и есть бабушки и дедушки, наличие которых в семье статистически значимо повышает вовлеченность категории «других родственников» по всем без исключения видам практик. Учитывая это предположение, отметим, что «невключенных» дедушек и бабушек, проживающих в одном домохозяйстве с ребенком, насчитывается 23–24%. Важно также подчеркнуть, что при отсутствии прародителей в домохозяйстве 44,6% детей вовлечены в практики взаимодействия с другими родственниками. Наибольшая вовлеченность других родственников при наличии бабушек и дедушек проявляется в практиках чтения и подготовки домашних заданий.

Рассмотрим далее, как число детей в семье, влияет на родительскую вовлеченность. 21,6% детей, в отношении которых рассматриваются родительские практики в данной работе, имеют не менее 2 родных или сводных несовершеннолетних братьев или сестер, проживающих в домохозяйстве, такие семьи мы с некоторой долей условности будем называть

многодетными. Еще 43% имеют одного брата или сестру. И лишь 35,4% являются единственными детьми в семье. Для анализа выделим семьи с одним ребенком, с двумя детьми и многодетные семьи, т. е. семьи с тремя и более несовершеннолетними детьми.

В первую очередь отметим, что сам факт вовлеченности взрослых в практики не зависит от числа детей в семье. Различия заметны при оценке рассмотрении видов практик, которые берут на себя родители. В целом большее количество детей означает меньшую вовлеченность взрослых по отдельным видам практик, что логично объясняется возрастанием общей нагрузки на взрослых. К примеру, матери, имеющие одного ребенка, значительно чаще помогают ему с выполнением домашних заданий, занимаются с ним физической активностью и берут в отпуск, в то же время распространенность практики чтения не зависит от числа детей. Этот факт можно объяснить тем, что в отличие от большинства других видов практик, требующих вовлеченности, четко направленной на конкретного ребенка – например, подготовка уроков – практика чтения может быть одновременно направлена на нескольких детей, не увеличивая кратно затрачиваемые ресурсы.

Примечательно, что вовлеченность отцов в ряде случаев (например, в практиках посещения родительских собраний и проведения отпуска) возрастает в семьях с двумя детьми, и сокращается, когда детей трое и более. Двое детей требуют больших родительских ресурсов, чем один ребенок, в то же время с первым ребенком в семье уже сформирован определенный опыт и алгоритм действий, который реализуется с последующими детьми. В семьях с тремя и более детьми меняется общая структура распределения родительских практик – как правило, матери, оставляя работу, больше фокусируются на семейных практиках, в то время как отцы больше заняты на рынке труда [6]. С появлением третьего ребенка в семье снижается потребность родителей в изучении информации о методах воспитания и уходе, при этом каждая третья многодетная мать продолжает изучать подобную информацию, для сравнения среди матерей единственного ребенка таких 44,1%.

Помощь других родственников семьям с тремя и более детьми, т. е. тем, кому она, казалось бы, нужна больше других, оказывается минимальной. К примеру, в отпуск родственники берут детей из многодетных семей вдвое реже, чем единственных в семье детей. Еще больший разрыв наблюдается в практиках посещения врача в этом контексте. И здесь играет роль целый комплекс факторов. С одной стороны, первый ребенок в семье – это новый опыт для родителей, поддержка со стороны родственников позволяет семье адаптироваться к новым ролям, перенять опыт, высвободить время, с другой стороны – и сами родственники проявляют больший интерес к первому ребенку в молодой семье, они готовы взять часть забот и ответственности за ребенка на себя. К рождению второго ребенка у родителей уже есть собственный накопленный опыт, представления о методах взаимодействия с ребенком, которые могут противоречить методам родственников и вызывать конфликты, а самим родственникам брать на себя двоих детей уже сложнее. И наконец трое и более детей – это объективно серьезная нагрузка, объем которой максимально ложится на родителей, в то время как родственники готовы оказывать поддержку лишь

ситуативно. Немаловажным фактом также является то, что к моменту появления третьего ребенка в семье сами родственники становятся старше, усугубляются проблемы со здоровьем, что, очевидно, снижает их возможности.

Зависимость вовлеченности взрослых от индивидуальных показателей родителей

Пожалуй, одним из наиболее изученных аспектов родительской вовлеченности является влияние индивидуальных показателей родителей, особенно матерей. В работах неоднократно показано, что современные родители больше вовлечены, чем родители предыдущих поколений [5], с высоким социально-экономическим статусом больше, чем с низким [18], а структура бюджета времени самих детей в значительной степени зависит от образования родителей [8]. Тем не менее остановимся на этом сюжете и попробуем обогатить научные представления о проблеме.

Действительно наличие высшего образования у родителей заметно увеличивает уровень вовлеченности в практики взаимодействия с детьми (см. табл. 2). Исключение составляют лишь практики посещения родительских собраний, различия по которым не имеют статистической значимости.

Таблица 2 (Table 2)

**Вовлеченность отцов и матерей в жизнь детей
в зависимости от наличия высшего образования у родителей, %**
*Involvement of fathers and mothers in the lives of children depending
on whether parents have higher education, %*

Виды практик	Нет в/о у обоих родителей	В/о у одного из родителей	Оба родителя с в/о
Уроки (отец)	22,4	32,8	37,5
Уроки (мать)	62,5	75,0	76,1
Дополнительные занятия (отец)	1,7	5,1	5,8
Дополнительные занятия (мать)	6,2	13,8	14,8
Творчество (отец)	4,5	8,6	11,0
Творчество (мать)	19,4	23,2	30,1
Родительские собрания (отец)	30,1	31,9	37,3
Родительские собрания (мать)	94,1	95,6	92,7
Чтение (отец)	29,8	43,5	51,6
Чтение (мать)	58,1	65,7	72,3
Физическая активность (отец)	16,3	24,3	31,7
Физическая активность (мать)	13,4	17,8	25,2
Посещение врача (отец)	18,7	21,4	33,5
Посещение врача (мать)	80,6	84,1	91,9
Отпуск (отец)	60,5	77,4	81,6
Отпуск (мать)	71,8	88,3	88,4
Изучение информации (отец)	9,8	14,8	27,8
Изучение информации (мать)	31,0	41,1	55,0

Фоном выделены статистически значимые различия. Статистика Хи-квадрат значима на уровне 0,05.

Чтобы наглядно оценить, насколько высшее образование родителей влияет на практики вовлеченности, представим разницу уровня распространенности практик в зависимости от наличия высшего образования у матерей и отцов, иными словами, получив результаты для родителей с высшим образованием и без него, вычтем одно из другого, а результаты этой разницы представим графически (см. рис. 4).

Графики наглядно демонстрируют, что образование дает значимый прирост показателей родительской вовлеченности практически по всем практикам. Практика посещения родительских собраний почти не подвержена влиянию образования родителей, статистические различия наблюдаются только в практиках отцов, наличие у них высшего образования повышает вовлеченность в эту практику на 10%. Практики дополнительных занятий и творчества также минимально зависят от образования родителей, особенно у отцов. Вполне логично, что наиболее существенно наличие высшего образования сказывается на практике изучения информации о детях, давая прирост порядка 15% для обоих родителей.

Образование матерей заметно повышает распространенность практики проведения совместного отпуска с ребенком не только для отцов (на 20%), но и для них самих (на 15%). Тут, пожалуй, важно отметить связь высшего образования с повышением вероятности выхода женщины на рынок труда и с уровнем дохода. Выход обоих родителей на рынок труда дает семье большую финансовую возможность проводить совместный отпуск с ребенком.

Особое внимание обращает на себя практика чтения детям, где значимую роль играет образование обоих родителей.

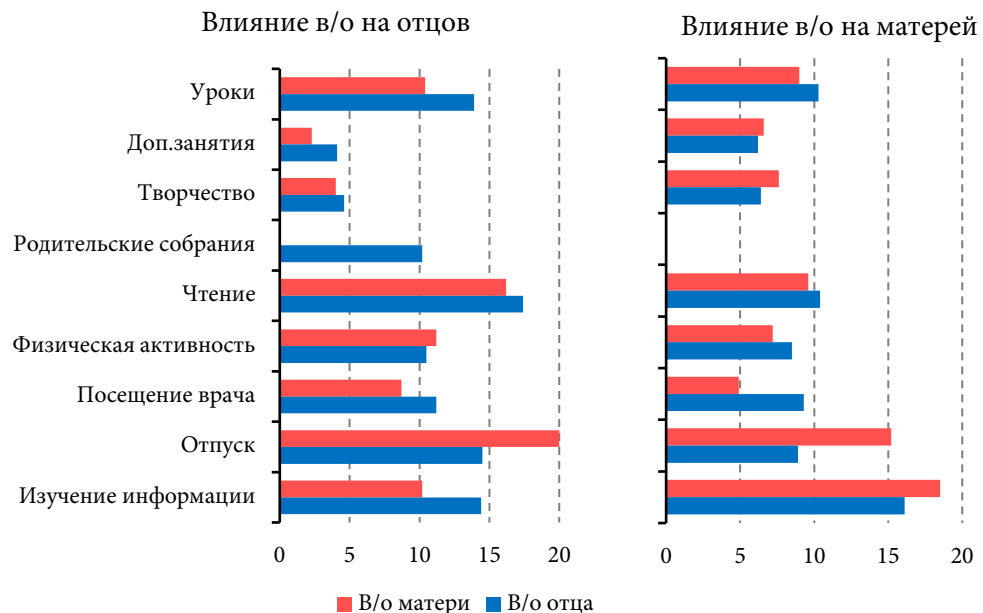

Рис. 4. Разница распространенности практик родительской вовлеченности в зависимости от наличия высшего образования у отцов и матерей, %¹

Figure 4. Difference in the prevalence of parental involvement practices depending on the presence of higher education among fathers and mothers, %

¹ На рисунке представлены результаты вычисленной разницы для показателей, имеющих статистически значимые различия.

Рассматривая проблему родительской вовлеченности в данной работе, целесообразно не только зафиксировать распространенность практик, но и оценить объем родительского времени, уделяемого детям. Данные РМЭЗ НИУ ВШЭ позволяют оценить число часов, затрачиваемых на практики, связанные с ребенком, и соотнести их со временем, которое родители проводят на работе. Казалось бы, очевидной является гипотеза, что родительская вовлеченность имеет обратную связь с количеством рабочих часов родителей. Для ее проверки в качестве независимой переменной была выбрана продолжительность рабочей недели в часах для отцов и матерей. Анализ показал положительную корреляцию числа родительских практик с интенсивностью занятости на рынке труда¹ (см. табл. 3).

Таблица 3 (Table 3)

**Вовлеченность отцов и матерей в жизнь детей
в зависимости от числа рабочих часов в неделю, часы**
*Involvement of fathers and mothers in the lives of children
depending on the number of working hours per week, hours*

Виды практик	Часы работы матери		Часы работы отца	
	Делают	Нет	Делают	Нет
Уроки (отец)	33,58	29,08	38,78	27,02
Уроки (мать)	31,50	27,62	33,13	23,20
Дополнительные занятия (отец)	32,37	28,70	40,12	31,62
Дополнительные занятия (мать)	30,35	28,69	37,75	31,27
Творчество (отец)	35,25	28,37	40,35	31,36
Творчество (мать)	30,59	28,33	36,74	30,55
Родительские собрания (отец)	29,71	30,47	37,37	30,19
Родительские собрания (мать)	31,35	19,30	33,03	23,27
Чтение (отец)	30,97	27,76	40,44	28,03
Чтение (мать)	29,31	28,23	35,12	26,97
Физическая активность (отец)	30,20	28,50	40,34	29,90
Физическая активность (мать)	29,18	28,84	34,99	31,19
Посещение врача (отец)	30,37	28,36	39,14	30,18
Посещение врача (мать)	29,92	24,06	33,45	24,87
Отпуск (отец)	30,22	28,26	39,11	22,14
Отпуск (мать)	31,73	24,40	33,96	27,95
Изучение информации (отец)	30,72	28,58	41,19	30,72
Изучение информации (мать)	29,39	28,63	34,98	30,12

Фоном выделены статистически значимые различия. Статистика значима на уровне 0,05.

Так, матери, посещающие родительские собрания, работают на 12 часов в неделю больше, чем не посещающие; те, кто проводит отпуск с ребенком, заняты на 7 часов больше, в среднем по всем исследуемым

¹ Корреляция Пирсона составляет 0,315 для отцов и 0,205 для матерей.

практикам разница для матерей составляет около 4 часов в неделю. Интенсивность занятости отцов на рынке труда оказывает еще большее влияние – в среднем 10,5 часов в неделю. Отцы, уделяющие детям время на чтение и уроки, заняты на 12 часов в неделю больше; занимающиеся физической активностью с детьми и изучающие информацию о детях – на 10 часов. А увеличение рабочих часов отца на 17 пунктов позволяет семье чаще проводить совместных отпусков.

Как уже было отмечено выше, по ряду показателей данные позволяют оценить количество часов, затрачиваемых родителями и другими родственниками на занятия с детьми – среди них часы на уроки, дополнительные занятия, творчество и физическую активность. Анализ показал, что объем рабочего времени родителей положительно связан с суммой часов, затрачиваемых на выделенные практики¹. Этот факт противоречит ресурсному подходу, предполагающему обратную связь времени, затрачиваемого на работу и на семью. Так, например, в работе О. Н. Борисовой, оценивающей межстрановые различия отцовской вовлеченности, показано ограничивающее влияние работы мужчины на отцовскую вовлеченность [3]. В то же время результаты ряда исследований показывают, что в отличие от материнской отцовская вовлеченность является весьма уязвимым конструктом, подверженным влиянию целого ряда факторов, среди которых занятость на рынке труда и удовлетворенность условиями труда – отцы, чувствующие себя успешными на работе, активнее включаются в практики заботы о детях, и наоборот – неудачи на рынке труда снижают уровень вовлеченности [14]. Анализ, проведенный на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ, не подтвердил эту связь для отцов, для матерей же удовлетворенность условиями труда и графиком работы имеют слабую положительную связь с количеством часов, уделяемых детям.

В среднем матери занимаются с детьми порядка 2,5 часов в неделю, отцы – около часа². В городе с детьми занимаются в среднем почти на 1,5 часа больше, чем в селе. Младшим школьникам достается родительского внимания почти на 2 часа больше, чем подросткам, по полу статистически значимых различий нет. Образование родителей, особенно образование матери, положительно влияет на число часов, затрачиваемых на детей.

Большая часть оцениваемого родительского времени приходится на подготовку уроков, из них более 2 часов с детьми занимаются матери. При этом первые три года учебы ребенка в школе матери занимаются в среднем 3 и более часов с ребенком, далее время снижается, и лишь к восьмому классу матери тратят на уроки ребенка менее часа в неделю. Около часа уходит на физическую активность, менее получаса – на творчество и лишь 10–15 минут на дополнительные занятия. Состояние здоровья родителей по самооценке практически не оказывает влияния на часы, затрачиваемые на занятия с детьми, за исключением дополнительных занятий, на которые родителям с плохим или средним здоровьем практически не удается выделить время.

¹ 0,183 для отцов и 0,127 для матерей. Корреляция Спирмена значима на уровне 0,01.

² Приводятся расчеты только по показателям, включенным в исследование, общий объем времени, посвящаемый детям очевидно значительно выше.

Объем времени, которое родители посвящают своим детям, положительно связан¹ со временем самостоятельных или организованных занятий детей, т. е. такие дети в целом больше включены в образовательный процесс. На успеваемости детей значимо отражается вклад матерей. Матери «хорошистов» и «отличников» уделяют детям в два раза больше времени, чем матери, чьи дети получают более низкие отметки. Статистически значимой связи с количеством часов, уделяемых отцами и другими родственниками, не обнаружено.

Заключение

Проведенный анализ зафиксировал достаточно высокий уровень вовлеченности матерей в практики, связанные с детьми. В целом соотношение родительской вовлеченности, выраженное в процентном соотношении числа часов, уделяемых детям отцом к соответствующему показателю матери составляет около 40%. Вовлеченность отцов значительно ниже и скорее дополняет практики матери. Единственная практика, в которой отцы готовы проявлять себя самостоятельно – физическая активность с детьми, преимущественно мальчиками в возрасте 6–9 лет. Более четверти детей не вовлечены в практики с отцами, 15% детей вовлечены только во взаимодействие с матерями.

Образование родителей существенно увеличивает уровень их вовлеченности – не только расширяется набор практик, связанных с детьми, но и увеличивается объем времени, посвящаемый детям. Особенно важную роль в этом процессе играет образование матери.

Максимальный уровень вовлеченности взрослых приходится на период от 2 до 8 лет, далее по мере взросления ребенка родительская вовлеченность снижается, уменьшается число включенных взрослых, число активных практик. Качественное изменение структуры практик происходит в момент включения ребенка в систему образования – освоение навыков ребенком требует повышенной вовлеченности родителей, более ярко начинают проявляться гендерные особенности взаимодействия с детьми – так, например, мальчики требуют большего родительского участия в начальной школе, чем девочки. Как минимум две практики могут быть отнесены к исключительно родительским (родительские собрания и посещение врача) – участие в них других родственников минимально. Помощь родственников проявляется в практиках чтения детям и подготовки домашних заданий. При этом помощь родственников заметна скорее на этапе становления родительства – в семьях с одним маленьким ребенком – именно в этот момент в процесс ухода вовлечено максимальное число взрослых, в многодетных семьях, имеющих уже солидный опыт, она минимальна.

¹ Корреляция Пирсона, показывающая связь между временем на дополнительные занятия (без родителей) и общим временем, посвящаемым взрослыми ребенку, составляет 0,271. Корреляция значима на уровне 0,01.

В заключение отметим, что материнская вовлеченность является более стабильной и устойчивой, в то время как отцовская подвергается большему влиянию различных факторов, представляя собой достаточно уязвимый конструкт. В то же время неожиданным результатом оказался факт, что отцовская вовлеченность положительно связана с числом часов на работе.

Библиографический список

1. Авдеева А. В. «Вовлеченное отцовство» в современной России: стратегии участия в уходе за детьми // Социологические исследования. 2012. № 11. С. 95–104. EDN: PGXURD.
2. Антипкина И. В., Любичкая К. А., Нисская А. К. Вовлеченность родителей третьеклассников в учебные дела детей // Вопросы образования. 2018. № 4. С. 230–260. DOI: 10.17323/1814-9545-2018-4-230-260; EDN: YQDRUL.
3. Борисова О. Н. Отцовская вовлеченность: индивидуальные и межстрановые различия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 6(142). С. 263–286. DOI: 10.14515/monitoring.2017.6.13; EDN: YLYOJW.
4. Гошин М. Е., Григорьев Д. С., Мерцалова Т. А. Типы родительской вовлеченности в образование и успеваемость школьников // Вопросы психологии. 2019. № 2. С. 29–45. EDN: JAOJTD.
5. Дорофеева З. Е., Козырева П. М. Трансформация практик вовлеченности родителей в жизнь детей // Социологические исследования. 2023. № 8. С. 86–100. DOI: 10.31857/S013216250027370-0; EDN: VBDNOL.
6. Дорофеева З. Е. Распределение ролей в высокоресурсных многодетных семьях // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Том. 9. № 3. С. 73–87. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.3.8434; EDN: WSJHCG.
7. Еремеева В. Д., Хризман Т. П. Мальчики и девочки – два разных мира. СПб.: Тускарора, 2001. 180 с.
8. Косарецкий С. Г., Куприянов Б. В., Филиппова Д. С. Особенности участия детей в дополнительном образовании, обусловленные различиями в культурно-образовательном и имущественном статусе семей и месте проживания // Вопросы образования. 2016. Вып. 1 (март). С. 168–190. DOI: 10.17323/1814-9545-2016-1-168-190; EDN: VSARUX.
9. Любичкая К. А. Родительская вовлеченность в формирование образовательного пространства детей // Педагогика. 2019. № 8. С. 64–72. EDN: UAPJAJ.
10. Михайлова Я. Я., Сивак Е. В. Научное родительство? Что волнует родителей и какими источниками информации они пользуются // Вопросы образования. 2018. № 2. С. 8–25. DOI: 10.17323/1814-9545-2018-2-8-25; EDN: XSHHED.
11. Поливанова К. Н. Современное родительство как предмет исследования [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2015. Т. 7. № 3. С. 1–11. DOI: 10.17759/psyedu.2015070301; EDN: UKSICV.

12. Чернова Ж. В., Шпаковская Л. Л. Дискурсивные модели современного российского родительства // *Женщина в Российском обществе*. 2013. № 2(67). С. 14–26. EDN: RAGHVN.
13. Шевченко И. О. Отцы и отцовство в современной России: социологический анализ. М.: Тривант, 2019. 298 с.
14. Doherty W. J., Kouneski E. F., Erickson M. F. Responsible Fathering: An Overview and Conceptual Framework // *Journal of Marriage and the Family*. 1998. Vol. 60. No. 2. P. 277–292. DOI: 10.2307/353848.
15. Eccles J., Harold R. Family Involvement in Children's and Adolescents' Schooling // *Family-school Links: How Do They Affect Educational Outcomes?* / Ed. by A. Booth, J. F. Dunn. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1996. P. 3–34. DOI: 10.4324/9781315827407.
16. Epstein J. School and Family Partnerships // *Encyclopedia of Educational Research* / Ed. by M. Alkin. N. Y.: MacMillan, 1992. P. 1139–1151.
17. Hornby G., Blackwell I. Barriers to parental involvement in education: an update // *Educational Review*. 2018. Vol. 70. No. 1. P. 109–119. DOI : 10.1080/00131911.2018.1388612.
18. Park S., Holloway S. D. No Parent Left Behind: Predicting Parental Involvement in Adolescents' Education Within a Sociodemographically Diverse Population // *The Journal of Educational Research*. 2013. Vol. 106(2). P. 105–119. DOI: 10.1080/00220671.2012.667012.

Получено редакцией: 09.02.24

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Дорофеева Злата Евгеньевна, кандидат социологических наук, научный сотрудник Центра лонгитюдных обследований Института социальной политики; научный сотрудник Отдела исследования динамики социальной адаптации

Козырева Полина Михайловна, доктор социологических наук, первый заместитель директора Института; заведующая Центром лонгитюдных обследований Института социальной политики

DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.8

Involvement of Modern Parents in Practices Related to Children¹

Zlata Y. Dorofeeva

HSE University, Moscow, Russia;
Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia
zdorofeeva@isras.ru
ORCID: 0000-0003-2099-624X

¹ The article uses the results of the projects carried out within the framework of the Basic Research Program of HSE University.

Polina M. Kozyreva

**Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia;
HSE University, Moscow, Russia**

pkozyreva@isras.ru

ORCID: 0000-0002-3034-8521

For citation: Dorofeeva Z. Y., Kozyreva P. M. Involvement of modern parents in practices related to children. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 2. P. 115–131. DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.8; EDN: PRHJIV.

Abstract. Using data from the 30th wave of the “The Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics (RLMS-HSE)”, the involvement of modern parents in raising children is analysed. Involvement practices are presented in the form of a construct that includes: preparing lessons, attending parent-teacher meetings, reading, playing sports, visiting a doctor, spending vacations, creative activities, additional classes in school subjects, and studying information about care and education. The analysis is carried out taking into account three groups of indicators: family (number of children and the presence of other relatives in the family), individual indicators of parents (education, length of time spent at work) and individual indicators of children (gender, age). A fairly high level of parental involvement and significant differences in the indicators of mothers and fathers are shown – the involvement of fathers is rather complementary in nature. Physical activity with children is the only type of practice in which fathers participate almost equally with mothers. The nature of the transformation of practices as the child grows up is analysed.

It is noted that if the child’s younger age requires the involvement of at least two adults, then starting from school age, most practices are assigned to only one of them, while vacation is a practice in which parents most often participate jointly. The contribution of other relatives is assessed. It has been shown that the presence of grandparents in the household significantly reduces the workload of mothers. An increase in the number of children in a family has virtually no effect on the level of involvement in general, but it changes the structure of its practices, while the level of involvement of other relatives decreases. The greatest influence on involvement is exerted by the individual indicators of parents, especially education – a mother’s higher education increases the number of hours devoted to children; Most of parental time is spent preparing lessons with children, which in turn affects academic performance. It is noteworthy that the number of hours parents work is positively related to the level of involvement. The conclusion is made about the stability of maternal and vulnerability of paternal involvement.

Keywords: parental involvement, parenting, parenting practices, RLMS HSE

References

1. Avdeeva A. V. ‘Involved Fatherhood’ in Russia Today: Strategies of Participating in Children Care. *Sotsiologicheskkiye issledovaniya*, 2012: 11: 95–104 (in Russ.). EDN: PGXURD.
2. Antipkina I. V., Lyubitskaya K. A., Nisskaya A. K. (2018) Third-Grade Parent’s Involvement in Schools. *Voprosy obrazovaniya*, 2018: 4: 230–260 (in Russ.). DOI: 10.17323/1814-9545-2018-4-230-260; EDN: YQDRUL.
3. Borisova O. N. Father’s involvement: individual and cross-country differences. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social’nye peremeny*, 2017: 6: 260–283 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2017.6.13; EDN: YLYOJW.
4. Goshin M. Y., Grigoriev D. S., Mertsalova T. A. Types of parental involvement in education and school performance. *Voprosy Psychologii*, 2019: 2: 29–45 (in Russ.). EDN: JAOJTD.
5. Dorofeeva Z. Y., Kozyreva P. M. Transformation of Parental Involvement in the Children’s Lives. *Sotsiologicheskkiye issledovaniya*, 2023: 8: 86–100 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250027370-0; EDN: VBDNOL.
6. Dorofeeva Z. Y. Role Distribution in High-Resource Multi-Child Families. *Sociologicheskaja nauka i social’naja praktika*, 2021: 9(3): 73–87 (in Russ.). DOI: 10.19181/snsp.2021.9.3.8434; EDN: WSJHCG.
7. Eremeeva V. D., Hrizman T. P. Boy and girls – two different worlds. St. Petersburg, Tuskarora, 2001: 180 (in Russ.).
8. Kosaretsky S., Kupriyanov B., Filippova D. Specific Features of Children Involvement in Supplementary Education Depending on Cultural, Educational and Financial Status of Families and Place of Living. *Voprosy obrazovaniya*, 2016: 1: 168–190 (in Russ.). DOI: 10.17323/1814-9545-2016-1-168-190; EDN: VSARUX.

9. Lyubitskaya K. A. Parental involvement in the formation of children's educational environment. *Pedagogika*, 2019: 8: 64–72 (in Russ.). EDN: UAPJAJ.
10. Mikhaylova Y. Y., Sivak E. V. Scientific Parenting? What Parents Worry about and What Sources of Information They Use. *Voprosy obrazovaniya*, 2018: 2: 8–25(in Russ.). DOI: 10.17323/1814-9545-2018-2-8-25; EDN: XSHHED.
11. Polivanova K. N. Parenting and parenthood as research domains. *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie*, 2015: 7 (3): 1–11 (in Russ.). DOI: 10.17759/psyedu.2015070301; EDN: UKSICV.
12. Chernova Zh. V., Shpakovskaya L. L. (2013) Discursive models of modern Russian parenting. *Zhenshchina v Rossijskom obshchestve*, 2013: 2 (67): 14–26 (in Russ.). EDN: RAGHVN.
13. Shevchenko I. O. Fathers and Fatherhood in Russia: sociological analysis. Moscow, Trovant, 2019: 298 (In Russ.).
14. Doherty W. J., Kouneski E. F., Erickson M. F. Responsible Fathering: An Overview and Conceptual Framework. *Journal of Marriage and the Family*, 1998: 60(2): 277. DOI:10.2307/353848.
15. Eccles J., Harold R. Family Involvement in Children's and Adolescents' Schooling. In *Family-school Links: How Do They Affect Educational Outcomes?* Ed. by A. Booth, J. F. Dunn. 1996: 3–34. Hillsdale, NJ, Erlbaum. DOI: 10.4324/9781315827407.
16. Epstein J. School and Family Partnerships. In: *Encyclopedia of Educational Research*. Ed. by M. Alkin. New York, MacMillan, 1992: 1139–1159.
17. Hornby G., Blackwell I. Barriers to parental involvement in education: an update. *Educational Review*. 2018: 70(1): 109–119. DOI: 10.1080/00131911.2018.1388612.
18. Park S., Holloway S. D. No Parent Left Behind: Predicting Parental Involvement in Adolescents' Education Within a Sociodemographically Diverse Population. *The Journal of Educational Research*, 2013: 106(2): 105–119. DOI: 10.1080/00220671.2012.667012.

The article was submitted on: February 02, 2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Zlata Y. Dorofeeva, Candidate of Sociological Sciences, Researcher of the Center for Longitudinal Studies at the Institute for Social Policy; Researcher of the Department of Research on the dynamics of Social Adaptation

Polina M. Kozyreva, Doctor of Sociological Sciences, First Deputy Director of the Institute; Head of the Center for Longitudinal Studies at the Institute for Social Policy

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.9

EDN: GDNIPL

Профессионально-образовательные ориентации студентов как индикатор субъектности в сфере высшего образования (на примере вузов Нижнего Новгорода)

Ссылка для цитирования: Фатенков А. Н., Ситникова И. В. Профессионально-образовательные ориентации студентов как индикатор субъектности в сфере высшего образования (на примере вузов Нижнего Новгорода) // Вестник Института социологии. 2024. Том 15. № 2. С. 132–150. DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.9; EDN: GDNIPL.

For citation: Fatenkov A. N., Sitnikova I. V. Professional and educational orientations of students as an indicator of subjectivity in the field of higher education (on the example of universities in Nizhny Novgorod). *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 2. P. 132–150. DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.9; EDN: GDNIPL.

SPIN-код: 6226-1098

Фатенков Алексей Николаевич^{1,2}

¹Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия;

²Приволжский исследовательский медицинский университет, Нижний Новгород, Россия
fatenkov@fsn.unn.ru

SPIN-код: 6437-9284

Ситникова Ирина Викторовна¹

¹Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

april@fsn.unn.ru

Аннотация. Предмет исследования данной статьи находится на пересечении проблемных областей субъектности и состояния высшего образования в современной России. Авторы стремятся к решению двуединой задачи. Контекстуально, в философско-социологической проекции используя понятие «индикатор субъектности» и очерчивая его смысловые границы, инструментально связать его с определенными эмпирическими методиками и полученными по ним фактическими данными, относящимися к изучению профессионально-образовательных ориентаций студентов. Рассматриваемая в данной статье область субъектности на нижнем своем уровне граничит с областью посредничества, на верхнем – с областью личностной. Авторы приводят аргументы в пользу того, что социологический инструментарий корректно

приложим к исследованию субъектных, но не личностных качеств. Проясняется также характер погрешности при замерах уровня субъектности у индивидов и в социальных группах. В сфере высшего образования уровень субъектности определяется комбинацией показателей от двух составляющих: профессорско-преподавательской и студенческой. Профессионально-образовательные ориентации студентов, по мнению авторов, могут рассматриваться как надежный индикатором субъектности в данной социальной группе. Эмпирической базой статьи служит полевое исследование, проведенное в вузах г. Нижний Новгород. Методом анкетного опроса изучались мотивации студентов ведущих вузов города касательно получения высшего образования, выбора вуза и направления подготовки, а также предпочтений в отношении будущей сферы деятельности. В результате анализа были выделены пять групп студентов с различными мотивационными ориентирами. Три группы с четкой, вполне осознаваемой профессионально-образовательной стратегией: с ориентацией на востребованность профессии на рынке труда, на преимущества высшего образования как такового, на реализацию собственных способностей и наклонностей (последняя определена авторами как «аутентично субъектная группа»). А две группы – с размытой, не вполне осознанно выстраиваемой профессионально-образовательной траекторией (с дрейфом от полюса субъектности к полюсу посредничества). В результате исследования сделан вывод о недостаточно высоком уровне субъектности у современной студенческой молодежи, указывается социальная причина этой недостаточности.

Ключевые слова: субъектность, уровень субъектности, индикатор субъектности, сфера образования, студенческая молодежь, профессионально-образовательные ориентации студентов, философско-социологический контекст

Введение

Проблема субъектности традиционно актуальна для социальной теории и практики. Ее продуктивное решение возможно, очевидно, только при обращении к конкретному эмпирическому материалу из разных сфер общественной жизни. Сфера образования здесь, несомненно, является одной из наиболее значимых. В ней обнаруживается ряд проблемных областей, прямо или косвенно детерминируемых определенным уровнем субъектности обучающихся и обучаемых. Так, острое беспокойство у экспертного сообщества и работодателей вызывают недоработки образовательных учреждений в сфере профессиональной ориентации молодежи. Таковые недоработки показаны в монографии М. К. Горшкова и Ф. Э. Шереги [3]. Авторы настоящей статьи сочли целесообразным взять предметом исследования проблемную область, возникающую на пересечении вопроса о субъектности с вопросом профессионально-образовательных ориентаций студентов вузов. Несмотря на наметившийся в последние годы возрастающий интерес молодежи к среднему профессиональному образованию, сегмент студенчества продолжает оставаться количественно большим: 4,3 млн человек против 3,6 млн человек в системе СПО по ситуации на 2022 г. [6]. Концептуально увязав в «теоретических выкладках» основные элементы понятийного аппарата, авторы накладывают его на апробированные эмпирические методики и полученные на их основе фактические данные.

Теоретические основания исследования

Образование как таковое, не умаленное отношениями купли-продажи (не превратившееся в систему «образовательных услуг») и не редуцированное к тривиальным политико-идеологическим нуждам, априори ориентировано как максимум на личность (и обучаемого, и обучающего), на ее формирование и развитие, как минимум – на субъектность индивидов, включенных в процесс обучения и воспитания. Под субъектностью здесь и далее понимается сущность и/или предельно адекватное состояние субъекта, теоретически и эмпирически идентифицируемые через экспликацию контекстуально ранжируемых субъектных качеств. В контексте профессионально-образовательных ориентаций студентов на роль приоритетного субъектного качества оправданно претендует способность к самостоятельному принятию решений¹. Субъектные качества выступают основой личностных (экзистенциальных) качеств. Личностью становится субъект, обнаруживающий себя в пространстве фундаментальных человеческих ценностей (в координатах добра, истины и красоты), уникальным образом присутствующий и проявляющий себя в этом пространстве². Субъект в свою очередь онтологически опознается как активный центр, способный к трансцендированию, то есть к выходу за собственные пределы, и к возвращению к самому себе³.

Фундированность личностного субъектным встроена в иерархически очерченную рамку. Для индивида и группы индивидов имеется определенный пороговый уровень субъектности, только при достижении и удержании которого возможно становление и укрепление личностного начала. Повышение уровня субъектности ведет к потенциальному росту личностного в индивидах и их сообществах. Снижение уровня субъектности ведет к актуальному упадку личностного начала.

В своем умалении и падении субъект отнюдь не всегда скатывается к функционалу объекта с его сущностной пассивностью и периферийностью, с алгоритмичкой марионетки. Подобное – и скорее все же в некоем пределе – характерно для тотальных рыночных отношений и беспросветной политической деспотии. Чаще же всего субъект, отступаясь от себя, соскальзывает в область посредничества, соглашаясь на роль всего лишь транслятора не им инициированных смыслов и действий. Если у субъекта всякая внешняя активность проистекает из активности внутренней, остающейся для него в приоритете и, как правило, не нуждающейся в под-

¹ В монографии Д. Л. Константиновского, Е. Д. Вознесенской, Г. А. Чередниченко субъектность расшифровывается как «самостоятельность, целеустремленность, мотивированность, способность самостоятельно принимать и целеустремленно реализовывать решения...» [5].

² Мы намеренно не вступаем в неизменно полемичный разговор о соотношении понятий «индивид» и «личность». Наше внимание сосредоточено на соотношении понятий «субъект» («индивид как субъект») и «личность» («индивид не только как субъект, но и как личность»). В очерченном контексте с уверенностью можно утверждать, что личность содержательнее и статуснее субъекта.

³ Авторский взгляд на онтологию и онтогносеологию субъекта представлен в ряде работ, в частности [12].

черкнутой демонстративности, то у посредника, напротив, доминирует сугубо внешняя, презентационная активность, тогда как внутренние содержательные импульсы сходят на нет.

Французский медиолог Режи Дебрэ, куда более благожелательно в сравнении с авторами настоящего текста относящийся к феномену посредничества (оно, дескать, непременно предполагает «преобразование-преображение» передаваемого), открыто признает тем не менее, что посредник-медиатор лишен личностных и вещных качеств. Медиатор – не только не личность и не субъект, но даже и не вещный объект; это перекресток в системе отношений, «это место и функция в диспозитиве переноса» [4, с. 203].

Личностные качества, с их неотъемлемым эксклюзивом, не вмещаются в поле действия статистики, выпадают из него, а стало быть, и из поля надежно верифицируемых прикладных социологических исследований. Субъектные качества не дотягивают до экзистенциальных высот, в общем случае и не нуждаются ни в них, ни в наличии уникальности, но при этом становятся доступными для корректных, в той или иной степени, статистических описаний и их социологических интерпретаций. Социологическими мерами, в том числе количественными, корректно распознается как нижний уровень субъектности, где она граничит с посредничеством, так и ее верхний уровень, где она граничит с композицией личностных качеств. Сама же личностная композиция социологически корректно измеряется лишь на ее нижнем уровне, на рубеже с субъектностью.

О том, насколько высок верхний уровень субъектности – насколько он высок для индивида, социальной группы и общности, для той или иной сферы общественной жизни и практики, – можно достаточно адекватно судить по наличию и отсутствию ряда способностей у испытуемых и, разумеется, по тому, как будет проранжирована шкала этих способностей, относящая каждую из них то ли еще к субъектной, то ли уже к личностной характеристике. Одной из значимых является здесь способность к осознанному принятию решений. В формате качественных оценок субъектность высока, если указанная способность и ее реализация соотносятся именно с субъектной характеристикой, а не перемещаются этажом выше, в характеристику собственно личностную. Очерченный критерий и принимают в расчет авторы данной работы.

Проблема, которая, однако, остается и которую тут никак нельзя сбрасывать со счетов, заключается в том, что критериальное словосочетание «осознанное принятие решений» не избавлено от веера смысловых вариаций, оно далеко не однозначно. Так, мы по-разному можем понимать отношение между принятием решения и его осуществлением, выполнением. Допустимо толкование указанного отношения как синонимии, ведь само слово «решение» предполагает решимость – и не потенциальную лишь, а и актуальную, стало быть, предполагает действие по осуществлению принятого решения. Но во всяком действии, пусть и самом расчетливом по имеющимся у нас представлениям, всегда наличествует элемент спонтанности (а ее никакая мысль отследить не успевает) и доля иррациональности – как в части мотивов, так и в части последствий действий. У нас никогда не будет полной рационально удостоверяемой и эмпирически верифицируемой гарантии

касательно учета всех мотивов того или иного действия и, тем более, касательно предвидения всех его последствий. Разумеется, мы вправе и отклонить синонимию «принятия» и «выполнения» решения, допуская попутно отождествление принимаемого решения с делаемым выбором.

В итоге получим следующую картину. Одно дело – выполняемое сейчас или ранее выполненное решение: его ход и его ближайшие результаты уже невозможно отменить. Другое дело – принимаемое умом решение или умом же производимый выбор, но еще не вступающий в фазу практической реализации и позднее, даже в ближайший отрезок времени, могущий быть отмененным и переигранным. Наконец, еще вариант: не запрещено отграничение принятия решения и от его выполнения, и от выбора. Тогда феномен выбора оказывается предельно рациональным по своему характеру, а феномен принятия решения уже не таков. Помимо «выборной» компоненты, непременно связанной с рациональным взвешиванием вероятностей, он содержит в себе не сугубо рациональную и не сугубо «выборную» компоненту детерминации, связанную с тем, что применительно к индивиду и группе индивидов именуется словом «склонность»¹.

В интересующей нас предметной области субъектности персон и сфер общественной жизни социологический инструментарий даст минимальную погрешность, очевидно, при использовании его в замерах индивидуального и группового выбора – и при том дополнительном условии, что и без того рационально трактуемая выборная процедура (лишаемая в силу чего, скажем, смыслового пласта ответственности-безответственности с его всегдашним весомым иррациональным наполнением) без особых содержательных потерь редуцируется к перечню и ранжированию осознаваемых респондентами мотивов. Однако такого рода редукция сделает фактически неразличимыми интеллектуальные и поведенческие траектории субъекта и «умного» объекта (вещи с встроенным генератором алгоритмов), фигура же посредника – еще не объекта, но уже не субъекта – становится вовсе нераспознаваемой.

При проведении социологического исследования субъектности и ее меры не остается, однако, ничего другого, как только явно и неявно уравнивать комплекс ранжируемых мотивов с выбором, а тот с принятием решения, тем самым возвышая до него выборную процедуру, и надеяться на то, что иррациональный зазор между ними (который можно сократить, но не устранить полностью профессионализмом исследователя) не спровоцирует качественную ошибку. Ставя на один уровень принимаемое решение и выбор, переставая таким образом считать последний исключительно рациональным актом, мы заранее соглашаемся на дополнительную, количественно не эксплицируемую погрешность в результатах.

Итоговая, суммарная погрешность количественной социологической экспертизы субъектности – как, впрочем, и любой иной экспертизы, где в роли респондента выступает человеческий индивид, притязающий на статус субъекта или заранее этим статусом наделяемый, – складывается из двух компонент. Формальная, чисто статистическая и без труда исчисля-

¹ Авторская версия размежевания выбора и склонности представлена в работе [13].

емая компонента, индифферентная к предмету изучения, характеризует ситуацию не с субъектом как таковым, а с субъектом объективированным, заведомо усеченным. Содержательная компонента, обусловленная собственно субъектным (или близким к нему) статусом респондентов, не поддается исчислению и не ложится в пропорцию с формальной составляющей: снижение второй не гарантирует ни снижения первой, ни уменьшения суммарной погрешности. Стало быть, номинально количественное исследование субъектности фактически всегда оказывается исследованием полуколичественным.

Сразу внесем уточнение. Если для В. Вайдлиха и Г. Хага полуколичественная социология – *semi-quantitative sociology* – спецификой своей обязана постулируемому ими (и синергетической парадигмой в целом [14]) изоморфизму систем в естествознании и обществоведении [1; 15], а по сути, окончательной редукцией субъектного к объектному, то для нас, напротив, полуколичественная фактура методик и результатов, которыми оперирует прикладная социология, обусловлена принципиальной несводимостью исследуемого ею субъектного объекта к бессубъектному объекту физики и синергетики.

Применительно к человековключающим системам в эмпирически получаемом массиве данных значимы не столько абсолютные величины, сколько величины относительные, частично нейтрализующие итоговую погрешность. Прежде всего, понятно, имеет вес доленая (процентная) разница в соответствующих показателях, фиксируемых у социологически сравниваемых типов, которые априори намечаются рабочей гипотезой и удостоверяются (или не удостоверяются) апостериорной интерпретацией. Сформулированной позиции и держатся авторы настоящего текста, переходя к рассмотрению в философско-социологическом ключе профессионально-образовательных ориентаций студентов вузов в качестве одного из индикаторов субъектности в сфере образования.

Под индикатором субъектности понимается ансамбль качественных и количественных показателей, фиксирующих ряд намерений и действий индивидов и групп по реализации своих наклонностей и способностей.

Социологическая эмпирия и ее интерпретация

При выборе образовательной траектории современная российская молодежь чаще всего ориентируется на получение высшего образования. По данным Росстата, доля занятых на российском рынке труда, имеющих высшее образование, постепенно растет: за 20 лет она выросла в полтора раза и в последние годы стабильно превышает треть от всех занятых, составив 34,2% в 2019 г. [8] и 34,7% в 2021 г. [7]. Однако не все поступающие в вузы нацелены на работу по выбранной специальности в будущем: заметна индифферентная позиция части молодежи, выраженная в пассивности выбора профессии из-за ориентации на мнение социального окружения (родителей прежде всего), желания получить диплом, а не профессиональные знания, ухода от проблем (например, службы в армии, необходимости трудоустройства) [11].

Неактивная профессионально-образовательная стратегия немалой доли молодежи, стратегия, детерминированная некритично воспринимаемыми ценностями окружающей среды и давлением внешних обстоятельств, а не основанная на собственных склонностях и интересах, подтверждается и нашими эмпирическими исследованиями: как уже нашедшими отражение в публикациях [9], так и представленных своими результатами в настоящей статье. Аксиологические ориентиры в современном обществе крепко привязаны к удовлетворению материальной выгоды: получение образования является для молодых людей инструментом для обеспечения финансового благосостояния в будущем. Ключевой же тенденцией при осуществлении профессионального выбора является установка большинства юношей и девушек на достижение индивидуального успеха, главенствующим элементом которого материальное и выступает благополучие. Гарантия трудоустройства на места с хорошей зарплатой и высоким статусом становится для них основным фактором выбора профессионально-образовательной траектории, на что указывает анализ данных, полученных нами методом глубинного интервью [10]. Причем доход нередко оказывается важнее карьерного роста, не говоря уже об удовлетворенности содержанием трудовой деятельности – и это является естественным продолжением потребительской тенденции, доминирующей в нынешнем обществе.

Идентичность человека определяется сейчас не по характеру профессии и уровню мастерства в ней, а по характеру потребления. Во главу угла ставится упрощенно, прагматично трактуемый бодрийеровский стандарт нахождения в области символических ценностей – «кое-что сверх того», сверх необходимого [2]. Человек потребляющий не способен и не желает ни кардинального утверждения (содержательного производства и творчества), ни кардинального отрицания (нищезанского стремления к разрушению того, что отмирает слишком медленно). Потребитель, как подчеркнул французский мыслитель, удален от состояния праздника и коллективной экзальтации, он атомизирован и не склонен к подлинно осознанным действиям [2]. Эксплицированные Жаном Бодрийером черты потребителя широко пересекаются с чертами того социального типа, который авторами данного текста определяется как посредник. Посредничество не предполагает ни добросовестности операций, ни заботы об общественном благе, ни настороженности к нарастающему отчуждению. И неудивительно, что молодое поколение в значительном его сегменте выказывает сегодня соответствующий спектр предпочтений.

Выбор профессии под влиянием внешних обстоятельств и социального окружения, на основании сугубо прагматических мотивов, а не собственных склонностей с большой долей вероятности приводит к потере интереса и разочарованию в приобретаемой специальности и будущей профессиональной деятельности. Все чаще наблюдается неопределенность молодых людей в отношении самой будущей специальности – профессиональный выбор отходит на второй план, подменяясь образовательным, когда само поступление в вуз важнее получения ремесла. В то время как адекватное профессиональное самоопределение отличается, без сомнения, содержательным согласованием своих способностей и интересов со стратегическими, не сводимыми к голой конъюнктуре социальными запросами.

Совокупность факторов, определяющих интерес к будущей трудовой деятельности, постановку и достижение целей на пути к ней, является основой профессиональной мотивации. Мотивации на различных этапах профессионализации человека претерпевают изменения, трансформируются. При поступлении в вуз каждый выпускник школы должен определиться с направлением подготовки и конкретным учебным заведением, где планирует получить образование. В процессе обучения ему приходится принимать решение о продолжении образования по данной специальности, о трудоустройстве после окончания вуза, о месте дальнейшего обучения для повышения квалификации. Поведение молодых людей при принятии указанного комплекса решений, последовательность осуществленных выборов составляет их образовательную стратегию, выработка которой начинается с мотивации. Стоит отметить, что эта стратегическая линия редко формируется на основании только одного фактора-мотива, хотя, конечно, возможно наличие какого-то ведущего.

С целью изучения образовательной мотивации и профессиональных ориентаций молодежи было проведено полевое исследование «Мотивация выбора вуза и профессиональные стратегии нижегородских студентов» (2019 г. ¹), в котором приняли участие 858 студентов с 1 по 5 курсы очной формы обучения девяти ведущих вузов Нижнего Новгорода: классического университета, вузов инженерно-технического, экономического, медицинского и педагогического профилей. Метод сбора информации – анкетный опрос. Выборка целевая, репрезентативность обеспечивалась квотированием по половозрастным признакам в соответствии с существующей структурой выбранных высших учебных заведений.

Для математико-статистической обработки данных применялись инструменты программного пакета *SPSS Statistics*. В работе использованы факторные модели, позволившие получить типологические группы студентов по их мотивационно-ценностным ориентациям в контексте формирования и реализации профессионально-образовательных стратегий.

В результате были выделены пять групп студентов с различными мотивационными ориентирами при выборе вуза и направления подготовки; группы пересекаются между собой, допускается возможность нахождение респондентов в нескольких из них. Выделенные группы различаются по типу выбора профессионально-образовательных стратегий: 3 группы студентов с четким, *вполне осознаваемым* пониманием цели поступления в вуз – с ориентацией на преимущества профессии на рынке труда (21%), на преимущества получения высшего образования (23%), на реализацию собственных способностей и склонностей (31%); 2 группы с размытым, *не вполне осознаваемым* пониманием цели и с индифферентным поведением, связанным с отсутствием собственных стратегий – с ориентацией на косвенный ситуативный выбор, зависимый от других людей

¹ Сравнение данных 2019 г. с новейшими данными – следующая по очереди задача авторов. Решение ее не потребует уже содержательного обращения к теоретическим основаниям (достаточно будет формальной ссылки на них). В настоящем же тексте авторов особо интересует смычка представленной концептуальной матрицы с предметно очерченной социологической эмпирией.

и внешних обстоятельств (25%), на случайный выбор, проистекающий из неопределенности, несамостоятельности и неосознанности в отношении будущей профессии (23%).

Рейтинг ведущих мотивов получения высшего образования применительно к каждой из фиксируемых групп и выстраиваемый на основании анализа субъективных представлений молодежи о роли высшего образования в жизни приводится ниже (табл. 1). Для определения уровня согласия с тезисом здесь и далее, где указывается, используется коэффициент согласия, представляющий собой среднее арифметическое ответов по шкале: совершенно согласен (1 балл), в основном согласен (0,5 балла), в основном не согласен (-0,5 балла), категорически не согласен (-1 балл), затруднились ответить (0).

Таблица 1 (Table 1)

Мотивы получения высшего образования студентов (множественный выбор), коэффициент согласия

Motives for obtaining higher education of students (multiple choice), agreement coefficient

Мотивы	Выборка	Преимущества высшего образования	Преимущества рынка труда	Наклонности	Косвенный выбор	Случайный выбор
Хотят иметь диплом о высшем образовании	0,71	0,88	0,76	0,75	0,58	0,65
Хотят быть образованным человеком	0,69	0,87	0,77	0,82	0,56	0,49
Высшее образование позволит углубиться в интересующую их отрасль знаний	0,49	0,64	0,56	0,8	0,41	0,35
Высшее образование поможет сделать карьеру	0,46	0,84	0,59	0,52	0,33	0,38
С высшим образованием смогут найти подходящее место работы	0,41	0,81	0,52	0,5	0,36	0,34
С высшим образованием будут иметь больше возможностей хорошо зарабатывать	0,4	0,8	0,51	0,35	0,31	0,3
Хотят пожить студенческой жизнью	0,33	0,3	0,41	0,42	0,23	0,57
Высшее образование даст возможность реализовать свои способности	0,31	0,74	0,36	0,38	0,25	0,18
Высшее образование позволит заниматься сложной и интересной работой	0,3	0,74	0,37	0,43	0,19	0,15
Не хотят сейчас идти в армию	0,0	-0,34	-0,02	-0,07	-0,07	0,38
На получении высшего образования настаивали родители	-0,19	-0,21	-0,42	-0,41	-0,08	0,24
Хотят отложить время серьезного социального выбора (вступления во взрослую жизнь)	-0,25	-0,37	-0,3	-0,42	-0,23	0,24
Без высшего образования нельзя найти работу	-0,27	0,07	-0,32	-0,42	-0,22	-0,24

Для студентов с четкими, вполне осознаваемыми профессионально-образовательными стратегиями (с установкой на преимущества высшего образования, профессии на рынке труда и реализацию собственных склонностей) главными мотивами являются получение диплома о высшем образовании и желание стать образованными людьми (причем для третьей из перечисленных групп реальная образованность, что характерно, важнее номинального наличия диплома). По доминирующему в этих группах мнению, высшее образование позволит достичь успехов в жизни, реализовать индивидуальные способности, выстроить карьеру в интересной сфере деятельности, приносящей хороший доход.

Главные мотивы получения высшего образования у студентов с размытым, не вполне осознаваемым пониманием цели поступления в вуз и, соответственно, с индифферентным поведением (сегмент косвенного и случайного выбора) детерминированы несамостоятельностью принятия решения вследствие реализации амбиций ближайшего окружения, влияния внешних обстоятельств (например, представлений о престижности профессии или высоких заработках, географического месторасположения вуза, простоты поступления и обучения). Реже других они хотят стать образованными людьми, наличие диплома является для них аутентичной характеристикой полученного образования. Преобладает установка не на обретение знаний, а на возможность пожить студенческой жизнью, иметь отсрочку от армии, отложить время вступления во взрослую жизнь. В число наименее значимых причин получения высшего образования попадают трудовые и карьерные мотивы – чаще других данные студенты считают, что и без вузовского диплома можно найти достойную работу и сделать карьеру.

В ракурсе интересующего нас индикатора субъектности особо показательной в таблице видится строка «Высшее образование даст возможность реализовать свои способности». Бросается в глаза невысокая величина коэффициента согласия здесь для всей выборочной совокупности респондентов. Зафиксированный показатель (0,31) в полтора раза меньше, чем в строке о возможности сделать карьеру (0,46), и в два с лишним раза меньше, чем в строке о желании иметь диплом (0,71). Ориентации формального плана с очевидностью берут верх над ориентацией содержательной. Не самый высокий коэффициент согласия и у той группы студентов, в которой возможность реализации индивидуальных склонностей и способностей в процессе получения высшего образования соотносена именно с соответствующей приоритетной целью поступления в вуз (0,38), что почти вдвое меньше, нежели в той группе, где рассматриваемая возможность соотносена с установкой на преимущества высшего образования в целом (0,74). Ощутимая разница свидетельствует о том, что поддержке и развитию субъектности в вузовском образовании недостает конкретики (никоим образом не сводимой к увеличению числа узкоспециальных предметов – это тема отдельного разговора). Будь иначе, вместо 0,38 фигурировал бы показатель гораздо большей величины, ненамного меньше 0,74. Низкий, в сравнении с уже проанализированными, коэффициент согласия в этой строке таблицы для группы со случайным выбором профессионально-образовательных стратегий (0,18) не удивителен и не требует дополнительных комментариев.

Перейдем к разбору мотивов выбора конкретного учебного заведения в выделенных нами группах студенческой молодежи (табл. 2).

Таблица 2 (Table 2)

Мотивы выбора вуза студентами (множественный выбор), %
Motives for choosing a university by students (multiple choice), %

Мотивы	Выборка	Преимущества высшего образования	Преимущества рынка труда	Наклонности	Косвенный выбор	Случайный выбор
В данном вузе есть интересующая специальность	48	55	53	55	35	31
Наличие бюджетных мест	43	48	34	48	43	56
Рейтинг вуза	41	49	46	49	39	48
Качество образования	39	50	55	50	41	31
Государственный вуз	35	47	35	47	27	42
Этот вуз престижен	34	40	41	40	33	27
Диплом этого вуза ценится на рынке труда	24	35	45	35	15	14
Удобное географическое расположение	22	23	19	23	15	27
Данный вуз дает высокопрофессиональную подготовку	21	26	37	26	25	9
Рекомендация родителей/друзей	21	21	20	21	25	26
Наличие общежития	18	10	7	10	10	25
Возможность индивидуального развития	17	23	19	23	20	14
В этот вуз проще поступить	13	13	12	13	10	27
Сюда поступают (здесь учатся) друзья	13	12	12	12	14	18
Расширение круга знакомств	12	6	13	6	13	20
В этом вузе развитая научно-исследовательская база	10	17	8	17	13	2
Хорошая реклама вуза	9	3	8	3	11	15
Наличие военной кафедры	6	6	5	6	6	9
Вам было все равно, куда поступать, главное – получить высшее образование	6	2	1	2	4	13
Продолжение семейной династии	3	3	2	3	10	1

Для студентов со вполне определенными образовательными и жизненными целями (с ориентацией на преимущества высшего образования, востребованность профессии на рынке труда и реализацию собственных наклонностей) большую роль при выборе учебного заведения играют: его рейтинг, качество образования по интересующей их специальности, высококачественная подготовка, ценность диплома данного вуза на

рынке труда. Для реализации своих целей и способностей они выбирают государственный престижный вуз с развитой научно-исследовательской базой и с большим наличием бюджетных мест.

Студенты с пассивными стратегиями, ориентированные на косвенные причины и случайный выбор, поступают в вуз, руководствуясь сторонним мнением (чаще всего, родителей), наличием в нем бюджетных мест и простотой поступления в него. Эти молодые люди определяются с местом своего обучения без опоры на собственные способности, соответствующие профессионально важным качествам. Чаще других они предпочитают образовательное учреждение на основе семейных традиций безотносительно сферы будущей трудовой деятельности. Желание обрести некие знания, но не профессию, реализовать внеучебные цели по расширению круга знакомств детерминирует выбор вуза у студентов со случайным выбором: для них характерно безразличие в вопросе, куда поступать, в расчет принимается чужое мнение, рейтинг и реклама учебного заведения, его географическое расположение и государственный статус. В образовательной стратегии этих молодых людей просматривается желание избежать жизненных сложностей (службы в армии, начала трудовой деятельности, столкновения с другими социальными задачами). Несамостоятельность, стремление уйти от ответственности за собственные решения приводит к непродуманному, случайному выбору профессии, неудовлетворенности учебным процессом и трудовой деятельностью в дальнейшем.

Однако, прежде всего, в плане уровня субъектности настораживает тут невысокий показатель в строке «Возможность индивидуального развития» для всей выборочной совокупности респондентов (17%). Он вдвое ниже соответствующего показателя престижности вуза (34%) и в два с половиной раза ниже показателя наличия бюджетных мест (43%). Да и корреляция между возможностью индивидуального развития в выбранном вузе с осознанной установкой студентов на реализацию своих наклонностей и способностей не впечатляет. В процентном отношении (23 против 14) она и вдвое не превышает степень сочетания возможности индивидуального развития со случайно вычерчиваемой образовательной траекторией.

Ожидаемо оптимистичнее ситуация с корреляцией между четкой ориентацией студентов на актуализацию своих наклонностей и способностей и выбираемым ими направлением подготовки в системе высшего образования (см. табл. 3). Коэффициент согласия здесь (0,87) более чем пятикратно превосходит соответствующий показатель для респондентов со случайно детерминируемой образовательной стратегией (0,15). Впрочем, и не только в силу малости последней величины, коэффициент согласия для всей выборки в выделенной строке все же не очень высок (0,43).

Результаты исследования показывают также, что студенты из групп с четкими целями поступления в вуз осознанно связывают направление подготовки с будущей профессией, которую считают своим призванием, вследствие чего, очевидно, и проявляют интерес к обучению. Причем для тех молодых людей, кто непосредственно ориентирован на актуализацию и совершенствование своих способностей, – аутентично субъектных

молодых людей – не столь важными оказываются престижность приобретаемой профессии, уровень заработка в ней и т. п. Это отличает данную группу от двух других с неразмытой профессионально-образовательной стратегией. И для всех трех отмеченных категорий студентов на последних местах в рейтинге мотивов стоит запасной вариант выбора направления подготовки (с меньшим проходным баллом ЕГЭ), не имеющего отношения к выбранному ранее.

Таблица 3 (Table 3)

Мотивы выбора направления подготовки студентов (множественный выбор), коэффициент согласия
Motives for choosing the direction of training for students (multiple choice), agreement coefficient

Мотивы	Выборка	Преимущества высшего образования	Преимущества рынка труда	Наклонности	Косвенный выбор	Случайный выбор
Здесь получают нравящуюся специальность	0,52	0,56	0,65	0,95	0,34	0,23
Надеются, что здесь будет интересно учиться	0,49	0,52	0,64	0,77	0,34	0,38
Хотят получить престижную специальность	0,43	0,55	0,84	0,59	0,36	0,21
Осознанный выбор, исходя из собственных интересов и склонностей	0,43	0,43	0,45	0,87	0,34	0,15
Здесь получают такую специальность, которая пользуется спросом на рынке труда	0,30	0,30	0,74	0,37	0,32	0,19
Хотят приобрести профессию, которую считаете своим призванием	0,29	0,33	0,50	0,80	0,2	-0,03
Эта профессия дает возможность хорошо зарабатывать	0,22	0,26	0,78	0,19	0,25	0,10
Выпускники этого направления подготовки делают успешную карьеру	0,15	0,23	0,65	0,22	0,23	-0,01
Ориентировались на результаты ЕГЭ	0,12	0,12	0,02	-0,20	0,09	0,55
Надеются, что здесь будет легче учиться, чем на других факультетах	-0,30	-0,38	-0,55	-0,53	-0,17	0,26
Выбрали по совету родителей	-0,31	-0,42	-0,27	-0,53	0,08	-0,16
Поступили на это направление подготовки при недоборе баллов ЕГЭ	-0,45	-0,60	-0,65	-0,75	-0,30	0,09

У юношей и девушек со случайно задаваемой профессионально-образовательной траекторией, напротив, фактор ЕГЭ, вместе с надеждой на легкость обучения, находится в числе приоритетных мотивов, обуславливающих предпочтенное направление подготовки. В целом эта группа отличается выраженным инфантилизмом: долгим выбором вуза и специальности,

частой сменой принимаемого решения, малой значимостью даже прагматичных причин получения образования, повышающих шансы на карьерный рост, социальное продвижение и материальное благополучие. Обе группы с нечеткой стратегией при решении вопросов о вузовском направлении подготовки и о будущей профессии находятся под воздействием разрозненных факторов, слабо связанных с содержанием трудовой деятельности.

Броским является различие в предпочтениях касательно намечаемой работы по профессии у аутентично субъектных студентов, с установкой на развитие своих склонностей и способностей в процессе обучения, и у студентов с размытой субъектностью (с дрейфом к полюсу посредничества), со случайным выбором вуза и специальности (см. табл. 4).

Таблица 4 (Table 4)

**Предпочтения студентов в отношении будущей сферы деятельности
(множественный выбор), %**

Students' preferences regarding their future field of activity (multiple choice), %

Сферы деятельности	Выборка	Преимущества высшего образования	Преимущества рынка труда	Наклонности	Косвенный выбор	Случайный выбор
Свой бизнес	22	21	27	18	18	21
Сфера здравоохранения, медицины	17	27	17	31	18	3
Средства массовой информации (телевидение, газеты, радио, Интернет)	16	19	12	11	13	24
Научная деятельность	14	19	12	24	19	11
Пока не могут сказать, в какой сфере хотели бы работать	11	2	6	4	10	17
Педагогическая деятельность в школе или вузе	10	12	7	18	10	15
Вообще пока не думают о работе	3	3	2	2	6	5

Первые в качестве приоритетного направления рассматривают труд в сфере здравоохранения и медицины, занятия наукой и педагогической практикой. Вторые планируют работать по преимуществу в средствах массовой информации или/и иметь свой бизнес, тогда как область здравоохранения для них наименее привлекательна (что, скорее всего, и к лучшему для потенциальных пациентов), а вот научная деятельность привлекает их лишь чуть меньше (11%), чем в среднем по выборке (14%), что вряд ли позитивно для перспектив отечественной науки (случайные люди поддержке и прорыву в ней никак не поспособствуют). Среди первых (с аутентичной субъектностью) минимальна доля тех, кто еще не определился с будущей сферой деятельности или вообще не думал о предстоящей работе. Среди вторых (с размытой субъектностью) неопределившихся ожидаемо кратно (вчетверо) больше. Схожая картина с неопределивши-

мися и в группе с косвенным выбором вуза и специальности: там таковых больше в два с половиной раза. У составляющих ее студентов фиксируются среднестатистические показатели в отношении будущей трудовой деятельности, свидетельствующие о приоритетной роли в жизни для этих молодых людей около- и внепрофессиональных факторов, а не собственно тех, что связаны с ремеслом.

Выводы

Уровень субъектности в сфере высшего образования определяется комбинацией показателей по двум составляющим: профессорско-преподавательской и студенческой. Менеджеры тут, как и везде, воспроизводят и тиражируют по преимуществу социальный тип посредника. Профессионально-образовательные ориентации студентов выступают надежным индикатором субъектности у обучающихся в учреждениях высшего профессионального образования. Фиксируемый там сегодня уровень субъектности, по оценке авторов данного исследования, ниже традиционно ожидаемого. И вряд ли вся вина лежит здесь на поколении, вступающем в самостоятельную жизнь. Пока общество благоволит не субъекту, а посреднику, трудно ждать чего-то иного и от института образования. Впрочем, статус субъекта предполагает, или даже обязывает, действовать и вопреки доминирующим социальным тенденциям.

Авторы выражают надежду на то, что поставленные исследовательские задачи решены. Был сделан, с нашей точки зрения, значимый шаг в выстраивании познавательной стратегии, продуктивно работающей в предметной области на пересечении проблем субъектности и профессионально-образовательных ориентаций студенческой молодежи. Эвристически значимым является произведенное концептуальное отграничение индивида как субъекта от индивида как личности, с одной стороны, и субъекта от посредника – с другой. Немаловажной в плане новизны видится инструментальная привязка авторского теоретического каркаса (с понятийно определенным индикатором субъектности) к эмпирическим методикам социологии. Полученные и прокомментированные фактические данные будут небезынтересны и институциям, и отдельным специалистам, имеющим отношение к социальным практикам в сфере высшего профессионального образования.

По итогам проведенного исследования нами сформулирован ряд обобщающих тезисов, обозначающих исследовательские перспективы обозначенной проблематики. Во-первых, целесообразно постоянно отслеживать динамику колебаний меры субъектности обучающихся в вузах. В частности, приводимые в тексте показатели последнего предковидного года сравнивать с соответствующими показателями постковидного времени. В качестве рабочей гипотезы можно предположить, что увеличение доли занятий в онлайн-формате, то есть в формате посредническом, негативно скажется на субъектной характеристике студентов. Во-вторых, имеет

смысл дополнить социологический инструментарий для конкретизации фигуры посредника. В-третьих, резонно распространить практику замеров уровня субъектности на систему среднего профессионального образования. Наконец, в-четвертых, следует в будущих исследованиях сфокусироваться на изучении уровня субъектности профессорско-преподавательского состава вузов и других учебных заведений. Ведь качество образовательного процесса напрямую обусловлено рангом субъект-субъектного взаимодействия обучающихся и обучаемых.

Библиографический список

1. Бачишин В. М., Разин П. В., Владимирова М. Б. Метод анализа текстов массового сознания (МАТЕМС) (на основе научного семинара Б. А. Грушина на факультете журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова 1983–1989 гг.) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 455–464. DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.19; EDN: QEFFNI.

2. Бодрийяр Ж. Общество потребления: его мифы и структура / Пер. с фр. Е. А. Самарской. М.: Республика: Культурная революция, 2006. 268 с.

3. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. 688 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020; EDN: BNSNDA.

4. Дебрэ Р. Введение в медиологию / Пер. с франц. Б. М. Скуратова. М.: Праксис, 2010. 368 с.

5. Константиновский Д. Л., Вознесенская Е. Д., Чередниченко Г. А. Молодежь России на рубеже XX–XXI веков: образование, труд, социальное самочувствие. М.: ЦСПиМ, 2014. 548 с.

6. Образование в цифрах: 2023: краткий статистический сборник. М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2023. 132 с.

7. Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2022. Стат. сб. М.: Росстат, 2022. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Rab_sila_2022.pdf (дата обращения: 22.12.2023).

8. Российский статистический ежегодник. 2020: Стат. сб. Раздел 5. Труд. Занятость и безработица. М.: Росстат, 2020. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Ejegodnik_2020.pdf (дата обращения: 22.12.2023).

9. Ситникова И. В. Профессиональное самоопределение студенчества: мотивационно-ценностный аспект // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 2(58). С. 83–99. DOI: 10.21685/2072-3016-2021-2-9; EDN: APOXWA.

10. Ситникова И. В. Современное студенчество: особенности профессионального выбора // Мат. IX международной социологической Грушинской конференции «Социальная инженерия: как социология меняет мир», Москва, 20–21 марта 2019 г. / Отв. ред. А. В. Кулешова. М.: ВЦИОМ, 2019. С. 304–308. EDN: ALBBOR.

11. Терентьев К. Ю. Образовательные стратегии российской молодежи: к построению типологии // Вестник СПбГУ. Сер. 12. Социология. 2016. Вып. 2. С. 17–27. DOI: 10.21638/11701/спбу12.2016.202; EDN: YNLBUZ.

12. Фатенков А. Н. Субъект: парадигма возвращения // Человек. 2011. № 5. С. 5–20. EDN: OIXRST.

13. Фатенков А. Н. Феномен выбора под подозрением // Человек. 2016. № 3. С. 48–62. EDN: WKTZVR.

14. Хакен Г. Синергетика / Пер. с англ. В. М. Емельянова; под ред. Ю. Л. Климантовича, С. М. Осовца. М.: Мир, 1980. 404 с.

15. Weidlich W., Haag G. Opinion Formation – an Elementary Example of SemiQuantitative Sociology // Weidlich W., Haag G. Concepts and Models of a Quantitative Sociology: The Dynamics of Interacting Populations. Berlin; Heidelberg: Springer, 1983. P. 18–53.

Получено редакцией: 29.03.24

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Фатенков Алексей Николаевич, доктор философских наук, профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии; профессор кафедры социально-гуманитарных наук
Ситникова Ирина Викторовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры отраслевой и прикладной социологии

DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.9

Professional and Educational Orientations of Students as an Indicator of Subjectivity in the Field of Higher Education (On the Example of Universities in Nizhny Novgorod)

Aleksey N. Fatenkov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia;

Privolzhskiy Research Medical University, Nizhny Novgorod, Russia

fatenkov@fsn.unn.ru

ORCID: 0000-0001-8628-2413

Irina V. Sitnikova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

april@fsn.unn.ru

ORCID: 0000-0002-8138-3116

For citation: Fatenkov A. N., Sitnikova I. V. Professional and educational orientations of students as an indicator of subjectivity in the field of higher education (on the example of universities in Nizhny Novgorod). *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 2. P. 132–150. DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.9; EDN: GDNPL.

Abstract. The subject of research in this article is at the intersection of problem areas of subjectivity and the state of higher education in modern Russia. The authors strive to solve a twofold problem. Contextually, in a philosophical and sociological perspective, using the concept of “subjectivity indicator” and outlining its semantic boundaries, instrumentally link it with certain empirical methods and the factual data obtained from them related to the study of students’ professional and educational orientations. The area of subjectivity considered in this article borders

on the lower level with the area of mediation, and on the upper level – on the personal area. The authors provide arguments in favour of the fact that sociological tools can be correctly applied to the study of subjective, but not personal qualities. The nature of the error when measuring the level of subjectivity in individuals and in social groups is also clarified. In the field of higher education, the level of subjectivity is determined by a combination of indicators from two components: faculty and student. The professional and educational orientations of students, according to the authors, can be considered as a reliable indicator of subjectivity in a given social group. For the empirical basis of the article a field study conducted at universities in Nizhny Novgorod has been used.

Using a questionnaire survey, we studied the motivations of students at leading universities in the city regarding obtaining higher education, choosing a university and the direction of training, as well as preferences regarding their future field of activity. As a result of the analysis, five groups of students with different motivational guidelines were identified. Three groups with a clear, fully realised vocational and educational strategy: with a focus on the demand for the profession in the labour market, on the advantages of higher education as such, on the realisation of their own abilities and inclinations (the latter is defined by the authors as an “authentically subjective group”). And two groups – with a vague, not quite consciously built professional and educational trajectory (with a drift from the pole of subjectivity to the pole of mediation). As a result of the study, a conclusion was made that the level of subjectivity among modern students is not high enough, and the social reason for this insufficiency is indicated.

Keywords: subjectivity, level of subjectivity, indicator of subjectivity, sphere of education, student youth, professional and educational orientations of students, philosophical and sociological context

References

1. Bachishin V. M., Razin P. V., Vladimirova M. B. A method for analyzing mass consciousness texts (MAMCT) (based on a B. Grushin seminar at the Lomonosov Moscow State University, Faculty of Journalism, in 1983–1989). *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 2020: 1: 455–464 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.19; EDN: QEFFNI.
2. Baudrillard J. *The Consumer Society: Myths and Structures*. Transl. by E. A. Samarskaya. Moscow, Respublika: Kul'turnaya revolyutsiya, 2006: 268 (in Russ.).
3. Gorshkov M. K., Sheregi F. E. *The Youth of Russia under the Lens of Sociology: Results of Years of Research*. Moscow, FNISC RAN, 2020: 688 (in Russ.). DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020; EDN: BNSNDA.
4. Debreu R. *Introduction to Mediology*. Transl. by B. M. Skuratov. Moscow, Praxis, 2010: 368 (in Russ.).
5. Konstantinovskiy D., Voznesenskaya E., Cherednichenko G. *Molodezh' Rossii na rubezhe XX–XXI vekov: obrazovanie, trud, sotsial'noe samochuvstvie* [Russian Youth at the Turn of XX–XXI Centuries: Education, Employment, Social Well-Being]. Moscow, CSP i M, 2014: 548 (in Russ.).
6. *Education in numbers: 2023: a brief statistical book*. Moscow, ISIEZ VSHE, 2023: 132 (in Russ.).
7. *Labour force, employment and unemployment in Russia (based on sample labour force surveys)*. 2022. Moscow, Rosstat, 2022. Accessed 22.12.2023. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Rab_sila_2022.pdf (in Russ.).
8. *Russian Statistical Yearbook. 2020: Statistical Yearbook. Section 5: Labour. Employment and unemployment*. Moscow, Rosstat, 2020. Accessed 22.12.2023. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Ejegodnik_2020.pdf (in Russ.).
9. Sitnikova I. V. Professional self-determination of students: the motivational and value dimension. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Obshchestvennye nauki*, 2021: 2 (58): 83–99 (in Russ.). DOI: 10.21685/2072-3016-2021-2-9; EDN: APOXWA.
10. Sitnikova I. V. Today's student population: the specifics of vocational choice. In IX International Sociological Grushinsky Conference «Social Engineering: How Sociology Changes the World», Moscow, 20–21 March 2019. Ed. by A. V. Kuleshova. Moscow, VCIOM, 2019: 304–308 (in Russ.). EDN: ALBBOR.
11. Terent'ev K. Yu. Educational strategies of Russian youth: Towards a typology. *Vestnik SPbGU. Ser. 12. Sotsiologiya*, 2016: 2: 17–27 (in Russ.). DOI: 10.21638/11701/снб12.2016.202; EDN: YNLBUZ.
12. Fatenkov A. N. Sub'ekt: paradigma vozvrashcheniya [A Subject: Paradigm of Return]. *Chelovek*, 2011: 5: 5–20 (in Russ.). EDN OIXRST.
13. Fatenkov A. N. Choice: A phenomenon under a cloud of suspicion. *Chelovek*, 2016: 3: 48–62 (in Russ.). EDN: WKTZVR.

14. Haken H. Synergetics. Transl. by V. M. Emelynov. Ed. by Yu. L. Klimantovich, S. M. Osovets. Moscow, Mir, 1980: 404 (in Russ.).

15. Weidlich W., Haag G. Opinion Formation – an Elementary Example of SemiQuantitative Sociology. In Weidlich W., Haag G. Concepts and Models of a Quantitative Sociology: The Dynamics of Interacting Populations. Berlin, Heidelberg, Springer, 1983: 18–53.

The article was submitted on: March 29, 2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Aleksey N. Fatenkov, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of Department of Industry and Applied Sociology; Professor of the Department of Social Sciences and Humanities

Irina V. Sitnikova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Industry and Applied Sociology

ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ

DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.10

EDN: AUBXPL

Жизненные позиции тувинской молодежи: вариативность социокультурной субъектности

Ссылка для цитирования: Селиверстова Н. А., Сорокин О. В., Ооржак С. У. Жизненные позиции тувинской молодежи: вариативность социокультурной субъектности // Вестник Института социологии. 2024. Том 15. № 2. С. 151–173. DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.10; EDN: AUBXPL.

For citation: Seliverstova N. A., Sorokin O. V., Oorzhak S. U. Life positions of Tuvan youth: variability of sociocultural subjectivity. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 2. P. 151–173. DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.10; EDN: AUBXPL.

SPIN-код: 8134-7636

Селиверстова Нина Анатольевна¹

¹Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

nas0311@ya.ru

SPIN-код: 2075-3920

Сорокин Олег Владимирович¹

¹Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

ov.sorokin@gmail.com

SPIN-код: 6214-4770

Ооржак Сайлана Ужар-ооловна¹

¹Тувинский государственный университет,
Кызыл, Россия

saylana@yandex.ru

Аннотация. В статье¹ представлены результаты исследования жизненных позиций студентов-тувинцев в сферах родственных и правовых отношений. Теоретико-методологические основы исследования составили положения концепции саморегуляции жизнедеятельности молодежи и данные тувиноведения, определяющие уникальность смыслов культурного пространства тувинской молодежи. Эмпирическая база исследования – материалы фокус-групп со студентами-этническими тувинцами (2022 г.). По результатам анализа подтверждена высокая значимость родственных связей для большинства информантов-тувинцев. По смысловым основаниям отношения молодых тувинцев к феномену трудоустройства «своих» выделены традиционные, современные и гибридные жизненные позиции. Авторы подчеркивают неоднозначность гибридных жизненных позиций, в которых противоречиво komponуются представления о профессионализме как критерии выбора кандидатов на вакансию и предпочтение родственников в смоделированной ситуации отбора претендентов на должность, конкретные ожидания поддержки от родственников. Латентно противоречивость проявляется в форме идеализации потенциального взаимодействия с родственниками по вопросам трудоустройства. Предполагается, что это не вполне осознанная попытка молодых людей скрыть глубинные предрасположенности к использованию ресурса «родственные связи» за демонстрацией своей приверженности современным требованиям к процедуре трудоустройства и соответствия должности. Применительно к практикам взаимопомощи родственников кроме вышеназванных типов выделена позиция, выраженная в допущении жизни за счет богатого, успешного родственника, в ее основании – девиантные смыслы иждивенчества, потребительства.

Выявлено, что жизненные позиции тувинской молодежи в сфере права отражают общероссийские тенденции. В основании позиций законопослушной молодежи инструментальные смыслы (обеспечение порядка, безопасности) и неизбежность наказания, законопослушной молодежи – девиантные смыслы, суть которых проявляется в неуважении к закону и правовой инфантилизм. Позиционирование государства как нечестного партнера используется для оправдания несоблюдения законодательных норм во взаимодействии с ним. Правовой инфантилизм и правовое невежество части студентов-тувинцев, как и части других российских студентов, либерализация сознания в отношении правового поведения других людей, выходящего за рамки социальной нормы, актуализируют не только институциональную регуляцию правового просвещения и воспитания молодежи и детей, но и планомерное изменение реальности в сфере обеспечения законности. По отношению к правовому поведению других людей выделены активные (заинтересованные) и пассивные (безразличные) жизненные позиции.

Ключевые слова: тувинская молодежь, жизненные позиции, саморегуляция жизнедеятельности, смыслы, социокультурная субъектность, сфера родственных отношений, сфера правовых отношений

Введение

Жизненные позиции молодежи – предмет междисциплинарных исследований. В социологии рассматриваются внешние факторы формирования жизненных позиций молодежи [11; 35], их смысловая саморегуляция [12].

¹ Авторы выражают искреннюю благодарность Ламажаа Ч. К.-О., д. филос. н., за помощь в организации исследования, многочисленные консультации, ценные рекомендации при подготовке статьи.

В психологии фокус исследовательского внимания направлен на анализ взаимосвязи внутренних факторов и жизненной позиции молодого человека, поскольку возраст во многом определяет специфику жизненных позиций [33; 34], а также на разработку методологических основ, методики исследования жизненных позиций, апробацию их [22; 8]. Вместе с тем предметно-объектное поле исследований демонстрирует нереализованный потенциал, с одной стороны – в части жизненных позиций молодежи в конкретных сферах жизнедеятельности и отношения к определенным объектам социальной реальности, с другой – в части анализа жизненных позиций различных групп молодежи. Этнический аспект в данном случае представляется чрезвычайно актуальным. Жизненные позиции молодежи Тувы прежде не исследовались, хотя отдельные их компоненты подвергались анализу [1; 2; 3; 15; 27; 30]. К тому же заметим, что жизненные позиции при всей своей устойчивости не являются константными, изменяются в процессе накопления жизненного опыта. Цель данной статьи – выявление смысловых оснований и вариативности жизненных позиций тувинской молодежи в сферах родственных и правовых отношений. Под термином «тувинская молодежь» мы имеем в виду молодежь – жителей Республики Тыва, представителей коренного этноса тувинцев. С позиций методологии целостного подхода В. И. Чупрова и Ю. А. Зубок тувинская молодежь рассматривается как часть тувинского этноса, одновременно представляющая группу «российская молодежь».

Теоретико-методологические контуры исследования

Жизненные позиции тувинской молодежи исследованы в рамках качественной стратегии, которая согласуется с концепцией саморегуляции жизнедеятельности молодежи Ю. А. Зубок и В. И. Чупрова [13], задающей направление поиска в выявлении вариаций жизненных позиций тувинской молодежи, многообразия их смысловых оснований. В рамках данной концепции дано следующее определение предмета исследования: «Жизненная позиция как многоплановое явление на уровне сознания представляет собой систему установок, осознанных представлений и убеждений в отношении активности, определенным способом закрепленных в социальных практиках» [12, с. 85]. В этом определении выделены когнитивные составляющие и их связи с социальным действием. К. Д. Абульханова-Славская особенно подчеркивает значимость деятельностного компонента в определении понятия «жизненная позиция» как «...совокупности реализованных жизненных отношений, ценностей, идеалов и найденный характер их реализации» [1, с. 27]. Д. А. Леонтьев, интерпретируя понятие «жизненная позиция» через «отношение не просто к жизни, но к собственной жизни, как отношение субъектного к объектному в себе», когнитивные и деятельностные элементы отношения дополняет эмоциональными [22].

В концепции саморегуляции жизнедеятельности молодежи жизненная позиция анализируется в ряду показателей социокультурной субъектности, представляющих собой многомерные образования со сложной структурой, базирующиеся на смыслах.

Под смыслом в данной статье понимается осознанное субъектом значение объекта социальной реальности. В молодежной среде бытуют объективированные смыслы, воспроизводящиеся в рамках конкретных институтов, которые могут приниматься как данность на определенном этапе жизни, переосмысливаться и наполняться новым ценностным содержанием, и смыслы, порождаемые молодежью в конкретных социокультурных условиях.

Рассматривая жизненную позицию как проявление социокультурной субъектности молодежи, обратимся к трактовке исходного понятия. В. А. Луков понимает социокультурную субъектность молодежи как «способность к проявлению самостоятельной инициативы в социуме; эта осваиваемая способность, с одной стороны, обусловлена наличием конкретной цели, соответствующей мотивацией, развитым механизмом саморегуляции, осознанием своей роли и ответственности, а также наличием осознанной позитивной жизненной стратегии, с другой – противоречиво встречается приобретенными эту способность в виде жизненного опыта и соответствующего ему нормативно-ценностного сопровождения старшими поколениями» [23, с. 6]. Акцент на просоциальную направленность социокультурной субъектности создает впечатление идеализации молодежи, но автор определения, рассматривая указанный феномен в связи с процессами социализации и инкультурации, подчеркивает, что формы и направленность субъектности молодежи могут не совпадать с ожидаемыми результатами целенаправленной регуляции [23]. Варианты этих «несовпадений» и «совпадений» применительно к жизненным позициям достаточно разнообразны. В самом общем виде просоциальным жизненным позициям противостоят асоциальные и анти-социальные. Между полярными жизненными позициями, подкрепленными конкретными смыслами, на континууме располагается многообразие жизненных позиций как вполне определенных, так и неопределенных, учитывая возрастные границы группы «молодежь». Однако, мы полагаем, что не все жизненные позиции надлежит рассматривать как бинарные оппозиции. Рассмотрим выделенные ранее направленности жизненных позиций молодежи, основные характеристики которых зависят от методологии исследования и измеренных показателей. Чаще всего выделяют бинарную оппозицию: жизненные позиции активную и пассивную. Понятие «активность» подразумевает положительную коннотацию, которая эмпирически подтверждается: в своем большинстве молодежь с активной жизненной позицией интегрирована в общество. В основании активной жизненной позиции – вполне гармоничное сочетание традиционных и современных смыслов, пассивная жизненная позиция в смысловом отношении размыта и, может быть, не определена, но при этом она не исключает ситуационной активности [12]. Гражданские позиции молодежи основаны на равнодушии, включенности в социальный контекст, рефлексивности к окружающему их миру и любви к своей стране [26], по другим же исследованиям – противоречивы, затрудняют процессы социальной интеграции [36].

Жизненные позиции в конкретных сферах жизнедеятельности имеют предметную специфику. В сфере права, опираясь на исследования правосознания [14; 37], это понятие мы определяем как сочетание

представлений молодежи о действующем (позитивном) праве, установок на реализацию своих прав и исполнение обязанностей, отношения к правам и обязанностям других людей, правовому поведению окружающих людей и собственные практики взаимодействия с законом. Жизненные позиции молодежи в сфере права проявляют ее социокультурную субъектность, в первую очередь, через законопослушание/допущение нарушения законов, регуляторами которых выступают смыслы соблюдения/несоблюдения законов.

Сфера же родственных отношений не ограничивает рамками семьи предмет взаимодействия участников, ролевые функции которых предусматривают интерес практически ко всем аспектам жизнедеятельности друг друга. И это априори создает проблемную ситуацию, так как предполагает ролевые конфликты между исполнением роли родственника и другими социальными ролями, например, сотрудника какой-либо организации. По материалам фокус-групп с тувинскими студентами нами выявлено, что ключевыми компонентами их жизненной позиции в сфере родственных отношений являются представления о границах семьи (нуклеарной или расширенной), соответственно признание участников взаимодействия в качестве родственников. Уже на этом уровне определяется субъектность молодого человека, обнаруживая его принадлежность к современной или традиционной культуре. Раскрывается его субъектность в направленности жизненной позиции, которая в разной степени проявляется через установки на взаимодействие/помощь родственнику, либо их ограничение нуклеарной семьей, или отсутствие, ориентацию исключительно на себя как самостоятельного актора, собственные интересы.

Жизненные позиции формируются в конкретных социально-экономических и социально-политических отношениях, социокультурной среде, в значительной мере определяются процессами глобализации.

Культурное пространство тувинской молодежи. Понятие «культурное пространство молодежи» обосновано Ю. А. Зубок и В. И. Чупровым [13]. Они определили структуру культурного пространства как среду обитания (природная, техногенная, социокультурная) и «особую форму существования культуры в сознании людей» [13, с. 55]. Уникальность культурного пространства тувинской молодежи складывается из множества характерных условий и черт. Особенности ландшафта (горные системы Западного и Восточного Саяна, отделяющие территорию проживания тувинцев от соседних территорий) сформировали у местного населения ощущение обособленного «внутрисаянского мира» [17; 28]. Многовековые традиции кочевого скотоводства, жизнь, тесно связанная с природными циклами, – все это сформировало в культуре рациональное отношение к природе [17]. Рационализм и практичность – характерные черты тувинцев, которые сочетаются с иррациональным началом: традиционными верованиями в местных духов, хозяев мест [18]. Но современной тувинской молодежи присущи рационализм и практичность. Что касается традиционных верований, то по данным социологического опроса тувинских студентов (2022 г.), почти половина опрошенных идентифицирует себя с верующими, пятую часть

среди которых составляют последователи шаманизма [24, с. 106]. В традиционной тувинской культуре рационализм и практичность сосуществуют с ориентациями на родственную группу, в среде тувинской молодежи эти свойства встречаются в комбинации как с установками на коллективизм, так и на индивидуализм [30].

Социокультурная среда как часть культурного пространства тувинской молодежи представляет собой сложное, противоречивое смешение результатов модернизации советского и постсоветского периодов, процессов архаизации, разрушения этнокультурных традиций, явлений неотрадиционализма как видоизменения и адаптации конкретных традиций к реалиям современной жизни и включения в глобальный мир посредством цифровизации [7; 9; 17; 20; 25; 29; 32]. Адаптация традиций к современной повседневности является результатом высокой самоорганизации активных представителей тувинского этноса, среди которых бóльшую долю составляют женщины. Эта деятельность выражает защитную реакцию на модернизацию – стремление к сохранению этнической самобытности. Процессы архаизации проявились «... в возвращении патриархальности, преобладании тактики семейного выживания, увеличении доли сложных семей, даже в городских поселениях (состоящих из двух и более простых частей – родителей и детей), а также актуализации родоплеменных связей в превращенной форме – в клановости, в том числе во власти» [17, с. 106]. Для предмета нашего исследования это крайне важное условие социокультурной среды, которое мы детальнее рассмотрим в его преломлении в сознании молодых тувинцев. Итак, культурное пространство тувинской молодежи на уровне сознания составляет совокупность смыслов этнической культуры и молодежной субкультуры, отражающих как общероссийские, так и зарубежные тенденции.

Продолжающиеся исследования тезауруса современной тувинской культуры подтверждают бытование среди основных концептов, понимаемых, согласно тезаурусной концепции Вал. А. Лукова и Вл. А. Лукова, как «сращение смысла, чувственного восприятия и образа», концепта *төрөл* (что на тувинском языке означает: родственник, родня, род/родовой) [32, с. 106]. Традиционная культура предписывает тувинцу обязанность знать свой род до 9 колена [16]. Ценность родства связана с бытующим убеждением среди тувинцев о том, что самостоятельно, без помощи родственников индивид почти ничего не может достигнуть в жизни [17]. На основе этой ценности сформировалась норма обычного права: решение жизненных проблем преимущественно с помощью родственников. Данная норма остается существенным регулятором социальных отношений в тувинском обществе. В настоящее время исследователи фиксируют как распространение практик поддержания родства, взаимопомощи, оказания помощи малоимущим родственникам или оказавшимся в трудной жизненной ситуации, так и сознательный отказ от родства [32]. Традиция взаимопомощи родственников в традиционной тувинской культуре как сложная последовательность обязательных символических действий и вербальных обращений описана М. Б. Кенин-Лопсаном [16]. Родственная взаимопомощь была характерна

и в варианте предоставления работы для членов кочевой общины. По мнению В. М. Дамдынчап, система взаимопомощи в сочетании с практиками совместного кочевания сглаживали социальное неравенство населения [11]. В настоящее время это прямое обращение за помощью или помощь, оказанная по инициативе, как правило, старшей женщины в расширенной семье – родственной группе [21]. Для этого активно используются мессенджеры, в которых созданы группы родственников, взаимодействующих по широкому кругу вопросов [19].

В сложных социально-экономических (высокий уровень безработицы) и социокультурных условиях реализации традиции взаимопомощи среди тувинцев сложился феномен жизни малообеспеченных представителей рода за счет работающих, успешных родственников, распространены иждивенческие настроения, в том числе в молодежной среде [5; 31].

Упомянутая ранее норма обычного права по использованию ресурса родственных связей в решении различных жизненных проблем в ряде случаев вступает в противодействие с нормами права. А нормы обычного права и традиции молодыми тувинцами-носителями современной культуры могут определяться как девиации и даже делинквенции. На эмпирическом уровне жизненные позиции тувинской молодежи в сфере правовых отношений не исследовались, как и правовая культура, правосознание данной группы.

Методы и материалы исследования

В нашем исследовании использовался метод фокус-групп. Сценарий включал обсуждение утверждений, содержащих девиантные смыслы этнокультурного генезиса («Предпочтение своего родственника другим, более достойным кандидатам, при трудоустройстве, это нормально», «Можно жить, не работая, жить за счет успешных, богатых родственников») и универсальные для российской реальности («Закон надо уметь обходить», «В нашем мире правят деньги и не важно, как они заработаны»). Данные утверждения выполняли функцию провоцирующего элемента дискуссии и позволили зафиксировать жизненные позиции тувинской молодежи в сферах родственных и правовых отношений. Выбор предмета исследования сопряжен с реализацией методологии целостного подхода. Мы рассматриваем жизненные позиции студентов-тувинцев в отношении уникального этнического феномена и сравниваем их позиции в сфере права с позициями других российских студентов.

Эмпирическая база исследования: протоколы 3-х фокус-групп со студентами 1 и 2 курсов Тувинского государственного университета – этническими тувинцами-билингвами (18 информантов, февраль–март 2022 г.), материалы видеозаписей дискуссий. При отборе респондентов учитывался пол, обучение в городской или сельской школе. Дискуссия проводилась на русском языке. Модератор – тувинка-билингва (С. У. Ооржак). Материалы обсуждения стимульных суждений с отклоняющимися смыслами универсального характера соотнесены с протоколами 3-х фокус-групп со студен-

тами 1 и 2 курсов МГУ имени М. В. Ломоносова, РЭУ имени Г. В. Плеханова, Тюменского индустриального университета. Количество участников – 22. Время проведения: май – июнь 2021 г. Критерии отбора информантов те же. По этнической принадлежности – группа смешанная, большинство составили этнические русские. Расшифровки видеозаписей фокус-групп обрабатывались вручную, так же производились группировка суждений респондентов, подбор цитат.

Жизненные позиции в сфере родственных отношений

В процессе групповой дискуссии выяснилось, что большая часть студентов-тувинцев относит к родственникам представителей расширенной семьи/родственной группы, меньшая часть – только членов родительской семьи. Стимульное суждение «Предпочтение своего родственника другим, более достойным кандидатам, при трудоустройстве, это нормально» вызвало активное обсуждение данного феномена. На эмоциональном уровне информанты не признали нормальными практики предпочтения своего родственника другим, более достойным кандидатам, при трудоустройстве. В процессе размышлений студентов об этих практиках проявились полярные варианты отношения к ним: как к допустимым при определенных обстоятельствах и резко отрицательное, маркированное как «коррупция». Данные практики «нормальны», по мнению участников фокус-групп, если родственник обладает необходимой квалификацией, профессионален. Представления о том, что не родственные отношения должны рассматриваться как критерий выбора кандидата на вакансию, а его профессионализм, поддерживаются большинством участников группового интервьюирования, то есть проявлен компонент современной жизненной позиции.

Однако заметны различия позиций при обсуждении явления как такового и непосредственно связанного с респондентом. Моделирование модератором различных ситуаций с участием в них респондентов показало, что большинство участников фокус-групп готовы работать с родственниками. Пятая часть студентов-тувинцев четко заявили о своей жизненной позиции: «Я всего должен (-на) добиться сам (-а)». Те, кто готов выстраивать с родственниками трудовые отношения, оговаривают ряд условий: (1) брать родственников на работу при условии их соответствия должности, (2) устраиваться на работу в организацию, руководителем которой будет родственник, если обеспечено прохождение конкурса на общих основаниях, есть уверенность в соответствии должности и готовность вкладываться в развитие компании. Наблюдается некоторая идеализация в ответном моделировании возможных вариантов взаимодействия родственников в трудовом пространстве. Заметим, что приблизительно пятая часть респондентов рассматривает типичную ситуацию: обращение к родственнику, когда нет возможности трудоустроиться в другие организации.

В смоделированной ситуации «Вы – руководитель организации выбираете из двух равных кандидатов на свободную вакансию, один из них – родственник» предпочтение отдается родственнику. Часть респондентов оговаривает необходимое условие – соответствие квалификации родственника должности. В другой ситуации «Родственник пригласит на работу, но в итоге примет другого кандидата на должность» зафиксированы следующие реакции на решение родственника: (1) «если другой кандидат – профессионал, то приму как должное»; (2) независимо от того какими качествами обладает кандидат, которому отдали предпочтение, выбор его родственником будет воспринят как оскорбление и приведет к разрыву родственных связей («мне будет обидно», «я возненавижу его, это же очень обидно»). В равной мере зафиксированы полярные ожидания: не связанные с родственными предпочтениями в трудовой сфере и однозначными ожиданиями приоритета родственной связи. Сочетание установок на сотрудничество с родственниками с ожиданиями приоритета родственной связи при выборе кандидата на должность составляют традиционную жизненную позицию.

Респонденты признают трудоустройство родственников распространенным в Туве, знают о реальных случаях трудоустройства родственников в государственные организации и частные фирмы. Мнения по поводу того, насколько это уникальное тувинское явление, разделились. Часть информантов связывают его исключительно с Тувой, остальные соотносят его и с другими регионами России. Студентами-тувинцами высказана точка зрения и относительно его распространения в определенных сферах деятельности как в Туве, так и в России в целом. Один из участников фокус-группы сформулировал это так: «Все, кто связаны с властью и политикой, все своих родственников подтягивают. Даже, если рассмотрим Путина, вокруг него – его родственники».

Мнения информантов, высказанные относительно того, укрепляют ли родственные связи рассмотренные практики трудоустройства, неоднозначны: первые связаны с подтверждением усиления родственных связей («зависимость возникает»), вторые сопряжены с оценками возможных рисков. Среди них: родственник может работать вполсилы («сесть на шею», «будет хромать работа, будет халтурить»), если уволить родственника, то это может привести к конфликту («... кричать будут, что вы нас не уважаете»).

В объяснении тувинскими студентами широкого распространения феномена поддержки родственников при трудоустройстве обнаруживаются его традиционные смыслы. Некоторые из них воспроизводятся с негативной коннотацией («пережитки прошлого, раньше жили общиной»), другие имеют позитивное значение: форма помощи родственнику («чтобы родственники зарабатывали деньги»), опора на «своих» («родственникам доверия больше»). Есть и понимание мнения родственной группы как регулятора поведения («чтобы родственники не осуждали, поэтому дают работу»), что является показателем родственных взаимосвязей.

Следующее стимульное суждение «Можно жить не работая, жить за счет успешных, богатых родственников», как и в случае с обсуждением практик предпочтения родственника при трудоустройстве, вызвало эмоци-

ональные оценки большей части респондентов. Они выразились в осуждении: «это низко», «некрасиво», «нехорошо». Здесь обнаруживается непонимание того, почему нужно помогать здоровому человеку («Почему взрослого и здорового человека кто-то должен кормить и содержать?»). Модератор не уточняла состояние здоровья родственника – объекта помощи, следовательно, участники фокус-групп имеют представление о том, что за помощью могут обращаться люди, потенциально способные заработать себе на жизнь.

Последующее обсуждение позволило уточнить варианты отношения студентов-тувинцев к существующему явлению. Информанты обращают внимание на то, что факт существования успешных, богатых родственников не влечет за собой возможность жить за их счет, т. е. допускается вероятность отказа от помощи. Развитие дискуссии привело к прогностическому допущению, смоделированному одним участником исследования. Он определил условия подобного выбора для него: «Если бы мой отец заработал миллион долларов, то я бы жил за его счет». Однако и в случае, если это не отец, а другой родственник, допущение также зафиксировано. Конкретно здесь проявилась пассивная жизненная позиция – «если на то будет воля родственника, то можно жить за его счет». В ее основании – принятие иждивенчества как экзистенциального смысла. Этот аспект требует дополнительных исследований в части уточнения диапазона случаев в принятии воли богатого родственника.

В представлениях всех остальных респондентов, отрицающих для себя возможность жить за счет родственника, повторились компоненты современных смыслов. Смыслы независимости, самостоятельности, индивидуализма («человек не должен зависеть от кого-то, он должен надеяться только на себя», «хочу быть самостоятельной») и экзистенциальный смысл – самореализация («жизнь без работы, дела – скучна, человек не развивается») составляют основания жизненных позиций студентов-тувинцев.

Вопрос о том, можно ли обращаться за помощью к родственникам, они решают для себя следующим образом:

1. Обращаться за помощью к родственникам, если те действительно обладают ресурсами, можно без ограничений поводов (традиционная позиция).

2. Обращение за помощью к родственникам имеет некоторые ограничения для просителя: «если это действительно очень важно, но при этом не нагнать», «просить помощь можно, но в пределах разумного». Границы практик взаимопомощи в процессе обсуждения обрели конкретику. Рациональная, практичная и стремящаяся к независимости молодежь считает, что обращаться за помощью к родственникам можно только в случаях, когда стоит вопрос «жизни или смерти» («собрать деньги на операцию», «...когда сгорела квартира или дом, когда нет дохода, можно занять у родственника на время») или есть другие серьезные причины (проведение свадьбы, получение образования, стартовый капитал на открытие бизнеса).

3. Однако для определенной части студентов проведение свадьбы – это не повод для обращения к родственникам за помощью («надо заранее подготовиться, чтобы не просить о помощи родственников»), здесь же и ежедневные расходы («просить деньги на одежду и продукты нельзя»).

4. Есть и те, кто допускает возможность обращения к родственникам при острой необходимости, но это не безвозмездная помощь, деньги нужно возвращать «в любом случае надо отдавать, это деньги – это труд того человека, у которого ты попросил». В ответах студентов-мужчин проявилась и сугубо мужская, современная субъектность «я не смогу просить помощи» (в сингулярном варианте).

Группировка ответов на вопрос «Как вы считаете, родственники, имеющие высокий доход, должны помогать бедным родственникам?» дает дополнительную информацию об отношении тувинской молодежи к традиции взаимопомощи. Представления информантов по этому вопросу имеют градацию:

1. Однозначно не должны («каждый человек ответственен за самого себя», «никто никому ничего не должен»).
2. Это желание богатых родственников, но не долг.
3. Родственники иногда должны помогать, не всегда.

В семьях участников фокус-групп помогают родственникам. Респонденты находятся в позиции наблюдателей. Помощь оказывают работающие члены семьи, имеющие финансовые ресурсы. Анализ эмпирической информации свидетельствует о том, что студенты-тувинцы осведомлены о процессах неотрадиционализма, протекающих в Туве, и осознанно излагают свои позиции в отношении этнокультурных феноменов современной им реальности.

Жизненные позиции в сфере правовых отношений

Материалы дискуссии по суждению «Закон надо уметь обходить» позволили выделить несколько вариантов жизненных позиций тувинских студентов, различающихся по установкам на исполнение законов и определенности отношения к ним. Сформированная позиция законопослушной молодежи в своем основании имеет следующие смысловые компоненты инструментального характера («иначе начнется хаос», «нарушение законов грозит нашей безопасности»), и неотвратимости наказания («несоблюдение законов карается», «рано или поздно нарушение закона откроется и придется ответить», «по закону «бумеранга» все равно придется ответить»).

Следующая сформированная позиция незаконопослушной молодежи основана на критичном восприятии отдельных законов – «бредовые» законы можно обходить («на Ютубе много видеороликов об этом»¹). Она представляет вариант довольно типичной саморегуляции жизнедеятельности девиантного типа, оправданием которой служит несовершенство законодательства. Возражения законопослушной молодежи выражены однозначно – несовершенство законов не может служить оправданием их нарушения. В этом случае закон необходимо корректировать, вносить

¹ О несовершенных законах и способах их обхода.

изменения. В жизненной позиции этой части молодежи базу составляют представления о приоритете законов как формы регулирования социально-экономических и других отношений.

Позиция части информантов, проявляющих склонность к делинквенции на когнитивном уровне, в некоторой мере основана на правовом инфантилизме («в целом законы нужно соблюдать, но некоторые можно обходить для своей пользы, применяя законные способы», «несерьезные законы можно обходить»). Кроме того, эта позиция включает представления о том, что «все» нарушают законы и «все» об этом знают, таким образом нарушение законов уравнивает «всех». Аргумент-обращение ко «всем» служит оправданием собственных незаконных практик (пока гипотетических) как действий обычных, типизированных, а, значит, снимающих ответственность с субъектов деятельности. Студенты-тувинцы не конкретизировали понятие «все». Это отличает их от других российских студентов, исследованных нами, которые свою склонность к делинквенции объясняют тем, что люди, обладающие властью, нарушают законы и этим провоцируют остальных («если человек нарушает закон, он думает, что имеет некие привилегии, обычно это люди, которые находятся выше нас», «“сверху” идет, так скажем, противодействие закону, почему они дают нормы и их нарушают, значит и мне можно это делать»), а также – претензиями к государству («государство меньше работает на общество, поэтому здесь я бы закрыла глаза на факты обхода закона», «в России, как мне кажется, люди очень много недополучают от государства, и поэтому, если у тебя есть какой-то способ, как сохранить свой доход на чуть более высоком уровне и при этом не отдавать деньги в воздух (налоги. – Прим. авт.)... нет ничего зазорного»).

В группе других российских студентов возникает еще такое основание ненормативной позиции как ситуация. Ситуация определяет, надо соблюдать закон или стоит его обойти («...у тебя пьяные родители, и ты сел за руль без прав. Ты нарушил закон, но зато вы доехали спокойнее», «... только когда уже прям критическая ситуация, только в этом случае, а так нет смысла»).

В этой группе студенты также проявляют правовой инфантилизм («если это (обход закона – прим. авт.) никому не вредит и не переходит границы закона, то ничего плохого в этом нет»). Как и у тувинских студентов, возникает понятие «несерьезные нарушения законов». Это те законы, «нарушение которых не имеют особых последствий» («дать деньги, чтобы за тебя написали работу», «покупка справки о положительном тесте на коронавирус» (для ухода группы на дистантное обучение – прим. авт.)), если же наказание неотвратимо, то «стоит задуматься». Неуплата налогов третью респондентов отнесена к «несерьезным» нарушениям закона. Более того, в одном случае использовано обобщение как оправдание неуплаты налогов («если учитывать, что в нашей стране процветает воровство, то к неуплате налогов я отношусь позитивно»).

Основания нормативной жизненной позиции молодежи другими российскими студентами дополнены выгодами законопослушания в бизнесе – «отсутствие компромата». Ссылаются в этих случаях на практики ведения бизнеса, уплату налогов отцами.

Отношение к правовому поведению других людей, являясь компонентом жизненной позиции в сфере права, одновременно свидетельствует о некоторой устойчивости самой позиции. Анализ ответов на вопрос «Изменится отношение к другу, если выяснится, что он смог обойти закон и при этом не был пойман?» демонстрирует последовательность студентов-тувинцев в своих позициях. Те, кто допускают нарушение «несерьезного закона», «разрешают» это делать и другу (неуплата налогов, нарушение правил дорожного движения), и заявляют о неизменном к нему отношении. Среди заявивших о законопослушной позиции выражены противоположные варианты отношения к таким друзьям: заинтересованная, активная, в своем основании – ценностно-нормативная («я его предупрежу, что если так будет продолжаться, то все равно наказание последует», «осуждение с моей стороны он точно получит») и безразличная, пассивная позиция к субъекту делинквентного действия («это его проблема», «это же его жизнь»).

В основании позиций тех, кто заявил об изменении отношения к другу в описанной ситуации, есть опасение по отношению к нему («если человек намеренно обошел закон, то начну его остерегаться»), моделирование прекращения дружбы, связанное с риском попасть под влияние такого друга («я бы перестал с ним поддерживать связь, он в дальнейшем может и меня подтянуть на такое»), приоритет законопослушного поведения, равенство всех перед законом («если человек нарушив закон, отмахался деньгами, он скажет, что и в следующий раз можно отмахнуться деньгами, так что нужно отвечать за свои деяния»).

Другие российские студенты солидарны с тувинскими в обосновании неизменного отношения к другу, обошедшему/нарушившему «несерьезный» закон, но дополняют перечень «несерьезных» нарушений кражей («... ну украл и украл, но если это было бы убийство, изнасилование, то я бы прекратил с ним общение... это терпимо, может быть, нужно было ему украсть, на что-то не хватало, я бы остался с ним в дружеских отношениях»).

Следующее дополнение связано с выделением мотивации обхода закона другом, если действие вынужденное, то субъект позиции готов помочь, если преднамеренное, то продекларирован разрыв дружеских отношений. Такой друг создает риски, опасность для субъектов мнений. В одном случае проявлена готовность простить друга, «если это первый раз». В этой группе студентов так же, как и среди студентов-тувинцев бытует устойчивое мнение о том, что друг, нарушивший «серьезный» закон опасен («если этот человек серьезно нарушил закон, то сразу же обрubiла все общение, убрала бы такого человека из жизни, потому что это опасно, в первую очередь, для меня и моих близких»). Вариант безразличной пассивной позиции зафиксирован в форме: «Ну, я не полицейский, поэтому у меня нет желания наводить справедливость и порядок. Если меня это не касается, то и я касаться этого не собираюсь»).

Структура стимульного суждения «В нашем мире правят деньги и не важно, как они заработаны» определила, в свою очередь, структуру позиций студентов-тувинцев.

Рациональная позиция законопослушной молодежи

Выражена через согласие с первой частью суждения («Деньги правят миром, они дают свободу, расширяют возможности», «В деньгах – счастье, они обеспечивают комфорт и удобство. Можно все быстро получить, имея деньги, например, платные медицинские услуги», «Деньги правят. Времена такие настали, попросишь кого-то помочь, скажет “плати”») и несогласие – со второй частью («Важно, как они заработаны, они должны быть заработаны честным трудом», «Деньги для меня – показатель трудоспособности человека, того, что человек долго и усердно занимался тем или иным делом», «Деньги – показатель интеллекта, ума, образованности человека», «Всегда можно найти честный способ заработать деньги, возьми гитару и пой на улице, сними видеоролик, найди работу», «Другие люди страдают» – о последствиях нечестных заработков – *прим. авт.*»). Среди других российских студентов, как и среди студентов-тувинцев, есть те, кто демонстрируют законопослушание («Закон превыше всего, он держит наше общество в узде, чтобы мы не превратили жизнь в хаос. Очень важно, чтобы деньги были заработаны честным путем ни каким-то грабежом, денежными махинациями, обманом системы»). Они дополняют этот вариант жизненной позиции смыслом, выходящим за рамки собственной жизни («Довольно важно, чтобы деньги были заработаны честным путем... они поддерживают «белую» экономику... экономика развивается, и всем от этого лучше»), и ценностью репутации («...Важен путь и история человека, и то, как он достиг успеха. Сейчас такая тенденция, что многие зарабатывают и становятся успешными медиа-личностями, обманывая людей. <...> Люди не будут их уважать»).

Иррациональная позиция законопослушной молодежи

Выражена через несогласие с обеими частями суждения: «миром правит любовь, деньги важны, но не они правят миром, и зарабатывать их нужно честно, не нарушая справедливость». Эта мысль принадлежит студентке-тувинке, в нашем исследовании – единична. Есть основания и для рассмотрения этой позиции как оторванной от жизни, в связи с идеализацией окружающего мира.

Рациональная позиция молодежи, допускающей девиации

Выражена через согласие с обеими частями стимульного суждения («деньги правят миром», «в нашей республике далеко не во всех селах есть работа, некоторым приходится зарабатывать нечестным путем, чтобы прокормить семью. Это двусторонняя монета, как бы это «серая» мораль, нет черного или белого, хочешь жить – умей вертеться», «если дома нечего есть, то нормально (зарабатывать нечестным путем – *прим. авт.*), не голодать же»). Но не только сложные обстоятельства оправдывают «нечестные заработки». Нечестные заработки рассматриваются как свидетельство интеллекта субъекта: «Если человек очень богат, то это показатель того, что он

очень целеустремленный, умный, более развитый, чем другие, даже если заработал нечестным путем, он же как-то додумался до этого. Это показатель его сообразительности». Другие российские студенты для обоснования этой позиции используют те же аргументы, что и студенты-тувинцы, причем в тех же выражениях, обращаясь к тем же смыслам. Дополняют же они оправдания нечестных заработков апелляцией ко «всем», ранее зафиксированной в группе молодых тувинцев («...все воруют, просто кто-то больше, кто-то меньше»). В другом случае проявилась вариация либерализации правового сознания в связи с тем, насколько нечестный «заработок» касается субъекта позиции («Если бы мой друг украл бы у меня деньги, я бы перестал с ним общаться, я бы сделал ему плохо, испортил бы ему жизнь. Ну, так бы все сделали. Но, если у него нет денег, и он бы украл деньги у кого-то, не касаясь меня никак, то у меня бы не изменилось мнение, потому что, если он не может пойти и заработать, ему лень или ему проще украсть, то почему нет? Пусть он ворует. *Это его жизнь, он тоже личность*» – курсив авторов). В процессе дискуссии другие российские студенты самостоятельно, без каких-либо действий модератора пытались обобщить высказанное и услышанное, облечь в форму молодежной максимы: 1. «Мы не против воровства, но сами воровать не будем. А то так звучит это все, словно мы готовы что-то украсть уже завтра» и 2. «Мы против воровства, но мы не осуждаем людей». Кроме либерализации правового сознания за этим скрываются попытки и понимания правонарушителя, и обособления от социума.

Рациональная позиция молодежи, проявляющей безразличие к девиациям

У тувинских студентов она выражена через согласие с первой частью суждения («деньги правят миром») и безразличное отношение к людям, зарабатывающим нечестным путем («я им не судья», «меня это не касается», «мне все равно, как люди зарабатывают»). Другие российские студенты в обосновании второй части позиции более четко демонстрируют либерализацию правового сознания в варианте, когда терпимость к правам другого человека выходит за рамки нормы, оказывается за гранью здравого смысла («Я считаю, что человек сам выбирает каким путем ему зарабатывать деньги. Я не осуждаю ни в коем случае никого, кто выбирает нечестный путь, но лично я придерживаюсь официального заработка и честно заработанных денег»). Этот вариант, как и рассмотренные выше, представляют собой иные формы либерализации правового сознания, нежели выявленные в начале 2000-х и связанные с осознанием своих прав учащейся молодежью и информированностью о фактах их нарушения [14]. В исследованиях последних лет умение отстаивать свои права большинство опрошенных студентов оценило выше, чем выполнение обязанностей [6].

Ответы-суждения студентов-тувинцев и других российских студентов об их отношении к друзьям, заработавшим деньги противоправными действиями (часть студентов столкнулась с этим на практике, часть студентов излагала, опираясь на собственные представления) схожи. В обеих группах повторились точки зрения, высказанные ранее в дискуссии по суж-

дению «Закон надо уметь обходить». Мы же фокусируем внимание на том, что в жизненных позициях части студентов в обеих группах четко прослеживается разделение отношения к человеку, заработавшему на преступлении против личности, и – на преступлении против государства. Преступление против личности менее допустимо, чем преступление против государства (студенты-тувинцы – «... если человек-киллер убил человека и зарабатывает, это уже другой вопрос. В более легких случаях отношение не поменяется. Например, если не заплатил налоги, мое отношение никак не поменяется»; другие российские студенты: «если обманывал людей на деньги, то тут 100% поменяется в худшую сторону, если, например, налоговые махинации или что-то связанное с государством, наверное, не поменяется», «это будет зависеть от того, насколько нечестно были заработаны эти деньги, какой вред наносит этот способ, то есть, если это для государства какой-то вред, то это не так страшно, как обманывать людей на деньги»; «если он заработал, не обманывая других людей, то заработал и заработал <...>, а если он убил человека и ему за это заплатили, то я не смогу общаться с таким человеком»).

Подобное отношение к государству подтверждается другими исследованиями. По данным опроса Центра социологии молодежи ИСПИ ФНИСЦ РАН с суждением «Государство обмануть не грех, от него не убудет» согласны 30% молодых мужчин и 23% молодых женщин¹. Это отношение характерно для разных возрастных групп, так «серую» зарплату россияне оправдывают тем, что «государство у них больше отбирает, чем дает» [28, с. 96].

Обобщая результаты анализа по выявлению жизненных позиций тувинской молодежи в сфере права, подчеркнем, что позиции законопослушной молодежи сочетают признание приоритета закона как с заинтересованным, так и безразличным отношением к правовому поведению других людей; позиции незаконопослушной молодежи включают допущение обхода закона и безразличное отношение к правовому поведению других людей.

Заключение

Большая часть жизненных позиций тувинской студенческой молодежи – нереализованные отношения, они проявлены преимущественно на когнитивном уровне, что определяется социальным статусом группы. Эти нереализованные отношения, в основании которых результаты осмысления и переосмысления специфических этнических явлений и наделения объектов социальной реальности смыслами, специфичными для российской молодежи, отражают проявления социокультурной субъектности тувинской молодежи.

Анализ эмпирической информации подтвердил высокую значимость родственных связей для большинства респондентов. Вариации жизненных позиций студентов-тувинцев в сфере родственных отношений показывают,

¹ Данные репрезентативного социологического исследования российской молодежи, проведенного в 133 населенных пунктах 11 субъектов РФ. Тип выборки – квотная, репрезентация обеспечена по полу, возрасту и типу поселения, n = 1640.

что их готовности взаимодействовать с родственниками определяются предметом, ситуацией интеракций, своеобразной системой ограничений или ее полным отсутствием. В отношении феномена трудоустройства «своих» выявлены (1) традиционные жизненные позиции, включающие предрасположенности к преодолению сложностей трудоустройства с помощью ресурса «родственные связи» и однозначные ожидания поддержки от родственников, в основании позиций – смыслы поддержки «своих», опора на «своих»; (2) современные жизненные позиции, исключающие возможность участия в подобных практиках, в основании позиций – экзистенциальные смыслы независимости, самостоятельности, самореализации; (3) гибридные жизненные позиции, допускающие обращение к ресурсу «родственные связи» при определенных условиях (прохождение конкурса, наличие профильного образования, трудности трудоустройства и т. д.), в их основании смешение современных смыслов «труд как источник саморазвития и заработка», «карьера» и традиционных – опора на «своих», поддержка «своих». В гибридных жизненных позициях противоречиво komponуются представления о профессионализме как критерии выбора кандидатов на вакансию и однозначное предпочтение родственников в смоделированной ситуации «Вы – руководитель ...», конкретные ожидания поддержки от родственников. Латентно противоречивость проявляется в форме идеализации потенциального взаимодействия с родственниками в вопросах трудоустройства. Возможно, это попытка молодых людей скрыть глубинные предрасположенности к использованию ресурса «родственные связи» за демонстрацией своей приверженности современным требованиям к процедуре трудоустройства и соответствия должности.

Отношение студентов-тувинцев к традиционным практикам взаимопомощи родственников, включающим финансовую поддержку, подтверждает значимость предмета взаимодействия. Выявлены как традиционные жизненные позиции, не ограничивающие обращения к родственникам за помощью, так и современная (в единичном варианте), выражающая независимую мужскую субъектность, а также гибридные жизненные позиции молодых тувинцев, не только определяющие условия взаимопомощи, но и допускающие отказ от нее субъекта помощи. В основании гибридных жизненных позиций – смешение традиционного смысла поддержки «своих» и индивидуалистических, инструментальных смыслов, а также договорные отношения. Жизненная позиция, выраженная в допущении жизни за счет богатого, успешного родственника, и, проявленная в сингулярном варианте, в своем основании содержит девиантные смыслы иждивенчества, потребительства. К традиционной тувинской культуре это явление не имеет отношения, оно обращает внимание на то, что принятие иждивенчества как смысла жизни возможно и среди тувинских студентов.

Жизненные позиции тувинской молодежи в сфере права отражают общероссийские тенденции. В основании позиций законопослушной молодежи инструментальные смыслы (обеспечение порядка, безопасности) и неизбежность наказания. В основании позиций незаконопослушной молодежи – девиантные смыслы, суть которых проявляется в неуважении к закону и правовой инфантилизм. Здесь же и отношение к государству как нечестному партнеру,

что используется в аргументации несоблюдения законодательных норм во взаимодействии с ним. Правовой инфантилизм и правовое невежество части студентов-тувинцев, как и части других российских студентов, либерализация сознания в отношении правового поведения других людей, выходящая за рамки социальной нормы, актуализируют не только целенаправленную регуляцию правового просвещения и воспитания молодежи и детей, но и укрепление статуса права, повышения доверия к закону как объективному основанию формирования установок на законопослушание.

Библиографический список

1. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 299 с. EDN: SGBTRN.
2. Анайбан З. В. Социальные ожидания и ценностные ориентации учащейся молодежи Тувы // Социологические исследования. 2022. № 2. С. 151–156. DOI: 10.31857/S013216250018548-5; EDN: SUZDSF.
3. Анайбан З. В. Трудовая занятость и социально-профессиональные ориентации молодежи современной Тувы // Новые исследования Тувы. 2018. № 2. С. 112–131. DOI: 10.25178/nit.2018.2.6; EDN: OUJMSB.
4. Анайбан З. В. Молодежь Тувы и Хакасии в XXI веке: Этносоциологические очерки. М.: ИВ РАН, 2017. 240 с. EDN: YNPQYP.
5. Балакина Г. Ф., Кылыгдай А. к. Ч. Особенности адаптации этнических групп Тувы к рыночной экономике // Новые исследования Тувы. 2016. № 2. С. 73–89. EDN: ZGUOX.
6. Баляев С. И., Буркова Д. А., Морозова Н. Н. Особенности представлений о законе и справедливости у студентов вуза // Образование и наука. 2019. Т. 21. № 8. С. 112–129. DOI: 10.17853/1994-5639-2019-8-112-129; EDN: RPMCV.
7. Будегечиева Т. Б. Тувинская культура: материальное и духовное, традиции и новации: монография. Кызыл: ТувГУ, 2018. 115 с.
8. Буюкова К. И., Малкова И. Ю., Будакова А. В. Диагностика субъектной позиции участников волонтерской деятельности в образовании // Вестник ТомГУ. 2021. № 467. С. 55–63. DOI: 10.17223/15617793/467/7; EDN: BEWANE.
9. Дагылга: тувинские обряды освящения в XXI веке / Отв. ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. Кызыл: б. и., 2021. 188 с.
10. Дамаданова С. Р. Вовлечение учащейся молодежи в научную деятельность как средство актуализации культурных ценностей отечественного наследия и формирования активной жизненной позиции молодого поколения // Современные проблемы науки и образования. 2017. № 5. С. 265. EDN: ZQNJDN.
11. Дамдынчап В. М. Роль обычного права в развитии тувинского общества (вторая половина XIX-первая половина XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Абакан, 2006. 23 с. EDN: ZNSDUZ.

12. Зубок Ю. А., Чупров В. И. и др. Жизненные позиции молодежи: смысловые основания формирования // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12. № 3. С. 79–98. DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.738; EDN: YXTHRJ.
13. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Молодежь в культурном пространстве: саморегуляция жизнедеятельности. М.: Норма, 2020. 304 с. EDN: WLJWBA.
14. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Правовая культура молодежи в ракурсе трансформационных стратегий // Социологические исследования. 2006. № 6(266). С. 37–46. EDN: KVENLB.
15. Кекеева З. О., Уварова Г. Н. и др. Исследование сетевой идентичности студенческой молодежи регионов России (на примере Калмыкии и Тувы) // Новые исследования Тувы. 2022. № 4. С. 169–179. DOI: 10.25178/nit.2022.4.13; EDN: JQGIOJ.
16. Кенин-Лопсан М. Б. Традиционная культура тувинцев. Кызыл: Тувинское кн. изд-во, 2021. 248 с.
17. Ламажаа Ч. К. Тува между прошлым и будущим. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Алетейя, 2011. 368 с. EDN: SDSPJV.
18. Ламажаа Ч. К. Национальный характер тувинцев. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. 240 с.
19. Ламажаа Ч. К. Социальная культура тувинцев и онлайн-пространство // Новые исследования Тувы. 2021. № 2. С. 115–129. DOI: 10.25178/nit.2021.2.10; EDN: DSAAID.
20. Ламажаа Ч. К. Очерки современной тувинской культуры. СПб.: Нестор-История, 2021. 192 с.
21. Ламажаа Ч. К. Основные проблемы исследования родства и родственных групп современных тувинцев: паспортизация, терминология и поддержание родства // Новые исследования Тувы. 2021. № 4. С. 6–21. DOI: 10.25178/nit.2021.4.1; EDN: UVFFFO.
22. Леонтьев Д. А., Шильманская А. Е. Жизненная позиция личности: от теории к операционализации // Вопросы психологии. 2019. № 1. С. 90–100. EDN: MEJWMI.
23. Луков В. А., Луков С. В. Субъектность молодежи в процессах социализации и инкультурации // Горизонты гуманитарного знания. 2020. № 1. С. 3–20. DOI: 10.17805/ggz.2020.1.1; EDN: XXVOFB.
24. Лютенко И. В. Социокультурные представления тувинской молодежи с нетрадиционной религиозностью (социологический опыт) // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29. № 2. С. 103–116. DOI: 10.19181/nko.2023.29.2.9; EDN: GWXIIS.
25. Мадюкова С. А., Попков Ю. В. Социокультурный неотрадиционализм: воспроизведение традиций и воспроизводство этничности // Новые исследования Тувы. 2010. № 2. С. 25–39. EDN: PHHLHN.
26. Нартова Н. А. Гражданственность в представлении петербургской молодежи и их родителей // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 38–47. DOI: 10.31857/S013216250007742-9; EDN: URRZSE.

27. Персидская О. А. Роль ценностных ориентаций молодых тувинцев в пространственном развитии Республики Тыва // Новые исследования Тувы. 2019. № 3. С. 41–51. DOI: 10.25178/nit.2019.3.4; EDN: SDRRQS.

28. Покида А. Н., Зыбуновская Н. В. Правовые ценности современных россиян: приоритеты и противоречия // Социологические исследования. 2020. № 1. С. 92–99. DOI: 10.31857/S013216250008327-2; EDN: KMKVLB.

29. Попков Ю. В., Тюгашев Е. А. «Затерянный мир»: тувинская культура в центр-периферийной интерпретации геокультурного и социокультурного пространства // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 225–236. DOI: 10.25178/nit.2022.1.15; EDN: VLVCDB.

30. Селиверстова Н. А., Сорокин О. В., Ооржак С. У. о. Смысловые компоненты в представлениях о родине тувинской студенческой молодежи // Новые исследования Тувы. 2023. № 1. С. 110–124. DOI: 10.25178/nit.2023.1.6; EDN: KKAJJ.

31. Социально-стратификационные процессы в Республике Тыва / Отв. ред. З. Т. Голенкова. М.; Кызыл: ФНИСЦ РАН, 2020. 128 с. EDN: LLBIHS.

32. Тувинцы: Родные люди / Отв. ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. СПб.: Нестор-История, 2022. 360 с. EDN: VXUTKJ.

33. Фоминых Е. С. Взаимосвязь самооффективности и жизненной позиции молодежи // Вектор науки ТГУ. Сер.: Педагогика, психология. 2020. № 2(41). С. 55–59. DOI: 10.18323/2221-5662-2020-2-55-59; EDN: MKVZGV.

34. Фоминых Е. С. Аналитичность-холистичность в проблематике ментальных основ жизненной позиции молодежи // Гуманитарные науки (г. Ялта). 2021. № 3(55). С. 127–133. EDN: LBALRL.

35. Хиль И. М. Правовое сознание, социальная роль и активная жизненная позиция молодежи // Юридический вестник КубГУ. 2012. № 2(11). С. 15–17. EDN: QIZKDR.

36. Шиняева О. В., Ахметшина Е. Р., Ключева Т. В. Патриотизм и гражданские позиции студентов высших учебных заведений в контексте социальной модернизации // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2021. № 3. С. 63–78. DOI: 10.24412/2071-6141-2021-3-63-78; EDN: QHKCSN.

37. Muñoz S. M. Unpucking Legality Through La Facultad and Cultural Citi-zenship: Critical and Legal Consciousness Formation for Politicized Latinx Undocumented Youth Astivists // Equity and Exellence in Education. 2018. Vol. 51. No. 1. P. 78–91. DOI: 10.1080/10665684.2018.1441762.

Получено редакцией: 14.12.23

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Селиверстова Нина Анатольевна, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра социологии молодежи

Сорокин Олег Владимирович, кандидат социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра социологии молодежи

Ооржак Сайлана Ужар-ооловна, заведующая сектором отдела организации научных исследований

DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.10

Life Positions of Tuvan Youth: Variability of Sociocultural Subjectivity

Nina A. Seliverstova

Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS, Moscow, Russia

nas0311@ya.ru

ORCID: 0000-0001-9691-3020

Oleg V. Sorokin

Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS, Moscow, Russia

ov.sorokin@gmail.com

ORCID: 0000-0003-2597-9465

Saylana U-o. Oorzhak

Tuvan State University, Kyzyl, Russia

saylana@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-3048-6497

For citation: Seliverstova N. A., Sorokin O. V., Oorzhak S. U. Life positions of Tuvan youth: variability of sociocultural subjectivity. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 2. P. 151–173. DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.10; EDN: AUBXPL.

Abstract. The article presents the results of a study of the life positions of Tuvan students in the areas of kinship and legal relations. The theoretical and methodological foundations of the study consisted of the provisions of the concept of self-regulation of youth life activity and the data of Tuvan studies, that determine the unique meaning of the cultural space of Tuvan youth. For the empirical basis of the study materials from focus groups with ethnic Tuvan students (2022) were used. The results of the analysis confirmed the high importance of family ties for the majority of Tuvan informants. Based on the semantic basis of the attitude of young Tuvans to the phenomenon of employment of “their kin”, traditional, modern and hybrid life positions are identified. The authors emphasise the ambiguity of hybrid life positions, that promote conflicting ideas such as professionalism as a criterion for selecting candidates for a vacancy and the preference of relatives in a simulated situation of selecting applicants for a position, specific expectations of support from relatives. Latent inconsistency manifests itself in the form of idealisation of potential interaction with relatives on employment issues. It is assumed that this is a not entirely conscious attempt by young people to hide deep-seated predispositions to use the “family ties” resource behind a demonstration of their commitment to modern requirements for the employment procedure and suitability for the position. In relation to the practices of mutual assistance of relatives, in addition to the above-mentioned types, a position is highlighted, expressed in the assumption of living at the expense of a rich, successful relative, based on the deviant meanings of dependency and consumerism.

It was revealed that the life positions of Tuvan youth in the field of law reflect all-Russian trends. The positions of law-abiding youth are based on instrumental meanings (ensuring order, security) and the inevitability of punishment, while positions of lawless youth are based on deviant meanings, the essence of which is manifested in disrespect for the law, and legal infantilism.

Positioning the state as a dishonest partner is used to justify non-compliance with legal norms in interaction with it. Legal infantilism and legal ignorance of some Tuvan students, as well as some other Russian students, liberalisation of consciousness regarding the legal behaviour of other people that goes beyond the social norm, update not only the institutional regulation of legal education and upbringing of youth and children, but also a systematic change in reality in the field of ensuring the rule of law. In relation to the legal behaviour of other people, active (interested) and passive (indifferent) life positions are identified.

Keywords: Tuvan youth, life positions, self-regulation of life activities, meanings, sociocultural subjectivity, sphere of family relations, sphere of legal relations

References

1. Abulkhanova-Slavskaya K. A. Strategija zhizni [Strategy of life.]. Moscow, Mysl, 1991: 299 (in Russ.). EDN: SUZDSF.
2. Anajban Z. V. Social expectations and value orientations of Tuva students. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2022: 2: 151–156 (in Russ.). DOI: 10.25178/nit.2018.2.6; EDN: OUJMSB.

3. Anajban Z. V. Labour employment and socio-professional orientations of young people of modern Tuva. *Novye issledovanija Tuvy*, 2018: 2: 112–131 (in Russ.). DOI: 10.25178/nit.2018.2.6; EDN: OUJMSB.
4. Anajban Z. V. Youth of Tuva and Khakassia in the XXI century: Ethnosociological essays. Moscow, IV RAN, 2017: 240 (in Russ.). EDN: YNPQYP.
5. Balakina G. F., Kylgydaj A. k. Ch. Features of adaptation of ethnic groups of Tuva to the market economy. *Novye issledovanija Tuvy*, 2016: 2: 73–89 (in Russ.). EDN: ZGUOX.
6. Baljaev S. I., Burkova D. A., Morozova N. N. Features of perceptions of law and justice among university students. *Obrazovanie i nauka*, 2019: 21: 8: 112–129 (in Russ.). DOI: 10.17853/1994-5639-2019-8-112-129; EDN: RPMCV.
7. Budegechieva T. B. Tuvan culture: material and spiritual, traditions and innovations: a monograph. Kyzyl, TuvGU, 2018: 115 (in Russ.).
8. Bujakova K. I., Malkova I. Ju., Budakova A. V. Diagnostics of subject position of participants of volunteer activity in education. *Vestnik TomGU*, 2021: 467: 55–63 (in Russ.). DOI: 10.17223/15617793/467/7; EDN: BEWAHE.
9. Dagylga: Tuvan rites of consecration in the XXI century]. Ed. by Ch. K. Lamazhaa, N. D. Suvandii. Kyzyl, 2021: 188 (in Russ.).
10. Damadanova S. R. Involvement of students in scientific activities as a means of actualisation of cultural values of the national heritage and formation of an active life position of the young generation. *Sovremennye problemy nauki i obrazovanija*, 2017: 5: 265 (in Russ.). EDN: ZQNJDN.
11. Damdynchap V. M. The role of customary law in the development of Tuvan society (second half of the 19th – first half of the 20th century): abstract of diss. Abakan, 2006: 23 p. EDN: ZNSDUZ.
12. Zubok Ju. A., Chuprov V. I. et al. Life positions of youth: semantic bases of formation. *Vestnik instituta sotziologii*, 2021: 12: 379–98 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.738; EDN: YXTHRJ.
13. Zubok Ju. A., Chuprov V. I. Youth in the cultural space: self-regulation of life activity. Moscow, Norma, 2020: 304 (in Russ.). EDN: WLJWBA.
14. Zubok Ju. A., Chuprov V. I. Legal culture of youth in the perspective of transformation strategies. *Sotsiologicheskie issledovanija*, 2006: 6(266): 37–46 (in Russ.). EDN: KVEHLB.
15. Kekeeva Z. O., Uvarova G. N., Darzhinova S. V. Study of network identity of student youth of Russian regions (on the example of Kalmykia and Tuva). *Novye issledovanija Tuvy*, 2022: 4: 169–179 (in Russ.). DOI: 10.25178/nit.2022.4.13; EDN: JQGIOJ.
16. Kenin-Lopsan M. B. Traditional culture of Tuvinians. Kyzyl. Kyzyl, Tuvinskoe kn. izd-vo, 2021: 248 (in Russ.).
17. Lamazhaa Ch. K. Tuva mezhdru proshlym i budushhim. 2-e izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe [Tuva between the past and the future. 2nd edition, revised and supplemented]. St. Petersburg, Aletejja, 2011: 368 (in Russ.). EDN: SDSPJV.
18. Lamazhaa Ch. K. National character of Tuvinians. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istorija, 2018: 240 (in Russ.).
19. Lamazhaa Ch. K. Social culture of Tuvinians and online space. *Novye issledovanija Tuvy*, 2021: 2: 115–129 (in Russ.). DOI: 10.25178/nit.2021.2.10; EDN: DSAAID.
20. Lamazhaa Ch. K. Sketches of modern Tuvan culture. St. Petersburg, Nestor-Istorija, 2021: 192 (in Russ.).
21. Lamazhaa Ch. K. Main problems of the study of kinship and kinship groups of modern Tuvinians: passportisation, terminology and kinship maintenance. *Novye issledovanija Tuvy*, 2021: 4: 6–21 (in Russ.). DOI: 10.25178/nit.2021.4.1; EDN: UVFFFO.
22. Leont'ev D. A., Shil'manskaja A. E. Life position of personality: from theory to operationalisation. *Voprosy psihologii*, 2019: 1: 90–100 (in Russ.). EDN: MEJWMI.
23. Lukov V. A., Lukov S. V. Subjectivity of youth in the processes of socialisation and enculturation. *Gorizonty gumanitarnogo znanija*, 2020: 1: 3–20 (in Russ.). DOI: 10.17805/ggz.2020.1.1; EDN: XXVOFB.
24. Lyutenko I. V. Sociocultural representations of Tuvan youth with unconventional religiosity (sociological experience). *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo*. 2023; 29(2): 103–116 (in Russ.). DOI: 10.19181/nko.2023.29.2.9. EDN: GWXIIS.

25. Madjukova S. A., Popkov Ju. V. Sociokul'turnyj neotradicionalizm: vosproizvedenie tradicij i vosproizvodstvo jetnichnosti [Sociocultural neotraditionalism: reproduction of traditions and reproduction of ethnicity]. *Novye issledovaniya Tuvy*, 2010: 2: 25–39 (in Russ.). EDN: PHHLHH.
26. Nartova N. A. Citizenship in the representation of St. Petersburg youth and their parents. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2019: 12: 38–47 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250007742-9; EDN: URRZSE.
27. Persidskaja O. A. The role of value orientations of young Tuvinians in the spatial development of the Republic of Tyva. *Novye issledovaniya Tuvy*, 2019: 3: 41–51 (in Russ.). DOI: 10.25178/nit.2019.3.4; EDN: SDRRQS.
28. Pokida A. N., Zybunovskaja N. V. Legal values of modern Russians: priorities and contradictions. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2020: 1: 92–99 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250008327-2; EDN: KMKVKB.
29. Popkov Ju. V., Tjugashev E. A. “Lost World”: Tuvan culture in the centre-periphery interpretation of geocultural and sociocultural space. *Novye issledovaniya Tuvy*, 2022: 1: 225–236 (in Russ.). DOI: 10.25178/nit.2022.1.15; EDN: VLVCDB.
30. Seliverstova N. A., Sorokin O. V., Oorzhak S. U. o. The semantic components in the representations of the homeland of Tuvan student youth. *Novye issledovaniya Tuvy*, 2023: 1: 110–124 (in Russ.). DOI: 10.25178/nit.2023.1.6; EDN: KKAIJJ.
31. Socio-stratification processes in the Republic of Tyva. Ed. by Z. T. Golenkova. Moscow, Kyzyl, FNIS RAN, 2020: 128 (in Russ.). EDN: LLBIHS.
32. Tuvinians: Native People. Ed. by Ch. K. Lamazhaa, N. D. Suvandii. St. Petersburg, Nestor-Istorija, 2022: 360 (in Russ.). EDN: VXUTKJ.
33. Fominyh E. S. Interrelation of self-efficacy and life position of youth. *Vektor nauki TolGU. Ser.: Pedagogika, psihologija*, 2020: 2(41): 55–59 (in Russ.). DOI: 10.18323/2221-5662-2020-2-55-59; EDN: MKVZGV.
34. Fominyh E. S. Analyticity-holistic in the problems of the mental bases of the life position of young people. *Gumanitarnye nauki (g. Jalta)*, 2021: 3(55): 127–133 (in Russ.). EDN: LBALRL. Hil' I. M. Pravovoe soznanie, social'naja rol' i aktivnaja zhiznennaja pozicija molodezhi [Legal consciousness, social role and active life position of young people]. *Juridicheskij vestnik KubGU*, 2012: 2(11): 15–7 (in Russ.). DOI: 10.18323/2221-5662-2020-2-55-59; EDN: QIZKDR.
35. Shinjaeva O. V., Ahmetshina E. R., Kljueva T. V. Patriotism and civic positions of students of higher education institutions in the context of social modernisation. *Izvestija TulGU*, 2021: 3: 63–78 (in Russ.). DOI: 10.24412/2071-6141-2021-3-63-78; EDN: QHKCSN.
36. Muñoz S. M. Unpuckling Legality Through La Facultad and Cultural Citizenship: Critical and Legal Consciousness Formation for Politicised Latinx Undocumented Youth Activists. *Equity and Excellence in Education*, 2018: 51: 1: 78–91. DOI: 10.1080/10665684.2018.1441762.

The article was submitted on: December 14, 2023

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nina A. Seliverstova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher of the Center for Sociology of Youth

Oleg V. Sorokin, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Leading Researcher of the Center for Sociology of Youth

Saylana U-o. Oorzhak, Head of the Department of Organization of Scientific Research

ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ

DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.11
EDN: NRYGFX

Репрезентация традиционных повседневных практик коренного малочисленного народа эвенков в социальной сети «ВКонтакте»¹

Ссылка для цитирования: *Круглик П. А., Кобзева А. С., Кашпур В. В.* Репрезентация традиционных повседневных практик коренного малочисленного народа эвенков в социальной сети «ВКонтакте» // Вестник Института социологии. 2024. Том 15. № 2. С. 174–189. DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.11; EDN: NRYGFX.

For citation: *Kruglik P. A., Kobzeva A. S., Kashpur V. V.* Representation of traditional everyday practices of the small indigenous Evenki people in the social network “VKontakte”. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 2. P. 174–189. DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.11; EDN: NRYGFX.

SPIN-код: 3799-3492

Круглик Полина Андреевна¹

¹Национальный исследовательский
Томский государственный университет, Томск, Россия

zira2071@gmail.com

SPIN-код: 3766-4435

Кобзева Анна Сергеевна¹

¹Национальный исследовательский
Томский государственный университет, Томск, Россия

anya_andryushenko@mail.ru

SPIN-код: 2354-2682

Кашпур Виталий Викторович¹

¹Национальный исследовательский
Томский государственный университет, Томск, Россия

vitkashpur@mail.ru

¹ Исследование выполнено при поддержке Программы развития ТГУ «Приоритет–2030».

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме репрезентации повседневных практик коренного малочисленного народа эвенков в социальной сети «ВКонтакте». В результате исследования были выявлены и категоризированы представленные в социальной сети «ВКонтакте» повседневные практики коренного малочисленного народа эвенков. В работе протставлен разработанный авторами классификатор контента, репрезентирующего повседневные практики эвенков. Разработанный в ходе исследования классификатор тематик контента может быть использован в качестве основы для дальнейших аналогичных исследований.

Новизна исследования состоит в том, что в работе впервые тематика репрезентации повседневных практик изучается с применением методов анализа больших данных. Результаты проведенного анализа были сопоставлены с теорией Дж. Мейера о культурной стандартизации, как об одном из последствий глобализации.

Исследование позволило сделать вывод о том, что повседневные практики эвенков активно репрезентируются в сообществах социальной сети «ВКонтакте». Каждая из категорий практик – быт, досуг и труд – репрезентируется в социальной сети «ВКонтакте» приблизительно в равных долях: 31, 34 и 35%. Кроме того, повседневные практики были классифицированы с точки зрения их локальности или глобальности и подсчитан процент постов, относящихся к каждому из классов – 47% локальные и 53% глобальные.

Полученные в ходе исследования результаты не согласуются с теорией Дж. Мейера о последствиях глобализации: эвенки не теряют связи со своей локальной культурой и идентичностью, реконструируя ее в контенте социальных сетей. Таким образом, анализ контента эвенкийских онлайн-сообществ показал как наличие запроса на сохранение эвенками своей самобытности и традиционного образа жизни, так и их включенность в практики глобального современного мира, что не соответствует тезисам Мейера о поглощении глобальной культурой локальных повседневных практик.

Ключевые слова: культурная стандартизация, репрезентация, повседневные практики, коренные малочисленные народы Севера и Сибири, эвенки, социальные сети, традиция

Введение

Российская Федерация уникальна своим многонациональным составом, на ее территории проживает около 160 разных народов, каждый из которых имеет свою особенную, непохожую на других, культуру. Духовные и материальные аспекты каждого из этносов играют большую роль в развитии культуры всей страны. Нельзя не отметить значимость вклада коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Российская Федерация на протяжении веков уделяет особое внимание социально-экономическому и этнокультурному развитию этих народов.

Эвенки (тунгусы в прошлом) являются представителями коренных малочисленных народов Севера и Сибири. Насчитывается более 77 тыс. представителей эвенков во всем мире, половина которых (38 396 чел.) проживает на территории России¹.

Современность диктует новые условия взаимодействия. В январе 2021 г. уровень проникновения Интернета в РФ составил 85%². Повсеместная цифровизация коснулась и коренных малочисленных народов

¹ Всероссийская перепись населения [электронный ресурс]. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 12.04.2022).

² Digital 2021: главная статистика по России и всему миру Ex Libris агентство медийных исследований [электронный ресурс]. URL: <https://exlibris.ru/news/digital-2021-glavnaya-statistika-po-rossii-i-vsemu-miru/> (дата обращения: 12.04.2022).

Севера и Сибири. При помощи Интернета они открывают для себя новые грани социокультурного обмена. Появляются этнически ориентированные интернет-сообщества, позволяющие эффективнее конструировать формы аутентичности и, соответственно, быстрее распространять их на максимально широкую аудиторию [6].

Цифровизация и информатизация являются инструментами другого, не менее важного феномена – глобализации. Новейшие технологии становятся формами культуры, в результате чего происходит трансформация культурных общностей и встраивание представителей одного культурного пространства в систему другого. Одним из последствий глобализации Дж. Мейер в своей теории выделил ослабление местных социальных связей [3]. По мнению Мейера, результатом глобализации является неспособность малочисленных народов следовать в повседневной жизни, уже принятым ими, высшим формам социальных отношений. Таким образом, культурная стандартизация является следствием экспансии глобального в отношении локального, при котором люди со временем утрачивают чувство близости и идентификацию с местным сообществом.

Вместе с контентом, освещающим культуру эвенков, в Интернет проникали также и повседневные практики коренных малочисленных народов, поскольку совокупность внешних и внутренних факторов уклада жизни Севера полностью предопределяет рутинность действий. Благодаря информационно-коммуникационным технологиям, удалось узнать условия жизни коренных народов и, как следствие, лучше понять поведенческие практики со всеми входящими в него элементами – потребности, интересы и ценностные ориентации. Таким образом, трансляция этнокультурных традиций в системе массовой социокультурной коммуникации, а точнее сохранение и применение в повседневных практиках этнокультурных норм поведения, способствует поддержанию позитивной этнической идентичности. Вопреки данному факту, тематика репрезентации повседневных практик коренных малочисленных народов севера в сообществах социальных сетей является недостаточно изученной.

Таким образом, существует настоятельная потребность в разработке вопроса о том, какие повседневные практики коренного малочисленного народа эвенков репрезентируются в социальной сети «ВКонтакте». Выбор данной социальной сети для анализа обусловлен тем, что она является наиболее популярной в России – в 2023 г. по данным компании Медиаскоп¹ среднемесячный охват населения, являющейся ее аудиторией равен, 71%, что на 9% выше среднемесячного охвата Telegram. В контексте поставленной проблемы особенно важным является вопрос: «Как именно повседневные практики коренного малочисленного народа эвенков, репрезентируемые в социальной сети «ВКонтакте» распределены по принципу пространственных характеристик современного социального взаимодействия?».

¹ Аудитория социальных сетей. Январь 2023 – июнь 2023. URL: [https://mediascope.net/upload/%D0%A1%D0%9E%D0%A6%D0%A1%D0%95%D0%A2%D0%98%20\(1HY2023\)_%D0%BA%D0%BE%D1%80%D0%BE%D1%82%D0%BA%D0%B0%D1%8F_fin%20\(2\).pdf](https://mediascope.net/upload/%D0%A1%D0%9E%D0%A6%D0%A1%D0%95%D0%A2%D0%98%20(1HY2023)_%D0%BA%D0%BE%D1%80%D0%BE%D1%82%D0%BA%D0%B0%D1%8F_fin%20(2).pdf) (дата обращения: 14.08.2023).

В данной работе было выдвинуто две основные гипотезы: первая говорит о том, что большинство репрезентируемых в социальной сети «ВКонтакте» повседневных практик коренного малочисленного народа эвенков является досуговыми практиками, вторая говорит о том, что по принципу пространственных характеристик современного социального взаимодействия будет преобладать репрезентация именно локальных повседневных практик.

Интерпретация понятия «повседневные практики»

Перед тем, как переходить к описанию результатов исследования, необходимо определить основное понятие, о котором идет речь в работе. Повседневные практики, в рамках данной работы, стоит понимать согласно определению, данному И. В. Глушко: «...повседневные практики – то, что происходит с человеком изо дня в день: это его профессиональный труд, повседневная деятельность в области досуга и отдыха, в рамках быта» [2].

Существует пространственная характеристика современного социального взаимодействия, в рамках которой повседневные практики разделяются на локальные и глобальные. Как локальные, так и глобальные практики предполагают охват всех структурных элементов, начиная от культуры и заканчивая экономическими и политическими повседневными практиками. Повседневные практики считаются глобальными, если рутинные действия, совершаемые узким кругом, смогли привлечь внимание всей группы людей и за счет чего получили широкое распространение. Речь идет как правило о привычках, характерных для современных крупных городов. Повседневные практики приобрели некоторую всеобъемлемость, в основном за счет появления средств массовой коммуникации. Данный факт выступает следствием сосуществования различных, зачастую, конкурирующих образов жизни. Можно сказать, что необходимость в полной идентификации лишь с одной социальной реальностью теперь отсутствует, поскольку можно балансировать между различными социальными сетями и символическими системами [1].

Локальные повседневные практики берут свое начало в местном жизнеустройстве, поскольку оно выделяется своей устойчивой циркуляцией смыслов, так как каждый индивид так или иначе оказывает особое влияние на арену местных значений. Внешние социокультурные элементы вначале сталкиваются с существующим локальным опытом, внутри которого могут быть отвергнуты, интерпретированы, трансформированы или приняты, и лишь затем они могут попасть в привычный жизненный уклад и стать локальной повседневной практикой. «Фактически, глобализация сама по себе имеет значение для акторов, если новый опыт, который она привносит, соответствует существующему опыту и культурному пониманию» [15]. Локальные повседневные практики медленно и концентрированно способны проникать в поток глобальных рутинных действий, сливаясь при этом с похожими значениями.

Коренные народы Севера подвержены тем же процессам глобализации и мультикультурализма, что и другие местные сообщества [12]. Это влияние может привести к возникновению новых культурных феноменов, оживляющих традиции [3]. Жизнь коренных народов не подчиняется какому-то одному культурному шаблону, застывшему в музейных экспозициях, а представляет собой множество разнообразных сценариев, которые все более расходятся со стереотипными представлениями о традиционных сообществах [8]. С одной стороны, часть коренных жителей продолжает вести традиционный образ жизни и не желает отказываться от него даже ради комфорта современной жизни. Многие семьи занимаются традиционными видами деятельности, такими как охота, рыболовство и оленеводство [5; 7], сохраняя тесную связь с окружающей природой и зависимость от нее. Они убеждены в своей связи с землей, на которой живут, и продолжают рассматривать сохранение своих земель для хозяйственной деятельности как основу своего благополучия [10]. Государство и международное сообщество поддерживают эти тенденции, стремясь сохранить самобытную культуру и быт коренных народов [9]. С другой стороны, значительная часть коренных жителей переехала в города и приняла современный образ жизни, что часто вызывает критику со стороны внешних субъектов. Они обвиняют коренных народов в том, что они забыли свою культуру или отказались от обычаев предков. Некоторые исследователи отмечают, что это отражает стремление доминирующей культуры формировать восприятие «других» в соответствии с уже существующими образами [13]. Тем не менее, исследования показывают, что повседневная жизнь коренных народов продолжает включать в себя многие из тех же правил и практик, хотя и переосмысленных в современном контексте [11; 4].

Методы и источники данных исследования

Основным методом исследования выступила текстовая аналитика постов из эвенкийских сообществ социальной сети «ВКонтакте» с помощью программы PolyAnalyst, которая включала в себя методики анализа ключевых слов и анализа сети взаимосвязей терминов; контент анализ постов из эвенкийских сообществ.

В рамках исследования было отобрано 40 сообществ в социальной сети «ВКонтакте», откуда было выгружено в общей сложности 3522 поста опубликованных в период с 01.04.2020 по 01.04.2022. Каждый пост анализировался отдельно, после чего вручную ему присваивались соответствующие характеристики.

Полученные данные были проанализированы на предмет релевантности тематике работы и разбиты на 3 основных категории, согласно выделенным Глушко основным типам повседневных практик. Внутри этих трех категорий эмпирическим путем были выделены более мелкие подкатегории. Кроме того, данные также классифицировались еще по двум параметрам: по виду контента, репрезентирующего повседневные практики (медиа, текст,

медиа и текст) и пространственным характеристикам современного социального взаимодействия (локальные и глобальные). В итоговый дата-сет вошли 912 постов, репрезентирующий повседневные практики народа эвенков.

Тематические классы контента, репрезентирующего повседневные практики эвенков

Каждая из категорий повседневных практик (быт, досуг и труд) коренного малочисленного народа эвенков репрезентируется в социальной сети «ВКонтакте» приблизительно в равных долях: 31, 34 и 35% от всех анализируемых постов соответственно (таблица 1). Абсолютным лидером по количеству постов стала подкатегория «Жилище» – она составляет 18% от общего числа постов и 59% от постов, попавших в категорию «Быт». Самыми редко репрезентируемыми подкатегориями повседневных практик в социальной сети «ВКонтакте» стали подкатегории «Шаманизм» (2% от общего числа постов) и «Кинематограф» (3% от общего числа постов).

Таблица 1 (Table 1)

Частотное распределение количества постов в категориях и подкатегориях с процентами
Frequency distribution of the number of posts in categories and subcategories with percentages

Категория	Частота	Процент	Подкатегория	Частота	Процент
Быт	284	31	Жилище	168	18
			Кухня	45	5
			Одежда	34	4
			Семья	37	4
Досуг	305	34	Видеоблогинг	56	6
			Гражданская позиция	66	7
			Кинематограф	27	3
			Музыка и танцы	106	12
			Спорт	50	5
Труд	323	35	Бизнес	80	9
			Оленеводство	67	7
			Охота и рыболовство	76	8
			Инструменты труда	34	4
			Просвещение	45	5
			Шаманизм	21	2

По итогам анализа датасета, был сделан вывод о том, что повседневные практики эвенков, репрезентируемые в сообществах социальной сети «ВКонтакте», делятся приблизительно поровну – 47% локальных практик и 53% глобальных (таблица 2). Для локальных повседневных практик характерны тематики, которые базируются на уникальном культурном

или хозяйственном опыте эвенков (например, охота и рыболовство), а глобальные практики отличаются концентрацией на современных мировых культурных или хозяйственных форматах (например, видеоблогинг).

Также было обнаружено, что чаще всего повседневные практики коренного малочисленного народа эвенков репрезентируются в социальной сети «ВКонтакте» при помощи медиа контента (44%), при помощи текстовых сообщений (40%) и лишь 15% репрезентируется с использованием и медиа и текстового контента.

Таблица 2 (Table 2)

Частотное распределение количества постов по пространственным характеристикам современного социального взаимодействия с процентами

Frequency distribution of the number of posts by spatial characteristics of modern social interaction with percentages

Категория	Частота	Процент
Глобальные	484	53
Локальные	428	47

В ходе исследования был проведен анализ ключевых слов в выгруженных постах. Частота постов показывает самые крупные кластеры тематик, а анализ ключевых слов уточняет их содержание, являясь дополнительным методом выявления смыслов и проявлений повседневных практик эвенков. Выявление ключевых слов показало, что самыми популярными словами в постах являются: дом (количество упоминаний: 362), эвенк (309), олень (166), шаман (137), одежда (100), культура (96). Вокруг ключевых слов, обладающих высокой статистической значимостью, выстраивается сеть взаимосвязей со словами, обладающими меньшей статистической значимостью и встречающихся в текстах постов реже. Таким образом, в сети взаимосвязи терминов выделяются три крупных кластера, которые соединены друг с другом: кластер, где центральным термином является «эвенк» (голубой кластер справа), кластер с центральным термином «олень» (темно зеленый кластер по центру) и кластер с центральным термином «дом» (темно зеленый кластер слева) (см. рис. 1).

Рис. 1. Сеть взаимосвязей терминов во всех анализируемых постах
 Figure 1. Network of relationships between terms in all analysed posts

Смысловое содержание тематических классов

Досуг

Категория «досуг» составила 305 постов, распределенных на меньшие подкатегории, в них вошли: «Видеоблогинг», «Гражданская позиция», «Кинематограф», «Музыка и танцы» и «Спорт». В каждую подкатегорию относились посты определенного содержания, так в подкатегорию «видеоблогинг» вошел медиаконтент, в котором рассказывались личные истории из жизни или велся личный блог.

«Друзья, мое видео о жизни и быте эвенков на Амге набирает просмотры! Помогите набрать подписчиков! Ставьте лайки, делитесь видео с друзьями и знакомыми! <https://youtu.be/7RjU2U-E5ho>»

В подкатегорию «гражданская позиция» вошли общественная и политическая деятельность.

«Красные наблюдатели стыдливо маскируются под активистов «Гражданской инициативы». Их цель – не наблюдать за ходом голосования, а готовить провокации и новые беспорядки...»

В подкатегорию «кинематограф» вошли посты, содержащие афиши или описания фильмов для просмотра, а также сами фильмы.

«Предлагаем вам остановиться у нас и посмотреть фильм о селе Верхние Тутуры Иркутской области от канала «Неизвестная Россия», который расскажет вам как живут люди в этом отдаленном поселке. И при чем тут «змея»? Темал: #эвенки, #ИркутскаяОбласть, #путешествия, гулэсэг/село.»

В подкатегорию «музыка и танцы» вошли посты с музыкой, плейлистами, видео исполнения танцев и песен.

«Подборка современных песен на языках тунгусо-маньчжуров: эвенков, эвенов, нанайцев, ульчей, удэгейцев, орочей, ороков (уйльта), негидальцев, маньчжуров и сибо. Проведен некий экскурс музыкальной этнографии одних из самых малоизвестных народов мира»

В подкатегорию «спорт» вошли посты с ЗОЖ направленностью, в том числе и со спортом.

«Фотографии с товарищеского турнира по волейболу, ко дню памяти тренера-преподавателя Черных Евгения Семеновича»

В категории «досуг» самыми часто встречающимися словами стали: соревнование (количество упоминаний: 25), спорт (20), эвенк (20), игра (19), победитель (19), турнир (19), фильм (19). Ключевые слова указывают на то, что спорт, как часть досуговых практик репрезентируется в социальной сети «ВКонтакте» наиболее активно.

Несмотря на то, что в категории «досуг» больше всего постов наблюдается в подкатегории «музыка и танцы» (табл. 1), если посмотреть на частоту ключевых слов, чаще всего встречаются ключевые слова, связанные с подкатегорией «спорт». Это можно объяснить тем, что в подкатегории «музыка и танцы» 82% постов составляет медиаконтент, представленный видеозаписями и музыкой и не имеющий текстового содержания, поэтому не попавший в облако ключевых слов.

Рис. 2. Облако ключевых слов для категории «Досуг»

Figure 2. Keyword cloud for the category “Leisure”

Быт

Категория «Быт» является наименее наполненной, в нее входит 284 поста, распределенных на следующие подкатегории, в них вошли: «Жилище», «Кухня», «Одежда» и «Семья». В каждую подкатегорию относились посты определенного содержания, так в подкатегорию «жилище» вошел контент, связанный с поиском, обустройством, ремонтом и продажей помещений для жилья. В категории «Быт» самыми часто встречающимися словами стали: дом (количество упоминаний: 349), эвенк (118), одежда (70), остановка (59), этаж (60), магазин (56), школа (55). Формально выявленные ключевые слова можно отнести к глобальным повседневным практикам, связанным с местом жительства. Однако содержание постов демонстрирует наличие значимого локального контента в категории «Быт».

Важно отметить, что актуализация традиционных и локальных практик имеет ретроспективный характер. В постах описывается то, в каких традиционных домах – чумах, жили раньше, какую одежду носили, что употребляли в пищу. Также постоянно присутствует сравнение исторических повседневных практик с современными.

«Главный дом в эвенкийской культуре – это дю, чум. Тыксама дю – чум, покрытый берестой. Сегодня бересту заменяет брезент или палаточный материал. Зимнее жилище, голомо или дулга, снизу присыпано снегом или землей...»

В подкатегории «кухня» представлены рецепты эвенкийской кухни, описание особенностей питания эвенков.

«Z_weshalka (Шоу-рум Золотая Вешалка) Модная, стильная одежда женская и мужская, детская одежда и обувь, а также аксессуары, медицинские костюмы, чехлы на телефон, постельное и другое...»

В подкатегории «оленоводство» оказались посты описывающие особенности оленеводства, как народного промысла, особенности повседневной жизни оленеводов и отношение эвенков к разведению оленей, как к хозяйственному труду.

«Суринда, Оленеводческая бригада. Жизнь в бригаде размеренная, но строго упорядоченная. Рабочий день наступает с восходом солнца, так же как и отдых с закатом. У оленеводов охотников много обыденных ежедневных дел, таких как подкормка оленей, олени нуждаются в соли и поэтому соль ежедневно нужно раскладывать в огороде...»

Подкатегория «охота и рыболовство» включает в себя посты описывающие процессы охоты и рыболовства, повседневные обряды охотников, приметы, используемые охотниками во время повседневной трудовой деятельности, а также рекомендации и лайфхаки для охотников и рыболовов. Для данной категории характерны ретроспективные отсылки к опыту предков.

«Обряд добывания удачи на охоте. В хороших результатах охотничьего промысла были заинтересованы все аборигены Приамурья, Приморья и других регионов Сибири и Дальнего Востока. Для удачной охоты существовал специальный термин – сингкэн (сингкон)...»

В подкатегории «инструменты труда» оказались посты, описывающие процесс изготовления различных предметов, помогавшим в традиционной трудовой или культурной деятельности.

«Традиционно резьба по кости применялась эвенками в изготовлении костяных фигурок в качестве привесок к шаманским и ритуальным костюмам, костяных рыбок приманок для рыбной ловли, а также для создания оленьей упряжи...»

В подкатегорию «просвещение» вошли посты, описывающие деятельность, направленную на передачу, распространение традиционных знаний и трудовых компетенций.

«Эвенкийский язык и декоративно-прикладное искусство Инна Мальчакитова преподает уже почти двадцать лет. Возраст учеников разный: от младших классов до девятиклассников. Занятия ребятам очень нравятся: они читают по-эвенкийски и составляют предложения...»

Подкатегория «шаманизм» содержит в себе посты, связанные с осуществлением и спецификой трудовой деятельности шаманов.

«Предметы шаманской принадлежности – очень важный компонент в структуре шаманизма, связанный не только с религиозной идеологией и обрядовой системой, но и с материальной культурой и искусством...»

Заключение

Эвенки, в качестве представителей коренных малочисленных народов Севера и Сибири, оказывают значимое влияние на культуру страны в целом. Поддержание позитивной этнической идентичности осуществляется посредством трансляции этнокультурных традиций в системе массовой социокультурной коммуникации, что позволяет говорить о наличии запроса эвенков на сохранение самобытности.

Гипотеза о том, что наиболее часто репрезентируемые в социальной сети «ВКонтакте» повседневные практики коренного малочисленного народа эвенков относятся к категории досуговых повседневных практик, опровергнута. Гипотеза о том, что большинство репрезентируемых в социальной сети «ВКонтакте» повседневных практик коренного малочисленного народа эвенков являются локальными повседневными практиками, также опровергнута.

Ослабление местных социальных связей как следствие глобализации, описанное Дж. Мейером, действительно прослеживается через культурную стандартизацию. Происходит процесс «делокализации» и «детерриторизации» практик, что отражается в том числе и в контенте, генерируемом эвенкийскими сообществами в социальной сети «ВКонтакте», который репрезентирует глобальные тренды во многих бытовых, досуговых и особенно трудовых практиках.

Однако, в тоже время очевиден и запрос на сохранение ядра эвенкийской идентичности. Мы можем наблюдать, что он реализуется посредством реконструкции опыта предков в контенте исторических повседневных бытовых и культурных практик. Источником их этнической самоидентификации выступают общность языка, культурные образы, коллективная память, ритуалы. Локальные повседневные практики не утрачиваются, они видоизменяются, становятся исключительно подвижными, что соответствует основным критериям современности, таким как мультилокальность и многопозиционность. Часть традиционных повседневных практик возрождается на основе социального предпринимательства местных сообществ, которые превращают интерес туристов и потребителей этнических товаров в ресурс для возрождения традиционных промыслов.

Полученные в ходе исследования результаты не согласуются с теорией Дж. Мейера о последствиях глобализации: эвенки не теряют связи со своей локальной культурой и идентичностью, реконструируя ее в контенте социальных сетей. Таким образом, анализ контента эвенкийских онлайн-сообществ показал как наличие запроса на сохранение эвенками своей самобытности и традиционного образа жизни, так и их включенность в практики глобального современного мира, что не соответствует тезисам Мейера о поглощении глобальной культурой локальных повседневных практик.

Однако ответ на исследовательский вопрос относительно того, насколько запрос на сохранение традиционной культуры и способов хозяйствования реализуется в реальном поведении людей требует использования классических социологических методов наблюдения и интервью с представителями народа эвенков. Решение поставленного исследовательского вопроса обозначает перспективу дальнейших исследований авторского коллектива.

Библиографический список

1. Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.
2. Глушко И. В. Осмысление феномена социальных практик и возможностей их развития // Общество: философия, история, культура. 2011. № 1–2. С. 32–36. EDN: NUBHNL.
3. Головнев А. В. Этничность: устойчивость и изменчивость (опыт Севера) // Этнографическое обозрение. 2012. № 2. С. 3–12. EDN: OXWVLN.
4. Давыдов В. Н. Культурная аутентичность и коренные народы: институциональные процессы и политика идентичности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. № 9(3). С. 93–109. EDN: MUKHLT.
5. Люди Севера: права на ресурсы и экспертиза / Отв. ред. Н. И. Новикова. М.: Стратегия, 2008. 512 с.
6. Мамонтова Н. А. Кочевание на просторах Интернета: репрезентация эвенкийской культуры on-line // Сибирские исторические исследования. 2014. № 2. С. 95–125. EDN: SVKWLR.
7. Новикова Н. И. Коренные народы российского Севера и нефтегазовые компании: преодоление рисков // Арктика: экология и экономика. 2013. № 11(3). С. 102–111. EDN: RGPDFN.
8. Пика А. И. Неотрадиционализм на российском Севере: идти в будущее, не забывая прошлого // Социологические исследования. 1996. № 11. С. 47–53.
9. Филиппова Н. А. Право коренных народов: перспективы развития в условиях освоения Арктики // Арктика: общество, наука и право / Отв. ред. Н. К. Харлампьевой. СПб.: СПбГУ, 2020. С. 488–493. EDN: LBSJZJ.
10. Хакназаров С. Х. Проблемы социально-экономического развития территорий традиционного природопользования коренных народов ХМАО-Югры (по материалам социологических исследований) / Отв. ред. Ю. В. Исламова. Ханты-Мансийск: Югорский формат, 2016. 100 с.
11. Benhabib S. The claims of culture. Equality and diversity in the global era. Princeton: Princeton University Press, 2002. 280 p.
12. Bolotova A., Karaseva A., Vasilyeva V. Mobility and Sense of Place among Youth in the Russian Arctic / Sibirica. 2017. № 16(3). P. 77–123. DOI: 10.3167/sib.2017.160305. EDN: XXBUQP.
13. Huggan G. Virtual multiculturalism: the case of contemporary Britain // Britain at the Turn of the TwentyFirst Century. 2001. P. 67–85. DOI: 10.1163/9789004333970_006.
14. Meyer J. W. Globalization: Sources and effects on national states and societies // International sociology. 2000. Vol. 15. No. 2. P. 233–248. DOI: 10.1177/0268580900015002006.

15. Schuerkens U. The Sociological and Anthropological Study of Globalization and Localization // *Current Sociology*. 2003. Vol. 51. P. 209–222. DOI: 10.1177/0011392103051003004.

Получено редакцией: 23.08.23

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Круглик Полина Андреевна, лаборант, научно-исследовательская лаборатория прикладного анализа больших данных

Кобзева Анна Сергеевна, лаборант, научно-исследовательская лаборатория прикладного анализа больших данных

Кашпур Виталий Викторович, кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социологии философского факультета

DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.11

Representation of Traditional Everyday Practices of the Small Indigenous Evenki People in the Social Network “VKontakte”¹

Polina A. Kruglik

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

zira2071@gmail.com

ORCID: 0009-0001-8727-4818

Anna S. Kobzeva

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

anya_andryushenko@mail.ru

ORCID: 0009-0004-1871-1756

Vitaly V. Kashpur

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

vitkashpur@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8113-290X

For citation: Kruglik P. A., Kobzeva A. S., Kashpur V. V. Representation of traditional everyday practices of the small indigenous Evenki people in the social network “VKontakte”. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 2. P. 174–189. DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.11; EDN: NRYGFX.

Abstract. This article is devoted to the problem of representing the everyday practices of the small indigenous Evenki people in the social network “VKontakte”. As a result of the work, the everyday practices of the small indigenous Evenki people, represented in the social network VKontakte, were identified and categorised. The work presents a developed content classifier that represents the everyday practices of the small indigenous Evenki people. The classifier of content topics developed during the study can be used as a basis for further similar studies.

The novelty of the research lies in the fact that the work is the first to study the topic of representing the everyday practices of the small indigenous Evenki people using big data analysis methods. The results of the analysis were compared with J. Meyer’s theory of cultural standardisation as one of the consequences of globalisation. The conducted research allowed us to conclude that the everyday practices of the Evenks are actively represented in the communities of the social network VKontakte. Each of the categories of everyday practices of the Evenks – life, leisure and work – is represented on the social network VKontakte in approximately equal shares: 31%, 34% and 35%. In addition, everyday practices were classified in terms of their locality or globality and the percentage of posts belonging to each class was calculated – 47% local and 53% global.

¹ The study was supported by the TSU Development Program «Priority-2030».

The results obtained during the study do not correspond with J. Meyer's theory about the consequences of globalisation: the Evenks do not lose touch with their local culture and identity, reconstructing it in the content of social networks. Thus, the analysis of the content of Evenki online communities showed both the presence of a request for the Evenki to preserve their identity and traditional way of life, and their inclusion in the practices of the global modern world, which does not correspond to Meyer's theses about the absorption of local everyday practices by global culture.

Keywords: cultural standardisation, representation, daily practices, indigenous peoples of the North and Siberia, Evenks, social media, tradition

References

1. Beck U. *Obshchestvo riska: Na puti k drugomu modernu* [Risk Society: Towards a New Modernity]. Transl. from Germ. by V Sedelnik, N. Fedorova. Moscow, Progress-Traditsiya, 2000: 383 (in Russ.).
2. Glushko I. V. *Osmyslenie fenomena socialnyh praktik i vozmozhnostej ix razvitiya* [Understanding the Phenomenon of Social Practices and Opportunities for Their Development]. *Obshchestvo: Filosofiya. Istoriya. Kultura*, 2011: 1–2: 32–36 (in Russ.). EDN: NUBHHL.
3. Golovnev A. V. *Etnichnost: ustojchivost i izmenchivost (opyt Severa)* [Ethnicity: Sustainability and Changeability (the Case of the North)]. *Etnograficheskoye obozreniye*, 2012: 2: 3–12 (in Russ.). EDN: OXWVLN.
4. Davydov V. N. *Kulturnaya autentichnost i korennye narody: institucionalnye processy i politika identichnosti* [Cultural Authenticity and Indigenous Peoples: Institutional Processes and Identity Politics]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*, 2006: 9(3): 93–109 (in Russ.). EDN: MUKHLT.
5. *Lyudi Severa: prava na resursy i ekspertiza* [People of the North: rights to resources and expert assessment]. Ed. by N. I. Novikova. Moscow, Strategiya, 2008: 512 (in Russ.).
6. Mamontova N. A. *Nomadising in the online space: representation of the Evenk culture on VKontakte*. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*, 2014: 2: 95–125 (in Russ.). EDN: SVKWLR
7. Novikova N. I. *Indigenous peoples of the Russian North and oil and gas companies: overcoming risks*. *Arktika: ekologiya i ekonomika*, 2013: 11(3): 102–111 (in Russ.). EDN: RGPDFN.
8. Pika A. I. *Neotraditionalism in the Russian North: Going to the Future. without forgetting the past*. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 1996: 11: 47–53 (in Russ.).
9. Filippova N. A. *Indigenous people's law: prospects within the Arctic development*. In *Arktika: obshchestvo. nauka i pravo*. Ed. by N. K. Kharlampyeva. St. Petersburg, SPbGU, 2020: 488–493 (in Russ.). EDN: LBSJZJ.
10. Khaknazarov S. Kh. *Problems of socio-economic development of the territories of traditional nature use of the indigenous people of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra (on the materials of sociological research)*. Ed. by Yu. V. Islamva. Khanty-Mansiysk, Yugorskiy format, 2016: 100 (in Russ.).
11. Benhabib S. *The claims of culture. Equality and diversity in the global era*. Princeton, Princeton University Press, 2002: 280.
12. Bolotova A., Karaseva A., Vasilyeva V. *Mobility and Sense of Place among Youth in the Russian Arctic*. *Sibirica*, 2017: 16(3): 77–123. DOI: 10.3167/sib.2017.160305; EDN: XXBUQP.
13. Huggan G. *Virtual multiculturalism: the case of contemporary Britain*. In *Britain at the Turn of the TwentyFirst Century*. 2001: 67–85. DOI: 10.1163/9789004333970_006.
14. Meyer J. W. *Globalization: Sources and effects on national states and societies*. *International sociology*, 2000: 15: 2: 233–248. DOI: 10.1177/0268580900015002006.
15. Schuerkens U. *The Sociological and Anthropological Study of Globalization and Localization*. *Current Sociology*, 2003: 51: 209–222. DOI: 10.1177/0011392103051003004.

The article was submitted on: August 23, 2023

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Polina A. Kruglik, Laboratory Assistant of the Research Laboratory for Applied Big Data Analysis

Anna S. Kobzeva, Laboratory Assistant of the Research Laboratory for Applied Big Data Analysis

Vitaly V. Kashpur, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Sociology of the Faculty of Philosophy

РАЗМЫШЛЯЯ НАД ПРОЧИТАННЫМ

DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.12

EDN: JVEQFU

Опыт музейной социологии: музеи и общество¹

Ссылка для цитирования: Андреев А. Ю., Григорьева Е. А. Опыт музейной социологии: музеи и общество // Вестник Института социологии. 2024. Том 15. № 2. С. 190–201. DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.12; EDN: JVEQFU.
For citation: Andreev A. Yu., Grigoreva E. A. Experience of museum sociology: museums and society. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 2. P. 190–201. DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.12; EDN: JVEQFU.

SPIN-код: 3603-9636

Андреев Андрей Юрьевич¹

¹МГУ имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

andrv@hist.msu.ru

SPIN-код: 8692-0489

Григорьева Екатерина Александровна^{1,2}

¹МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия;

²Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

yreewda@gmail.com

Аннотация. Данный текст содержит краткое изложение содержания монографии² и основанные на ее тексте размышления авторов о музее в социологической и исторической перспективе. В рассматриваемой в данной рецензии работе представлены результаты комплексного анализа деятельности Русского музея (г. Санкт-Петербург) за 25 лет в ее соотнесении с широким социальным и историческим контекстом. В монографии также предпринята попытка выхода за рамки классических исследований музейной аудитории, сводящихся в первую очередь к построению социально-демографического портрета посетителя и зачастую ограничивающихся им. Рецензируемая монография содержит глубоко-

¹ Работа выполнена при поддержке Программы развития МГУ, проект № 23-Ш02-17 «Разработка основ создания, функционирования и развития комплексного научно-просветительского университетского молодежного музея на примере МГУ имени М. В. Ломоносова». Проект реализуется в рамках НОШ МГУ (Ш02): Междисциплинарная научно-образовательная школа «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

² Козиев В. Н., Потюкова Е. В. Музей и общество. СПб.: Алетейя, 2015. 192 с.

кий анализ взаимоотношений музея и общества не только с позиции самого музея, что характерно для большинства музейных исследований, но и с точки зрения зрительской аудитории, и, что наиболее ценно, с позиций государства. На примере исследования посетителей Русского музея В. Н. Козиев и Е. В. Потюкова стремятся выявить влияние меняющихся политических и социальных ландшафтов на эволюционную траекторию и механизмы функционирования музейных институтов в разные исторические периоды. Авторы рецензии же критически рассматривают методологию, лежащую в основе исследования, но подчеркивают ряд ценных для социальных наук положений монографии, требующих дальнейшего изучения и разработки. Примечательна выдвинутая в монографии гипотеза, что конфигурация и распределение художественного капитала в обществе в некоторой степени совпадают с демографической структурой музейных посетителей, которая хоть и имеет ряд ограничений, очерчивает линию представленного исследования. При заметном отставании отечественной практики социологического изучения музейной аудитории и самого музея как социального института от западного корпуса исследовательских практик в области музейного дела рецензируемая монография заслуживает пристального внимания со стороны исследователей, поскольку не только отвечает, но и ставит новые исследовательские вопросы. Дальнейшее изучение музейных практик и музейной аудитории позволило бы выявить особенности и тенденции развития музейного дела в современной России в эпоху широкого распространения цифровых технологий и поиска музеями своего предназначения в современных условиях.

Ключевые слова: музей, социология музеев, музеология, музееведение, посетители музеев, музейные исследования

Исследования музеев, оформившиеся в конце XIX в. в отдельную научную дисциплину музееведение (или музеология), мультидисциплинарны и являются предметом научных притязаний многих социальных и гуманитарных наук – культурологии, истории, антропологии, философии, социологии и др. Развитие социологического знания о музеях в современной отечественной традиции во многом происходит с опорой на наследие советской социологии культуры, исследовательские интересы которой были направлены на изучение масштаба участия советских граждан в культурной жизни общества, их приобщенности к высокой культуре и, соответственно, структурных характеристиках музейной аудитории¹. В свою очередь западные исследования музеев оформляются во многом под влиянием фуколдианской традиции изучения репрезентации власти, дисциплинарных практик и воспроизводства властных отношений, в данном случае через музей и музейные практики².

Однако изучением музеев заняты не только представители различных социогуманитарных дисциплин. В отличие от многих других социальных институтов музеи самостоятельно производят научное знание

¹ Максимова А. С. Развитие подходов к изучению музеев в социальных и гуманитарных науках // ЖССА. 2019. № 2. С. 118–146. EDN: LMRRYX.

² Bennett T. *The birth of the museum: History, theory, politics*. Routledge, 1995. 288 p; Bourdieu P., Darbel A., Schnapper D. *The love of art: European art museums and their public*. Cambridge: Polity Press, 1991. 182 p.

о самих себе и находятся в процессе постоянной научной саморефлексии своей деятельности, ее социальных смыслов и миссии. Примеров таких саморефлексивных научных проектов в отечественной музееведческой традиции, к сожалению, сравнительно немного. В этом отношении внимание заслуживает монография В. Н. Козиева и Е. В. Потюковой «Музей и общество», вышедшая в 2015 г.¹ Она привлекает внимание прежде всего необычным комплексным анализом деятельности музея, сочетающим искусствоведческие подходы, характерные для музейных специалистов, и исследование государственной политики по отношению к музеям, и широкую социологическую картину, своего рода коллективный портрет посетителей музея в СССР и современной России. Такой результат получен авторами на основании анализа данных 57 социологических исследований, проведенных Отделом социально-психологических исследований Русского музея в Санкт-Петербурге с 1985 по 2010 г., в которых приняли участие свыше двадцати тысяч респондентов. Исследования были проведены в отношении как основной экспозиции, так и выставок, организованных Русским музеем. Также к анализу привлекались результаты межмузейных социологических исследований, в которых принимал участие Русский музей. Ранее анализ и обобщение результатов данных социологических исследований были предприняты и опубликованы Н. В. Иевлевой и М. В. Потаповой² сразу после закрытия Отдела социально-психологических исследований, который долгое время являлся крупнейшим в России музейным научным отделом, изучающим проблемы музейной социологии и психологии, и существовал с 1974 по 2010 г. Повторное обращение к накопленному эмпирическому материалу происходит в соотнесении с широким социальным и историческим контекстом работы музея, на что указывает и название настоящей работы – «Музей и общество» (в то время как первое монографическое исследование было озаглавлено «Музей и публика»).

Такая широкая историко-социологическая панорама деятельности музея в современной России чрезвычайно актуальна. Она позволяет «разомкнуть» главные проблемы функционирования музеев, придав им новую социологическую перспективу (обычно, замкнутые сами в себе и рассматриваемые узким кругом специалистов). То есть, авторы смотрят на музей не как на объект хранения экспонатов, а как на социальный институт, который можно и нужно изучать социологическими методами. В данной монографии впервые с успехом продемонстрировано, что изучать музей можно не только исходя из его внутренней структуры и истории, но соединяя различные точки зрения: 1) анализ задач музея с точки зрения государственной политики, 2) выявление основных функций музея в свете его взаимодействия с обществом, иначе говоря с точки зрения посетителей музея; 3) представление о «художественных смыслах» музея с позиций творцов выставляемых объектов, т. е. художников, формирующих актуальное искусство сегодняшнего дня. В качестве объекта исследования выбран

¹ Козиев В. Н., Потюкова Е. В. Музей и общество. СПб.: Алетейя, 2015. 192 с.

² Иевлева Н. В., Потапова М. В. Музей и публика. СПб: РГПУ им. А. И. Герцена, 2013. 197 с.

Русский музей, который характеризуется авторами как «зеркало» истории нашей страны. Он хранит отечественное национальное достояние – произведения живописи и скульптуры, и он же оказывает большое влияние на формирование и воспроизведение художественных ценностей в российском обществе. При этом, в соответствии с позицией авторов, «лакмусовой бумагой» для выявления особенностей государственной политики, общественного отношения к музею, его прямого или косвенного влияния на общество служит его коллекция современной живописи («русский авангард»), отношение к которой менялось в течение всего XX века, и которая до сих пор не относится к приоритетным частям экспозиции, привлекающим большинство посетителей, но при этом, напротив, является приоритетной для выставочной, лекционной и иной просветительской деятельности Русского музея. Структура работы содержит введение; три главы – «Музей и общество», «Структура и динамика посетителей Русского музея», «Социальная жизнь искусства» и заключение.

Хочется сразу подчеркнуть: авторам с большим успехом удалось наметить новые методы и направления для развития «музейной социологии», и этом смысле их работа носит прорывной характер. Основные проблемы и исследуемые понятия были обозначены авторами во Введении. Прежде всего, они совершенно справедливо увязывают зарождение современного художественного музея и формирование современного европейского общества и культуры, обращенной ко всему обществу, а не отдельным элитным сословиям. Можно было бы в книге, конечно, акцентировать исторический контекст этих процессов (что только украсило и углубило бы смыслы основных исследуемых понятий), но достаточно указать, что происходит это в эпоху Великой Французской революции, которая заложила основы общества современного типа («модерна»), пришедшего на смену сословным порядкам, укорененных в Средние века («архаика», «Старый режим»). Музей по определению хранит и собирает произведения «высокой культуры», которые были выполнены для немногочисленной общественной элиты, представителей господствующих сословий. Но именно после Французской революции, одним из важных шагов которой явилось открытие в 1793 г. Лувра как первого общедоступного национального музея Франции, появляется понятие «массового потребителя культуры» – массового зрителя (если говорить о театре, или концерте) или массового посетителя музея.

В России эти процессы также происходят спустя несколько десятилетий, после Великих реформ 1860-х гг., создавших все предпосылки для постепенной трансформации сословного русского общества в современное. Революция 1917 г. придала процессам модернизации русского общества резкое ускорение, «массовизация» была поставлена одной из задач культурного строительства в СССР, и музеи играли здесь далеко не последнюю роль.

Именно в связи с этим возникают вопросы, обсуждению которых посвящена значительная часть книги. В условиях «массовой» культуры кто должен формулировать концепции музейной деятельности, в частности, определять содержание экспозиции музея? Ведь экспозиция всегда пред-

усматривает отбор произведений (а одновременно в музейном пространстве выставляются считанные проценты от всего его полного собрания). Должны ли принципы этого отбора и формирования выставок определяться государством, которое полностью берет на себя заботу о финансировании музея? Или музей должен отвечать на формирующиеся запросы со стороны общества – но тогда кто именно, какие общественные страты должны их формировать? Наконец, как быть с внутренней логикой развития самого искусства, которая подчас никак не связана с внешними социально-экономическими процессами в обществе и государстве?

Из этих вопросов вырастает главный, который впервые в столь значимой форме поставлен в монографии В. Н. Козиева и Е. В. Потюковой, и на который авторы пытаются ответить с помощью историко-социологического анализа – должен ли музей непрерывно подстраиваться под текущие нужды и условия существования общества и государства, или наоборот – формировать их с помощью собственной культурной программы? И если выбирать второй вариант, то может ли музей это делать в современной России? Ведь, хотя чисто в количественном плане основным показателем воздействия музея на общество всегда служит количество посетителей, то может ли социология измерить в «качественном» отношении воздействие музея на посетителя – насколько он действительно воспринял ту программу, которую ему предложили? Или может быть, воспринял частично, и не совсем в том русле, на которое его музей ориентировал?

То, что уже введение позволяет задать так много интересных исследовательских вопросов, служит несомненным достоинством книги и дает надежду, что методы таких исследований будут дальше углубляться.

Во введении следует также обратить внимание на важнейшее для анализа авторов понятие «художественного капитала». Его носителем являются различные слои общества, а местом, где этот капитал возникает и откуда передается обществу – музей (из этой мысли вытекает замечательная концепция авторов о музее как о «художественном производстве»).

В первой главе монографии проанализированы социальные функции Русского музея и отражение в его деятельности государственной политики в области культуры для периода от начала XX в. до первого десятилетия XXI в. Как уже было отмечено, маркером для анализа служит то место, которое в экспозиции и выставках Русского музея занимал «советский авангард». Авторы показывают прямую зависимость выставочной политики Русского музея от господствующей в СССР идеологии. Если в раннюю советскую эпоху авангард ассоциировался с искусством революции, и ему отводилось значительное место в экспозиции, то во второй половине XX в. сложилась парадоксальная ситуация, когда «советский авангард» был на Западе признан главной ценностью русского искусства этого столетия, и в то же время вообще не выставлялся в СССР, где в экспозиции Русского музея (как и Третьяковской галереи и провинциальных музеях) господствовал «социалистический реализм». И только когда с конца 1980-х гг., когда Русский музей смог самостоятельно определять свою выставочную

политику, в ней сразу же на первое место выходит авангардное искусство (при сохранении традиционных выставок классического русского искусства XVIII–XIX вв. и иконописи).

Таким образом, по мнению авторов, музей неизбежно, по самой своей природе, призван пропагандировать современное, иначе говоря, актуальное в данную историческую эпоху искусство, поскольку именно в нем ведется непрерывное осмысление текущей художественной ситуации. Однако воздействие этих усилий на общество не является столь прямым и линейным – как, впрочем, и воздействие на него идеологических усилий государства. Авторы неоднократно подчеркивают: музейная деятельность сама по себе не может повлиять на уровень посещаемости, для которой преобладающими являются социально-экономические факторы. Иными словами, музей определяет культурные приоритеты, но не количество людей, которые ими воспользуются.

Чрезвычайно интересным является третий параграф первой главы, где анализируется динамика посещаемости Русского музея с 1898 по 2010 г., а также привлекаются данные о посещаемости пяти других крупнейших российских музеев с 1985 по 2006 г. В выборку данного «межмузейного социологического проекта» вошли четыре крупнейших художественных музея России (Москва и Санкт-Петербург) и два крупных провинциальных музея (Ярославль и Саратов), среди которых два представляют русское искусство (Русский музей и Третьяковская галерея), два – зарубежное (Эрмитаж и Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина), и в двух музеях смешанные коллекции (Ярославский и Саратовский музеи). Анализируя динамику посещаемости данных музеев (с. 57–58), динамику экскурсионной (с. 60) и лекционной (с. 61) деятельности, авторы фиксируют непрерывный спад посещаемости, который начался в 1990-е гг. и продолжается в 2000-е гг. У него целый ряд самых разнообразных причин (например, распад СССР, который привел к исчезновению мощного потока туристов из союзных республик, или исчезновение советской профсоюзной системы), но ни одна из них не связана напрямую с музейной деятельностью. «Все приведенные выше данные свидетельствуют о том, что нет жесткой зависимости между количеством проведенных выставок, экскурсий и лекций, с одной стороны, и количеством посетивших музей – с другой» (с. 66). Другими словами, посещаемость музея полностью зависит от внешних для музейной деятельности факторов, составляющих общий социальный, политический и экономический фон функционирования музеев в обществе.

Авторам приходится констатировать, что экономические и социальные процессы 1990-х гг. привели к размыванию в современном обществе самих ценностных ориентаций на посещение музеев – что особенно заметно после «бума 1970-х гг.», когда культура широко вошла в сознание и приоритетные ценности советского человека, или после перестройки, когда культурный горизонт резко расширялся и привлекал новых людей. Современная ситуация такова, что легче всего воспроизводятся самые устойчивые стереотипы, воспринятые со школы (согласно которым, главные картины русской живописи написаны Шишкиным, Репиным и Айвазовским),

а в последующей жизни люди не заинтересованы в увеличении собственного «художественного капитала». Обнадеживающим становится тот факт, что, согласно представленным данным, музейный кризис 1990-х гг. преодолен, и различные показатели музейной деятельности в 2000–2006 гг. проявляли тенденцию к росту.

Вторая глава «Структура и динамика посетителей Русского музея» дает социально-демографический портрет посетителей Русского музея и во многом повторяет ранее опубликованные материалы¹. Сама история социологического изучения музейной аудитории, в рамках которого, как правило, исследовательские вопросы направлены на уточнение портрета музейного посетителя, определение его культурного капитала и исследование момента приращения культурного капитала в музей, насчитывает сто лет. В западной традиции это направление исследований получило название *Visitor studies* (исследование посетителей). В отечественной музейной практике изучение посетителей впервые было предпринято в середине 1920-х гг. Русский музей стал вторым музеем страны после Эрмитажа, обратившимся к изучению своей аудитории, опередив на три года Исторический музей в Москве. Доклад сотрудницы Русского музея В. Ф. Белявской об учете восприятия музейного посетителя, сделанный в 1926 г., представляет собой яркий пример бихевиористской логики исследования посетителей и утверждает необходимость использования трех методов для получения точной картины: наблюдение (фиксация реакций посетителей на экспонаты); метод точного учета реакций (фиксация продолжительности остановок у экспонатов); анкетный опрос². Сегодня в данную триаду методов непременно следовало бы добавить качественные методы.

Социологическое исследование посетителей Русского музея, лежащее в основе данной книги, к сожалению, не учитывает методологические принципы, предложенные сотрудниками музея еще в 1920-е гг., и опирается лишь на один метод – анкетный опрос. Однако такое игнорирование возможностей триангуляции методов в целом характерно для современной российской практики изучения музейной аудитории – сегодня в исследованиях, проводимых как для внутренних нужд музея, так и в научных целях, количественный анализ преобладает и, как правило, не дополняется качественным, а попытки инкорпорировать результаты в существующие теоретические модели отсутствуют³. В таких исследованиях в первую очередь решается задача построения социально-демографического портрета посетителя, в то время как вопросы восприятия экспозиции, реакции на определенные экспонаты, отношения к экскурсионной программе, полноты информации и др. вторичны. Они, тем не менее, фигурируют в анкетах, но

¹ Иевлева Н. В., Потапова М. В. Музей и публика. СПб: РГПУ им. А. И. Герцена, 2013. 197 с.

² Ананьев В. Г. Изучение музейной аудитории в 1920-е годы: по архивным материалам // Диалог со временем. 2012. № 41. С. 368–369. EDN: PUTTGF.

³ Максимова А. С. Концептуальные и методологические вопросы изучения посетителей музеев // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2014. № 39. С. 167. EDN: TZJHXB.

их прицельное изучение, безусловно, требует обращения к качественным методам, которого не происходит. Интересно также, что традиционный для *Visitor studies* метод наблюдения также «не звучит» на страницах современных отечественных исследований. Действительно, в России исследования музейной аудитории развиты гораздо хуже не только в методологическом смысле. Таких исследований в целом сравнительно мало, в то время как зарубежная практика изучения музейной аудитории прошла процесс активной институционализации в конце XX в. (например, была создана Ассоциация исследований посетителей в США, Группа исследований посетителей в Великобритании и др.). Немногие музеи России инициируют социологические обследования своей аудитории, и лишь малая их часть доходит до широкой публики (помимо публикаций сотрудников Русского музея, наиболее известны результаты социологических исследований посетителей в Третьяковской галерее¹). Так, например, эту работу активно ведет Политехнический музей, о чем, в частности, свидетельствует публикация руководства по исследованиям музейной аудитории², однако, отчетов по результатам проведенных исследований в открытом доступе нет. В этом заключается особая ценность рассматриваемой нами работы «Музей и общество».

Примечательно, что Отделом социально-психологических исследований Русского музея изучение зрительских реакций на экспонаты осуществлялось также посредством анкетного опроса с применением методики неоконченных предложений и не дополнялось наблюдением. Зрителю предлагалось ответить на вопрос «Какие произведения на выставке произвели на Вас наиболее сильное впечатление?», а затем следовало завершить два незаконченных предложения: 1. Эта работа произвела на меня наибольшее впечатление, потому что... 2. Когда я смотрю на нее, то³... Однако собранные материалы не вошли в корпус данной монографии.

Более того, в представленной монографии не обсуждается ранее проведенная работа с данными – компонентный анализ структуры публики, корреляционный анализ предпочтений публики и др. Эти материалы вместе с выводами и соответствующими приложениями содержатся в ранее опубликованной работе Н. В. Иевлевой и М. В. Потаповой и не появились вновь на страницах книги.

Эмпирической базой для второй главы данной работы послужили шесть социологических опросов, проведенных среди одиночных посетителей с 1985 по 2010 г. включительно. Прежде всего перед читателями предстают типичные для музейной социологии результаты социально-демографического измерения аудитории, причем в динамике: распределение

¹ Петрунина Л. Я. Два лица одного музея. «Ночь музеев» в Третьяковской галерее // Социологические исследования. 2014. № 1. С. 60–66. EDN: RXTMPX; Петрунина Л. Я. Публика художественных музеев // Социологические исследования. 2010. № 10. С. 63–74. EDN: MVKVXR.

² Максимова А. С., Рюмина С. А., Лобанова Л. В. Руководство по исследованиям посетителей музея. М.: Политехнический музей, 2016. 116 с.

³ Иевлева Н. В., Потапова М. В. Музей и публика. СПб: РГПУ им. А. И. Герцена, 2013. С. 165.

публики по трем возрастным группам (с. 80), распределение по уровням и профилям образования (с. 84–85), профессиональный состав публики (с. 88), распределение публики по месту жительства (с. 90), распределение публики по половому признаку (с. 92–93), отдельные параграфы посвящены публике Русского музея в структуре населения города (с. 98–101) и сопоставлению публики Русского музея и крупнейших музеев России (с. 101–113). Здесь мы узнаем, что уровень образования посетителей выставок существенно выше, чем на основной экспозиции. Причем, чем более «экспериментальное» искусство представлено на выставке, чем оно современнее и менее признанно, тем выше уровень образования посещающей ее публики. Кроме того, чем современнее выставка, тем больше на ней лиц с гуманитарным образованием и меньше – с техническим, и наоборот. И, наконец, чем современнее выставка, чем ближе к нам по времени представленное на ней искусство, тем больше на ней мужчин.

Авторы постоянно сопоставляют и сравнивают посетителей основной экспозиции музея и временных выставок, и это не случайно. Базовая посещаемость музея определяется числом посетителей основной экспозиции, на которую в случае Русского музея приходится от 70% до 80% всех посетителей. При этом авторы утверждают, что именно основная экспозиция музея является центральным каналом трансляции в общество накопленных художественных ценностей и в то же время местом, где закладываются основы визуального художественного опыта. Закономерно, что чаще всего в залах основной экспозиции можно встретить посетителей, оказавшихся в стенах музея впервые, в то время как постоянные посетители в большинстве своем предпочитают выставки, в рамках посещения которых происходит обогащение и специализация уже полученного ранее визуального художественного опыта. Заслуживает внимание то, что авторы на страницах своей монографии даруют постоянным посетителям музея звание носителей художественной культуры, и утверждают, что чем их больше, тем выше культурный уровень общества.

Наибольший интерес во второй главе вызывает зафиксированная авторами устойчивость предпочтений посетителей музея в отношении живописи. А именно, на протяжении двух десятилетий среди художников симпатии посетителей стабильно вызывают представители русских реалистических направлений XIX в. – в первую очередь Айвазовский, далее со значительным отставанием следуют Брюллов, Репин, Шишкин, Куинджи. Привлечение иных исследований художественных предпочтений дает аналогичный результат и подтверждает выводы авторов. Например, согласно социологическому исследованию динамики художественных предпочтений старшеклассников, проведенному РАО, общая структура предпочтений московских старшеклассников в живописи за пятнадцать лет с 1976 по 1991 г. практически не изменилась¹: наибольшие симпатии у старшеклассников вызывали произведения русской и зарубежной классики, а при ответе на вопрос о любимых картинах чаще всего упоминались работы

¹ Собкин В. С., Писарский П. С. Динамика художественных предпочтений старшеклассников. По материалам социологических исследований 1976 и 1991 гг. М.: ИСО РАО, 1992. 79 с.

Репина, Айвазовского, Брюллова, Шишкина. При этом предпочтения старшекласников в области кино, музыки, театральных постановок и литературы претерпели серьезные изменения за тот же период. Стоит заметить, что наиболее популярные по результатам обоих исследований художники и их картины фигурируют в школьной программе, и это дает основание полагать, что ядро вкусовых предпочтений в области изобразительного искусства формируется именно в школе. Поразительно, что предпочтения в других областях искусства не отличаются подобной стабильностью. Данные положения, на наш взгляд, представляют интерес для дальнейших социологических исследований.

Наконец, вторая глава завершается попыткой сопоставить художественные предпочтения в изобразительном искусстве, литературе, музыке, кино, театре у посетителей Русского музея. Однако, данные предпочтения образуют сложные, неустойчивые структуры. Отмеченная в монографии тенденция не открывает для читателя что-то новое: «В целом художественные предпочтения посетителей традиционных выставок более консервативны по сравнению с таковыми на выставках искусства XX в.» (с. 142).

Очень большой интерес также представляет третья глава, озаглавленная «Социальная жизнь искусства». В ней авторы подводят итоги проведенного рассмотрения музейной деятельности в треугольнике «государство» – «общество» – «искусство». В начале главы они по сути формулируют исследовательскую модель, определяющую соотношение сторон друг с другом: 1) принципы художественной политики в музее задает государство; 2) посещаемость музея им не контролируется, а определяется социально-экономическими факторами развития общества; 3) музей определяет «структуру художественного потребления», то есть приоритеты, исходя из внутреннего процесса развития искусства, не зависящего от внешних по отношению к культуре факторов, в том числе общества и экономики, которые однако определяют спады и подъемы культурного потребления.

Важна выраженная здесь авторами мысль о том, что в постсоветскую эпоху произошла дифференциация и атомизация общества. В этом смысле художественная культура выполняет «свою стабилизирующую и компенсаторную функцию в обществе». Она приобщает «к многообразию художественных ценностей и их «мирному сосуществованию» в едином пространстве».

В условиях, когда за XX и начало XXI вв. в обществе и культуре не раз происходили «символические революции» (то есть резкие смены системы символов и связанных с ними смыслов), авторы подчеркивают, что современный музей не может и не должен выстраивать их иерархию, определять «кто лучше», «кто важнее» (Рублев, Айвазовский или Малевич). Ибо культура не только автономна, но и призвана выстроить единство общества в целом во всем его многообразии. И здесь важна роль школьного образования и музеев для молодежи. Учащиеся – школьники и студенты – должны посещать музей просто потому, что эта их «работа» по освоению и приобретению культурного капитала. А именно функционирование «художественного капитала» в обществе и позволяет осознать

музей как национальное достояние, которое играет важнейшую роль для национального самосознания, необходимого для объединения людей, их общей самоидентификации.

Данная монография может быть интересна социологам по ряду причин, которые, на наш взгляд, сводятся к следующим трем. Во-первых, работа «Музей и общество» представляет собой продукт научной саморефлексии музейной институции и в этом отношении может быть полезна для изучения процесса производства социальными институтами научного знания о самих себе. Во-вторых, сама практика изучения музеев в современной отечественной социологической традиции заметно отстает от западных исследований, в то время как данная монография во многом объединяет две исследовательские традиции – советскую ориентацию на изучение музеев в рамках общего анализа культурной жизни общества и западную практику исследования музеев, в фокусе которых находятся властные отношения. В этом смысле исследование выполнено с учетом основных достижений в области социологического осмысления социальной роли музейных институций и может быть хорошим примером для дальнейших социологических исследований при условии усиления методологического аппарата в соответствии с описанной выше критикой. Наконец, авторы ставят ряд вопросов, требующих социологического изучения. Например, неисследованными остаются причины устойчивости предпочтений в отношении живописи на фоне заметной динамической смены предпочтений в других областях искусства (кино, музыки, театра, литературы). Кроме того, гипотеза авторов о том, что конфигурация и распределение художественного капитала в обществе в некоторой степени совпадают с демографической структурой музейных посетителей, в сущности, остается не доказанной на страницах данной работы и может быть положена в основу дальнейших исследований. Открытыми остаются вопросы о том, как полученные данные использованы в экспозиционной политике Русского музея и как проведенное исследование в целом скорректировало или, наоборот, убедило в правильности существующей практики взаимодействия с посетителями. Авторы не удовлетворяют этот читательский интерес, закономерно возникающий среди читателей-специалистов по музейному делу, оставляя монографию в первую очередь ориентированной на широкий круг социологов, культурологов, искусствоведов и всех интересующихся социальными аспектами функционирования искусства.

Получено редакцией: 22.01.24

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андреев Андрей Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России XIX – начала XX века Исторического факультета

Григорьева Екатерина Александровна, старший методист, Университетская гимназия (школа-интернат); младший научный сотрудник Отдела теоретического анализа социальных трансформаций

DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.12

Experience of Museum Sociology: Museums and Society¹

Andrei Yu. Andreev

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

andrv@hist.msu.ru

ORCID: 0000-0001-7075-6637

Ekaterina A. Grigoreva

Lomonosov Moscow University, Moscow, Russia;

Institute of Sociology of the FCTAS RAS, Moscow, Russia

yreevda@gmail.com

ORCID: 0000-0002-0313-3437

For citation: Andreev A. Yu., Grigoreva E. A. Experience of museum sociology: museums and society. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024. Vol. 15. No. 2. P. 190–201. DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.12; EDN: JVEQFU.

Abstract. This text contains a brief summary of the contents of the monograph and the authors' reflections on the museum from a sociological and historical perspective based on its text. The work discussed in this review presents the results of a comprehensive analysis of the activities of the Russian Museum (St. Petersburg) over 25 years in its correlation with the broad social and historical context. The monograph also makes an attempt to go beyond classical studies of museum audiences, that come down primarily to constructing a socio-demographic portrait of the visitor and are often limited to it. The monograph under review contains an in-depth analysis of the relationship between the museum and society, not only from the position of the museum itself, which is typical for most museum studies, but also from the point of view of the audience, and, most valuable, from the position of the state. Using the example of a study of visitors to the Russian Museum, V. N. Koziev and E. V. Potyukova seek to identify the influence of changing political and social landscapes on the evolutionary trajectory and mechanisms of functioning of museum institutions in different historical periods.

The authors of the review critically examine the methodology underlying the study, but emphasise a number of valuable provisions of the monograph for the social sciences that require further study and development. Noteworthy is the hypothesis put forward in the monograph that the configuration and distribution of artistic capital in society to some extent coincides with the demographic structure of museum visitors, which, although it has a number of limitations, outlines the line of the presented research. Given the noticeable lag in the domestic practice of sociological study of museum audiences and the museum itself as a social institution from the Western body of research practices in the field of museum affairs, the monograph under review deserves close attention from researchers, since it not only answers, but also poses new research questions. Further study of museum practices and museum audiences would make it possible to identify the features and trends in the development of museums in modern Russia in the era of widespread digital technologies and museums searching for their purpose in modern conditions.

Keywords: museum, sociology of museums, museology, museum visitors, museum research

The article was submitted on: January 22, 2024

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Andrei Yu. Andreev, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Russian History of the 19th – early 20th centuries

Ekaterina A. Grigoreva, senior methodologist; Junior Researcher at the Department of Theoretical Analysis of Social Transformations

¹ This work was done with the support of MSU Program of Development, Project No. 23-SCH02-17 «Elaboration of the foundations for the creation, operation and development of a comprehensive scientific and educational university youth museum on the example of the Lomonosov Moscow State University».

ВЕСТНИК *Института* **СОЦИОЛОГИИ**

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ЭЛ № ФС 77 - 73108 от 9 июня 2018 г.

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

Главный редактор:

Михаил Константинович Горшков

Заместители главного редактора:

Ольга Владимировна Аксенова,
Полина Михайловна Козырева

Ответственный секретарь: Кирилл Викторович Подъячев

Заведующая редакцией: Анастасия Владимировна Роговая

Разработка программного обеспечения: IT-Центр ИС ФНИСЦ РАН

Макет: Ольга Викторовна Березная

Компьютерная верстка: Ильдар Мансурович Ситдилов

Журнал «Вестник Института социологии» включен
в базу РИНЦ, перечень ВАК – категория К1, индексируется WoS RSCI

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.
Плата за публикацию с авторов не взимается

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает точку зрения
редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал
«Вестник Института социологии» обязательна.

2024. Том. 15. № 2. Дата выхода в свет 28.06.2024.

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

Тел.: 8 499 125-00-79. E-mail: vestnik@isras.ru

Размещение журнала: <https://www.vestnik-isras.ru>